

МАРТ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1970

Это письмо Владимир Ильич Ленин написал своей маме — Марии Александровне — в 1912 году из Парижа, где он жил в эмиграции. Владимир Ильич никогда не забывал — как бы он ни был занят — позаботиться о Марии Александровне, написать ей обстоятельное, ласковое письмо, разделить ее волнение в тревожные дни.

2|VI.12.

Дорогая мамочка! На днях писал тебе по поводу ареста Маняши и Анюты. Хочется поговорить еще. Боюсь, что ты слишком одиноко теперь себя чувствуешь. Я спрашивал в предыдущем письме, есть ли кто из знакомых, навещающих тебя, но ответа на письмо, конечно, не могло еще быть.

Сегодня прочитал в петербургской газете о больших арестах и обысках в Саратове в связи с железнодорожными служащими. Видимо, хватать стали особенно усердно... Не знаю, успела ли ты получить какие-нибудь вести от Мани и Анюты? С Анютой, наверное, скоро увидишься, раз даже при аресте вынуждены были сказать, что берут, видимо, ненадолго. Но, если аресты особенно широки, то может пройти некоторое время просто на то, чтобы разобрать, рассортировать всех арестованных.

Пожалуйста, черкни мне несколько слов, моя дорогая, чтобы знать, здорова ли ты и как себя чувствуешь,— есть ли какие новости; есть ли знакомые у тебя в Саратове. Может быть, при более частой переписке ты будешь чувствовать себя все же несколько менее тоскливо.

У нас все по-старому. Вчера предприняли прогулку в parc de St. Cloud, но неудачно: пошел дождь. Погода стоит вообще не жаркая, и мы насчет лета все еще ничего не решаем.

Надя и Ел. Вас. крепко целуют и желают здоровья и бодрости. Я тоже и обнимаю тебя, моя дорогая.

Твой В. Ульянов

Мы открываем этот номер письмом В. И. Ленина к матери. Где бы ни был Владимир Ильич и как бы ни трудны были его дни, он никогда не забывал написать матери, ласково успокаивая и поддерживая ее.

Третий номер — номер предвесенний. И пусть на его обложке еще лежит снег, но, посмотри,— каждый из кораблей, зимующих тут, в затоне, уже готовится в плавание, дожидается ледохода.

Продолжаем публиковать повесть **«Жизнь Ленина».**

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Выходит с 15 марта 1924 г.

МАРТ 3

Издательство «Правда»

Москва 1970 г.

В НАШЕМ ЛЕНИНСКОМ КАБИНЕТЕ рассказ о том, что думал Владимир Ильич о мощи и крепости пролетарского государства.

В УЛЬЯНОВСКЕ побывал наш художник. В номере его рассказ и рисунки.
Окончание повести **«Зимородок».** Герой, кажется, отыскался. Впрочем, кто будет читать, сам узнает, а Ключик спешит дальше...

Скоро, в апреле, братская ВЕНГРИЯ будет отмечать 25-летие освобождения страны от фашизма. В номере рассказ венгерского писателя. Вы узнаете, как советские войска изгоняли фашистов из Будапешта.

Рассказ из БОЛГАРИИ, немного смешной, про двух мальчиков, две трубы и бассейн.

Стихи из ИТАЛИИ от **Джанни Родари.**

Не пропустите историю о том, как по Москве ночью шла слониха Пунчи, шла, чтобы сделаться киноактрисой.

Отвечаем на письмо девочки Тани. Разговор идет о слухах, о несправедливых насмешках, о том, как легко человека обидеть и как трудно этому человеку жить... Предлагаем подумать.

Заглянем теперь в конец номера, где обитают все **«Сорок сорок»**, таинственно существуют **«Трое Неизвестных»**, где **«Ума палата»** раскинулась неподалеку от царства шахматного владыки. Их всех вы отыщете и без проводника,
а вот в самом конце журнала ОТВЕТ на АНКЕТУ!

Последняя страница обложки про весну.
Тут далекие горы, где-нибудь за ними — аул и колхоз,
а прямо перед вами цветущее миндальное деревце,
и под ним девочка, которая пасет овец,
и сами эти овцы, и то приятное, веселое ощущение,
которое всеми овладевает весной,
даже и оно тут нарисовано.

ИТАК, МАРТ!
От имени всех мальчиков
КЛЮЧИК ПОЗДРАВЛЯЕТ
всех девочек и надеется,
что вы не забудете
поздравить
своих мам и бабушек.

С. АРТАМОНОВ

НАД РЕКОЙ

РАССКАЗ

Рисунок П. БАГИНА.

Мальчик живет у реки в городке, домики которого, сады, уступчатые дорожки и бесчисленные лестницы разбросаны там и тут по склонам высокого и крутого холма так, что в иной миг кажутся нарисованными на театральном занавесе. Вот-вот он раздвинется, и начнется тогда представление... Но какое? Может быть, буря? Река перед городком широкая, и, когда сильный ветер волнует воду, настоящие волны катят на берег.

Мальчик хорошо помнит, как дули по три и четыре дня кряду резкие ветры минувшей осени, лили дожди и темнела и закипала река, так что рвались стальные буксирные тросы и неуклюжие баржи с песком или арбузами тащило на мель...

А темные, мокрые, шумные ночи и серые, непроглядные утра, когда в густом и

тяжелом тумане реки вовсе не видно. Только слышны, будто сквозь вату, тревожные басовые голоса пассажирских пароходов, пронзительные сирены «Ракет» и «Метеоров» да глухой, медленно замирающий звон колокола с земснаряда. Все лето он рассасывал и размывал прямо перед городком песчаную косу, углублял и расширял фарватер... В одну из таких ночей, когда мальчик безмятежно спал, не слыша, как грохочет крыша, как с воем летит воздух вдоль стен их домика, в эту ночь вылетел на берег старый колесный пароход «Штурман Данилин»: то ли просто не хватило лошадиных сил его старым машинам, то ли всему виной сорванный бакен, который показывает поворот реки.

Никто не погиб, да и о старом пароходе много не сокрушались. Он свое отплавал и давно списан на металлический лом, чтобы металл его усталых машин и бортов вернулся на реку в новых кораблях с крыльями, мчащихся подобно автобусам...

Здесь, где вылетел носом на сушу старый пароход, берег сильно выдается вперед, образуя довольно высокий мыс, за которым и днем и ночью, всю навигацию, бурлит шумная жизнь большого затона, здесь пустынный берег и тихо. И в этой тишине, среди этой пустынности, сильно кренясь на бок,— корма в воде, нос на белом песке — высится, как что-то загадочное, страшноватое и тянущее к себе, «Штурман Данилин».

Мальчик повадился ходить сюда. В школу ему во вторую смену, так он позавтракает, сложит что надо в портфель и бегом вниз, сюда. Он и уроки тут учит все устные, а письменные — дома, с вечера успевает. Правда, раньше сюда и другие мальчишки ходили, но перестали с холодами, а он — нет. Заберется на косую палубу «Штурмана», мокрую и скользкую от ночных дождей и туманов. Он знает, как в рубку пробраться — уже кто-то оттянул вместе с гвоздями один из фанерных листов.

Вот он в рубке, стоит у деревянного штурвального колеса — жаль, что оно не крутится — и громко командует самому себе, смотрит на приборы с разбитыми стеклами, стрелочки которых уже порыжели от ржавчины. Или выберется на крышу и глядит, если нет дождя, на реку, на близкий затон за бугром, где, как стадо жирафов, работают портальные краны — медлительные, но сильные и ловкие металлические животные. Видно, как пылят грузовики, целой вереницей заезжая на погрузку. Ходит над ними ковш, как гигантская ложка: вот вверх поехал, замер и падает вниз. Там баржа с гравием. Зачерпнул, и снова вверх, и опять замер, уже над кузовом, а вот и посыпалось вниз... И, конечно, того не видно, но угадать, когда знаешь, проще простого: грузовик так и присел, наверно, под тяжкой поклажей, потом зарычал, дернулся, поехал. И тут же встал на его место другой... А вон там, чуть в стороне, еще ряд кранов и видно, как уводит вереницу вагонов ярко-красный электровозик, визгливый, как резиновая игрушка.

Уже более ста лет городок растит и учит людей для реки. Еще прежде жили в нем бурлаки и плотогоны, погонщики лошадей, с помощью которых канатами тянули суда против течения.

Теперь живут в городке грузчики и матросы, капитаны, судовые механики, штурманы, лоцманы, знающие капризный фарватер на память, портовые крановщики, рабочие из ремонтных мастерских и бакенщики, и один с удивительной профессией инженер... Ничего он не строит, не ремонтирует и не конструирует — он изучает реку, меряет скорость воды, глубины, движение песка и перемещение мелей, и то, как разрушаются берега, и то, как изменился характер реки выше и ниже плотины. Это отец мальчика, а дедушка его был капитаном, сейчас стар и сидит дома, и прадедушка был речником, и даже бабушка, знающая сказки про старинных разбойников, в молодости плавала поварихой. И так многие и многие из городка; чуть тронулись льды весной, за ними и люди на кораблях, и до самой глубокой осени — последние пароходы приходят в затон, опять-таки расталкивая бортами уже новые льды.

Пройдет осень, и грянет тут же зима. Опять завертит на неделю воздух винтом, смешаются земля, вода и небо. И однажды глянешь в ясное утро: река-то стала! Засыпало, завалило и дома, и дворы, и все улицы, бегущие вниз, и саму реку, и в странный, в огромный сугроб превратился «Штурман Данилин». Теперь не подойти к нему, но мальчик хоть и жалеет, однако и рад он одновременно...

Он слышал, говорили, будто у причала ремонтного завода уже стоит катер и готово автогенное оборудование. Не сегодня-завтра подойдет тот безымянный катерок к старому «Штурману», как щупальца спрута, протянутся разные шланги и провода, вспыхнут и зашипят синенькие жальца газовых горелок, и как пойдут они резать старый пароход на куски! А потом подтянут плавучий кран, подведут баржи, и не станет на реке больше ни одного колесного парохода, потому что «Штурман Данилин» последний...

Но река стала, а плавучий кран на санках не повезешь!

Мальчик стоит на самом верху заснеженного холма. Он на лыжах и раздумывает о том, куда бы ему съехать, да так, чтобы как можно дальше несла его и катила гора, а он бы пригнулся, как это делают в кино трамплинные прыгуны, и круто поворачивал бы, выставляя для этого одну ногу чуть вбок, а за ним следом снежная пыль — красиво!

Он оттолкнулся палками и поехал. Сначала медленно, и показалось ему, что сдвинулось с места все ровное белое поле внизу — это река подо льдом и снегом. Левее обширное и овальное углубление в берегах — тут затон, где зимуют речные суда, берегутся, чтобы не побило и не поволокло их весенним льдом. Высокие пассажирские пароходы, такие белые, и нарядные, и чистенькие летом, а теперь под снегом. Низкие, как калоши, баржи и танкеры, в которых перевозят нефть, бензин или мазут, а еще бесчисленные катера и разные моторные лодочки, плавучие речные вокзалы на понтонах, краны — все это замерло во льду необитаемым городом и оцепенело.

Мальчик заметил, что день начинает гаснуть — даль над рекой заволокло синевою, белое небо посерело и выцвело и, медленно поднимаясь наверх, мальчик уже думал о доме. О том, как тепло там и вкусно пахнет супом, и о том, как хорошо скинуть твердые и тяжелые башмаки, походить по полу в носках и сесть куда-нибудь в уголок с книжкой или, еще лучше, ничего не читать, а чтобы взрослые разговорились о чем-нибудь интересном, а он бы слушал...

Поднимался он в этот раз долго и медленно. Еще медленнее скользил по лыжне вдоль своей улицы, снова видя внизу, но уже не белую от снега и не позолоченную от солнца, а синеватую и даже сиреневую картинку! Затон, корабли, спички мачт, ниточки проводов и узкие петляющие дорожки, что натоптали от мастерских с берега к кораблям во льду бригады механиков и слесарей...

Лишь снаружи суда кажутся застывшими и покинутыми, внутри уже начались ремонтные работы. Там тепло и светло. Там пахнет керосином — это промывают и чистят разобранные механизмы, меняют сработанные детали. Когда стает снег и тронется лед, начнется самая веселая работа — покраска, и весь затон щегольски засияет.

А одна из тропок — и мальчик с удивлением ее вдруг обнаруживает, — совсем узенькая и тоньше других, убегает дальше других, прочь из затона, и вот она, вот краем берега да напрямик к сугробу «Штурмана Данилина»... Это что-нибудь значит?

Да, конечно.

Вот мальчик спрашивает у какого-то прохожего человека, сколько теперь времени, и тот отвечает, глянув на часы, что половина четвертого.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Еще минут через десять встанут на место лыжи, мальчик переоденется и умоется, а когда все сядут за стол — вот тут-то и сбудется давешнее его желание,— взрослые заговорят об интересном. Дедушка скажет:

— И чего его резать? Железа, что ли, мало? Пусть кругом мастерских поглядят — там на два крейсера лому... И что же его ремонтировать? Ну, погнуло там чего-нибудь, помяло, а машина как была, так и есть, и воды в трюмах ни капли. Я сам залезал,— скажет дедушка,— и посмотрел, и проверил, ничего не поломано.

А все этому очень удивятся и поглядят друг на друга и заулыбаются, и тут бабушка вставит слово.

— Жалко же! — скажет она.— Он хоть и старый, и «колесником» его зовут, и «телегой», и «карасем пузатым» и даже «лаптем», а жалко. Потому что, если хотите знать, так я одну навигацию на нем поварихой была, только назывался он тогда «Меркурий». А Данилин Иван никакой был не штурман, а мальчишка, вот вроде нашего. И стоял он при посадке у сходней, билеты смотрел у пассажиров — на голове фуражка, прямо на ушах, а сам босой. Жалко!

— Да что вы заладили,— скажет отец с досадой,—не станут резать его! И если вода весной будет высокая, если глубина позволит, снимем, пусть ходит!

— А будет? — спросит тогда мальчик, и все повернутся к нему, потому что он очень громко это спросит:

— А будет вода высокая?

Отец на секундочку задумается, потом скажет:

— Да, весна ожидается дружная. Прогноз в этом смысле хороший, снегу, как никогда. Да еще весь март, самые метели, впереди.

Вот как все это будет: и обед, и разговор за столом, и совсем уже темное небо за окнами. Но если, впрочем, глянуть в окна попристальнее и если погасить в комнате свет, то внизу, под горкой, как угли в остывающей печке, засветятся мигающие в морозном воздухе огоньки из затона. Это кое-где на кораблях еще работают, и на берегу, на пристанях и в мастерских работают тоже.

Но будет это чуть позже, еще через несколько минут,— мальчик только подкатил на лыжах к калитке и присел, чтобы отстегнуть обледенелые защелки креплений...

Юрий ЯКОВЛЕВ

ЗИМОРОДОК

Окончание

ПОВЕСТЬ

Рисунки Л. КАТАЕВА.

8

— Здравствуйте, люди-человеки! Начнем, пожалуй... Сегодня мы займемся слонами.

По рядам прокатился смешок. А Сергей Иванович уже расхаживал по классу, слегка наклонив свою большую голову.

— Но до слонов я хотел бы заняться Маратом.

Снова вспыхнул смешок.

— И узнать, где он пропадал, почему пропустил урок?

Марат нехотя поднялся. Как всегда, он был озабочен своими мыслями, и то, что происходит вокруг, его не интересовало.

— У него болела рука! — сказала Зоя Загородько.

— Я спрашиваю Марата.

Марат переступил с ноги на ногу и сказал:

— Я искал одного человека.

— Какого человека? — спросил учитель.

— Его расстреляли фашисты.

Учитель сделал несколько шагов, потом обернулся и сухо сказал:

— Не вижу логики. Чего же искать человека, если его расстреляли?

И снова поднялась Зоя Загородько. Ее смуглое лицо горело, а редкая челка разметалась по лбу.

— Это был очень хороший человек, Сергей Иванович... А вы этого не хотите понять... Вас интересуют только клювы и хоботы.

У нее не хватило дыхания. Она села. За густой растительностью на лице не видно было, как учитель побледнел. Он сказал глухим голосом:

— Да, я этого не хочу понять! Меня интересуют клювы и хоботы, потому что мой предмет — зоология. И на уроке никакие посторонние вещи меня не касаются. Тебе это понятно, Зоя Загородько?

— Понятно,— недовольно ответила смуглолицая девочка.

— Садитесь все! Будем продолжать урок.

— Про слонов? — спросил Василь.

— Сперва про мышей.

По классу прокатился смешок. Но учитель не обратил на него внимания.

— Начнем с мышей. Потому что, хотя слон—самое крупное и самое сильное животное в мире, простая, ничтожная мышь может погубить его.

Василь хихикнул. Но Марат ударил его локтем в бок. И тот притих.

По коридору шел директор школы с инспектором роно. Они остановились у дверей класса. Оттуда доносился несмолкаемый гул. И сквозь этот гул слышался глуховатый голос учителя:

— Александр Македонский в своих завоевательных походах использовал боевых слонов. Слоны были танками древних войн...

В это время послышался голос Василя:

— Танки с хоботом и клыками. А вместо противотанковых мин мыши!

В классе вспыхнул смех.

— И так всегда на уроках Серегина,— недовольно сказал директор.— Какой-то балаган, а не урок.

— Неопытный? — поинтересовался инспектор.

— Нет, стаж работы у него большой, но не умеет он. Все шуточки! Ему бы следовало перейти на другую работу.

— Подумаем,— сказал инспектор.

— Никакого авторитета у ребят,— добавил директор и вместе с инспектором зашагал дальше.

А на исходе дня, когда школа опусте-

ла, директор застал учителя зоологии за странным занятием: Сергей Иванович съезжал с четвертого этажа по перилам.

— Как это понимать, товарищ Серегин? — вспыхнул директор.

Сергей Иванович молчал, как провинившийся ученик.

— Какой пример вы подаете детям?

Учитель молчал. Потом провел рукой по волосам и сказал:

— Устал я очень.

И пошел прочь, оставив директора в недоумении.

Зоя Загородько и Василь шли по улице без всякого дела.

Припекало солнце. Первый летний месяц набирал силу. И зеленая листва, растревоженная ветром, издавала морской шум.

Неожиданно Зоя Загородько остановилась и спросила своего спутника:

— Василь, у меня красивые глаза?

— Не знаю,— признался мальчик.

— Посмотри внимательно.

Василь уставился в глаза девочки.

— Смотрю.

— Что ты видишь?

— Глаза.

Зоя Загородько поправила рукой челку и сморщила нос.

— Эх ты, глухая кукушка!

— За «глухую кукушку» можешь схлопотать! — буркнул Василь.

Зоя Загородько повернулась на каблучках и пошла, размахивая портфелем. Василь поплелся за ней.

Около тира их окликнула огромная бабка, которая вышла из своего тоннеля, и грелась на солнышке, и занималась своим привычным делом: вязала.

— Где ваш приятель? — спросила бабка, посмотрев на ребят маленькими бесцветными глазами.— Мне он нужен.

— Появился Седой? — поинтересовался Василь.

— Никто не появлялся,— сухо сказала бабка.— А приятеля пришлите.

— Он обязательно придет,— сказала Зоя Загородько, но огромная бабка уже не слушала ее: она ушла в работу.

В тире, за ее широкой спиной, треснуло несколько выстрелов.

— Может быть, нашелся Зимородок? — предположила Зоя Загородько, когда ребята свернули за угол.

— Как же он нашелся, если его расстреляли? — резонно заметил Василь.— Она имя его знает, а нам не хочет говорить. Каменная баба!

Через несколько шагов Зоя Загородько спросила Василя:

— Василь, у меня красивые губы?

— Не знаю.

— Посмотри внимательно.

— Смотрю.

— Что ты видишь?

— Губы.

А еще через несколько шагов она сказала:

— Знаешь, на кого похож этот Зимородок?

— Не знаю,— признался Василь.

— Он похож на Марата. Только об этом никто не должен знать. Слышишь?

К вечеру Марат стоял перед бабкой. Она говорила ему:

— Вспомнила... У нас в Жуковке был отряд. Там один парень умел свистеть иволгой. Имя его не помню. Есть в Жуковке братская могила. Похоронены партизаны. Имена написаны на камне... В Жуковке у меня тетка живет, Жукова Алевтина. У нас почти все Жуковы... Стрелять будешь? Не будешь, тогда отойди от огневого рубежа. Не мешайся.

— Может быть, его звали Зимородок? — спросил мальчик.

Бабка уставилась на него и мрачно сказала:

— Я у фашистов на допросах молчала. А ты меня допрашивать вздумал... Стрелять не будешь? Иди, иди.

Марат понял, что больше он не добьется от каменной бабы ни единого звука и что надо немедленно ехать в Жуковку.

9

Они шли по узкой лесной тропинке, раздвигая руками ветки. Впереди, переваливаясь с боку на бок, шла тетка Алевтина, такая же огромная и грузная, как и ее племянница из стрелкового тира. Темные босые ноги не чувствовали колючек, которые попадались на тропинке.

За теткой Алевтиной шел Марат. Он был поглощен своими мыслями, и ему казалось, что тетка Алевтина идет слишком медленно. За ним шла Зоя Загородько. Она не спускала глаз с Марата. Она смотрела ему в затылок с тихим восторгом, потому что все, что было связано с Зимородком, переносилось в ее сознании на Марата. Василь шел последним. По его лицу струился пот.

Они шли долго, пока внезапно не вышли на поле. Над полем возвышался холмик с белым обелиском. У подножия холмика тетка Алевтина остановилась и опустила руки, сказав:

— Вот могилка-то. Все тут. И мой Ванятка здесь похоронен...

Ребята приблизились к обелиску и стали быстро читать имена погребенных. И вдруг Зоя Загородько воскликнула:

— Здесь!

Ей стало неловко своего выкрика, и она тихо сказала:

— Зимородок.

Действительно, на каменной доске в столбике фамилий было написано, вернее, высечено на камне: «Зимородок».

— Все-таки он погиб,— сказал тихо Марат.

— Марат.— Зоя Загородько положила руку на плечо друга.— Ты веришь, что он погиб?

Марат молчал. А Василь сказал:

— Тут дело ясное.

Тетка Алевтина стояла за ребятами. Она ушла в свои мысли. Может быть, она думала о Ванятке? И вдруг что-то нахлынуло изнутри и пробило каменную бабу, и старая женщина заговорила:

— Девять телег стояло здесь на поляне. Девять гробов. И много народу сошлось в этот день в Жуковку. Я помню число. 25 августа. В этот день каждый год собираются партизаны. С каждым годом их все меньше остается... Словно отряд где-то ведет бой. И не все возвращаются. Так вот, в тот день у разрытой могилы речь говорил Петр Ильич...

Ее память воскресила тот тяжелый военный день. И зазвучал голос партизанского командира:

«Товарищи! Братья! Не судите нас строго, что мы провожаем вас в последний путь без оркестра, в неструганых гробах. Человек ко всему привыкает. Но привыкнуть к утрате друзей он никогда не сможет. Нам без вас будет труднее в бою, а если пуля пощадит нас и мы доживем до победы, нам будет не хватать вас всю жизнь. Мы никогда не забудем вас. Мы накажем своим детям помнить вас. Прощайте, товарищи, ваша жизнь оборвалась на полпути, вы не дожили до седых бород. Вы останетесь в нашей памяти навечно молодыми. Но молодых будущее поколение поймет легче, чем стариков. Вы будете учить наших детей, как надо любить Родину. Пусть будет вам земля пухом... Огонь!»

И все, кто стоял над свежевырытой могилой, подняли свое оружие и выстрелили. И гул этого салюта грозной волной покатился по лесам и полям.

— Почему девять? — спросил Василь.— Здесь десять фамилий. Ошибка?

— Кто его знает. Только хоронили девятерых. Я-то помню: девять телег прогромыхало по дороге. А дед Аким сколачивал девять гробов. Ему теса не хватило, он ходил по дворам...

— Кого же там нет? — спросил Марат, показывая рукой на могилу.

— Этого я не знаю,— призналась старая женщина.— Это знает только Петр Ильич Лучин, партизанский командир.

— Где же он?

— Петр Ильич? Живет в Одессе, на пенсии. Болеет. Жена его, партизанская учителка, тоже с ним. А я никого не знала. Я только Ванятку знала...— Она замолчала. Стала каменной.

— Вот видишь,— сказала Зоя Загородько.— Надо верить.

— Для чего же написали? — все не мог разрешить своих сомнений Василь.

Но ему никто не ответил. Ребята стали спускаться с холма. Они попрощались с теткой Алевтиной. Но та не заметила их, все стояла неподвижная и углубленная в свое давнее горе.

Каждый раз на пути к Зимородку жизнь создавала новые и новые препятствия, словно хотела испытать выдержку красных следопытов. Отчаяние приходило к Марату и его друзьям. И вместе с тем в их поиске было что-то живучее. Сквозь туманы безвестности светил им далекий огонек надежды. Они спешили навстречу Зимородку, словно хотели вернуть ему все, что отняла у него война: имя, жизнь.

На лесной полянке, с которой когда-то взлетел маленький трескучий «кукурузник» с пареньком, не знавшим даже, как обращаться с парашютом, они узнали о его смерти и захотели вернуть ему жизнь. Как скалолазы, которым каждый неприметный выступ помогает сделать еще один шаг к вершине, они ухватились за слова, оброненные теткой Алевтиной: «Хоронили девятерых».

Хоронили девятерых! Кто же был десятый? Зимородок? И тут перед Маратом возникал человек, маленький, чернявый, в золотых очках. «Это надо еще доказать!» — говорил он и уходил, щелкая каблуками.

10

Отец Зои Загородько сказал:

— Ждите! Представится удобный случай, свезу вас в Одессу.

Случай долго не представлялся: отец летал по другой линии. Ребята хотели было написать письмо партизанскому командиру Петру Ильичу Лучину, но какое-то чувство подсказывало им, что есть вещи, которые нельзя доверить бумаге, надо высказать их самим. Для них Зимородок еще был живым. Он просто был настоящим зимородком: глубоко нырнул в одном месте, вынырнет в другом.

Каждый раз, встречаясь на мосту, ребята вопросительно смотрели на Зою Загородько. И она отвечала:

— Еще не представился случай. Но представится...

Они шли мимо тира, который в ранний час еще был закрыт. И на тяжелых воротах висел замок. Может, за этим замком хранится еще один след Зимородка?

Василь последнее время стал прихрамывать и прицепил к куртке синий значок с изображением парашюта. Сам с собой он играл в Зимородка.

— Говорят, в Заречье живет такой доктор Стройло. Слыхали? — неожиданно сказал Василь.— В войну он был начальником подпольного госпиталя. Этот доктор много знает... Может быть, и про Зимородка?..

— Так за чем же дело? — спросила Зоя Загородько.

— Говорят, он не любит рассказывать.

— Почему не любит? — спросил Марат.

— Натерпелся.

— От кого натерпелся? — Марат распрямился и посмотрел на Василя.— От фашистов?

— Нет, фашисты до него не добрались. Он натерпелся от средних.

— От каких средних? — Зоя Загородько заглянула в лицо Василю.

— Есть такие средние люди. Они не фашисты и не антифашисты. Вываренные люди.

— Кто их... выварил?

У Василя губа поднялась домиком и покраснели уши.

— Почем я знаю! Сами выварились!

— Знаешь его адрес? — спросил Марат.

— Нет.

— Можешь узнать?

— Я все могу,— прихвастнул Василь и захромал сильнее.

— Тогда завтра махнем к этому доктору.

Но назавтра три друга оказались не в Заречье у загадочного доктора Стройло, а на аэродроме. Случай представился. Папа Зои Загородько летел в Одессу.

Три воздушных зайца стояли на летном поле и ждали, когда полноправные пассажиры закончат посадку.

— А вдруг не хватит места? — поминутно спрашивал Василь и дергал Зою Загородько за рукав.

— Отвяжись, глухая кукушка!

— За «глухую кукушку» можешь схлопотать! — огрызнулся Василь, но тут в дверях самолета появился высокий смуглый человек в синем форменном костюме. Он махнул рукой, и ребята побежали к трапу.

Потом они летели, усевшись втроем на два места. И совсем близко под ними расстилалась белая изнанка облаков.

Зоя Загородько смотрела на Марата, и ей казалось, что он вот-вот отвяжется и совершит прыжок с парашютом в районе станции Река. Глаза девочки светились скрытым восторгом. А Марат сидел с закрытыми глазами, и ему казалось, что он летит на стареньком «кукурузнике» и толкает в плечо седого пилота: «Пора прыгать?» А Седой кричит через плечо: «Отвяжись!»

И вокруг трещат разрывы и бросают самолет из стороны в сторону.

Зоя Загородько берет его за пуговицу и тянет. Он открывает глаза, смотрит на девочку.

— Ты что?

— Хочешь, я пришью тебе пуговицу?

— Так она не оторвалась,— говорит он, не понимая, что она от него хочет.

— Но, может быть, она оторвется? — говорит Зоя Загородько и опускает глаза, и они блестят под челкой, которая разметалась по смуглому лбу.

Самолет ложится на левое крыло и идет на посадку.

— Через три часа летим обратно. Как хотите, так и действуйте. Три часа на размышление, товарищи следопыты!.. Зоя, купишь матери дыню. Все!

За три часа они должны были разыскать партизанского командира Петра Ильича Лучина и узнать то, что не давало им покоя. Оборвется след или потянется дальше?

Вперед, красные следопыты, неутомимый народ, возвращающий имена безымянным героям, борющийся с забвением, как борются со злом. Не верьте ушам: уши могут недослышать; не верьте глазам: глаза могут недосмотреть. Верьте только сердцу.

11

Есть на нашей земле гордые города, которые умеют весело жить и смело воевать, но не сдаваться. Эти города — узловые станции: сюда стекаются пути со всех концов света и завязываются узлом дружбы. Здесь говорят: «Умирать — так с музыкой!» С музыкой орудий и автоматов и с хриплым «ура», от которого врагов прошибает холодный пот. Эти гордые города, как старые солдаты, в серых шрамах. И на их груди мерцают звезды героев. И они бессмертны, потому что на смену отцам приходят дети, и дети похожи на отцов, только моложе, задиристей, и у них легче походка.

Одесса — такой город. Говорят, в Одессе камни солоноватые от ветра, который доносит капли морской воды. А в камнях, из которых сложены дома, впаяны перламутровые ракушки. И под улицами, домами, площадями есть еще одна Одесса — подземная. Называется она — катакомбы. Фашисты шли на одну Одессу, а их встретили две: наземная и подземная. И было еще две Одессы, обрушивших на врага огонь: морская и воздушная.

Но это было давно, а теперь раны затянулись. Светит раскаленное солнце. При-

бой перекатывает камешки с одного места на другое. Корабли здороваются и прощаются с городом.

Но, может быть, камни города соленые не только от морской воды, но и от крови?

— Здравствуйте, нам нужен Петр Ильич!

Марат и его друзья замерли на полутемной лестничной площадке, а в открытых дверях перед ними стояла черноволосая женщина с темными, ввалившимися глазами. Она молча смотрела на ребят, потом сказала:

— Вы опоздали.

— Мы подождем,— сказал Марат,— у нас есть еще время.

— Понимаете, мы прилетели издалека,— пояснила Зоя Загородько.

— Он умер,— сказала женщина.— Вчера его похоронили.

— Как же быть? — вырвалось у Марата.

— Пошли, ребята,— тихо сказал Василь.— Простите за беспокойство.

Надо было уходить, но какая-то сила удерживала ребят у порога. Словно стены дома хранили тайну судьбы Зимородка. Хозяйка тоже не торопилась закрыть дверь. Наконец она нарушила неловкое молчание:

— Что вы хотели от Петра Ильича?

— Мы разыскиваем одного бойца. Мы были на его могиле...

— Как его фамилия?

— В отряде его звали Зимородок.

— Зимородок?! — Хозяйка дома произнесла это имя на свой лад, делая ударение на первом слоге. И на лице ее отразился слабый отблеск улыбки.— Зимородок! Забавный был. Он ходил в мою школу.

— Какой номер школы? — не удержался Василь.

— У школы не было номера... Это была партизанская школа. Днем я учила ребятишек. Вместо счетных палочек были стреляные гильзы... А вечером учились бойцы.

В большой землянке были низкие, давящие потолки, а две коптилки, сделанные из артиллерийских гильз, стояли на столе и высвечивали небольшое пространство и классную доску, настоящую классную доску. Парты тоже были настоящие: видимо, их вывезли из уцелевшей школы. Но они казались очень маленькими и тесными, потому что за ними сидели здоровые дяди. Некоторые бородатые. При свете коптилок эти бороды выглядели как-то зловеще. Еще коптилки освещали лицо учительницы, молодое, удивительно красивое. Гладкие волосы были заплетены в косу. Учительница выглядела молодой, а ученики — старыми, хотя были они одногодками.

— У нас кончился мел,— сказала учительница,— не знаю, как быть.

— Я раздобуду вам мел.

Из-за парты поднялся невысокий паренек в пиджаке, застегнутом на три пуговицы. Его глаза весело горели; в каждом зрачке играл уменьшенный огонек коптилки.

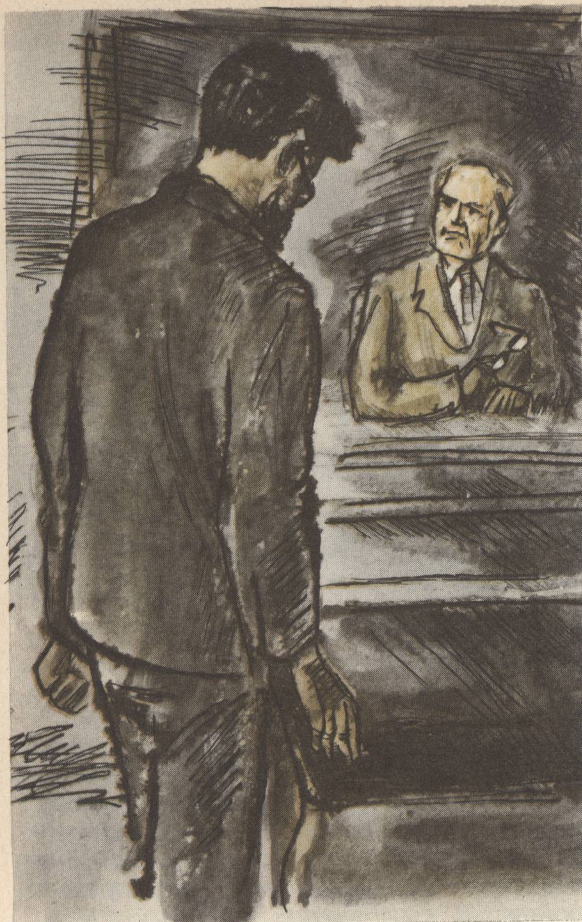
— Где ты раздобудешь?

— Военная тайна. Завтра будет у вас мел.

— Как твоя фамилия? — спросила учительница.— Ты в отряде новичок?

— Новичок! — ответил парень.— А зовут меня Зимородок.

Бородатые ученики захихикали.

— Разве человека не могут звать Зимородок? — спросил он, поворачиваясь к товарищам.— Я могу свистеть иволгой.

Все снова рассмеялись.

— Вот чудаки! — чуть обиженно сказал парень.— Я дело говорю, а они смеются...

— Послушай, Зимородок, ты сколько классов окончил? — спросила учительница.

— Восемь.

— А мы за пятый класс проходим. Зачем ты пришел?

— Учиться хочется! Я и в школе любил учиться. Честное слово! Когда учишься, каждый день узнаешь новое. Решаешь задачу, которую вчера не мог решить. В первый раз читаешь стихи, и кажется, Лермонтов написал их специально для тебя, еще чернила не высохли...

Бородачи притихли. И молоденькая учительница слушала с широко раскрытыми глазами.

— По-моему, когда человек перестает учиться, он перестает жить. А на войне так хочется жить!

И тут он замолчал, смутился и, чтобы скрыть свое смущение, спросил:

— Так показать, как свистит иволга?

Учительница кивнула. И он засвистел. Свист был похож на голос флейты. И стены землянки как бы раздвинулись. И огромный густой лес с высокими деревьями и низким подлеском возник из этой птичьей песенки. Этот лес жил, двигался, одни деревья сменялись другими, маленькие опушки переходили в орешник, за орешником вставали сосны. И свист иволги то приближался, то удалялся, такой родной и такой недоступный.

Комната партизанского командира Петра Ильича Лучина была небольшой и еще хранила устойчивый запах лекарств. У стены в углу стояла солдатская койка, застеленная серым одеялом. Над койкой висела тяжелая сабля с червленым эфесом и трофейный кинжальный нож, тоже в ножнах. На окне стояли растения с мясистой зеленью. Еще в комнате был рабочий стол с тисочками: видимо, бывший командир что-то мастерил.

Ребята сидели на стульях, а хозяйка дома — «партизанская учителка» — стояла у окна.

— Когда он взорвал Новый мост,— рассказывала она,— я долго не вычеркивала его из классного журнала. Я никогда не вычеркивала погибших. Ставила «нет». На всякий случай.

«Партизанская учителка» подошла к койке и опустилась на самый краешек, по привычке боясь потревожить больного. А больного не было.

— Петр Ильич умер от старых ран,— сказала она.— Последнее время старые солдаты часто умирают. Догоняют их военные пули.

Ребята молча слушали хозяйку дома, все еще не решаясь задать ей главный вопрос.

— Человек ко всему привыкает. Но привыкнуть к утрате друзей он никогда не сможет, — тихо произнесла партизанская вдова.

Ребята переглянулись. Эти слова показались им знакомыми, прозвучали сейчас, как эхо.

И тогда Марат сказал:

— Мы были в Жуковке, на братской могиле, где похоронен Зимородок.

— Зимородка нет в этой могиле.

— Как нет? Там написано...— вмешался в разговор Василь.

Партизанская учительница покачала головой.

— Мы знали, что немцы расстреляли Зимородка. И чтобы его имя не затерялось, написали его на доске рядом с именами других погибших в бою. Но в могиле его нет.

Ребята посмотрели на Марата и заметили, что глаза его тревожно светятся, словно видят то, что в эту минуту никому не дано было увидеть.

За его плечом встал Зимородок. А впереди зажегся огонек надежды. Он горел во-

преки всему. Да здравствует надежда! Как бы жили на свете люди, если бы не было надежды?

12

— Люди-человеки, а не пойти ли нам в лес? — сказал Сергей Иванович, переступая порог.

Предложение учителя класс встретил дружным «ура».

— Тише! Парад не начался. Хочу, чтобы вы знакомились с природой не только по учебнику... Вы когда-нибудь держали в руке птенца? Теплый, вздрагивающий комочек, полный упругой жизни. Тот, кто не держал в руке птенца, не сможет взять в руку сердце, а будущим врачам придется держать в руке сердце человека. Сейчас в лесу много невезучих птенцов. Положить выпавшего птенца в гнездо — полезное занятие... Собирайтесь. По школе идем с закрытыми ртами. Решено?

— Решено! — за всех отозвался Марат и хлопнул крышкой парты.

Класс мгновенно опустел. Ребята двинулись цепочкой по коридору. Василь нес под мышкой бумажного змея. Школа была на окраине города, и добраться до поля не составило труда.

Учитель шел впереди, а ребята, вытянувшись в длинную цепочку, шли за ним. Цепочка эта местами выгибалась, местами рвалась и нехотя тянулась в сторону леса. А над ними в вышине вился бумажный змей с нарисованной кривой рожей. Змей послушно плыл на веревочке за ребятами.

Сергей Иванович остановился.

— Слышите легкий звон? Это вьется над полем жаворонок. Весенняя полевая птица... В лесу мы обязательно встретим дятла.

Вскоре цепочка исчезла в чаще. И сразу весь мир наполнился множеством тонких звуков. Птицы пели на все лады: каждая пробовала свое горлышко.

Учитель останавливался. Прислушивался.

— Слышите?

Ребята поворачивались в сторону звука.

— Слышите? Это поет малиновка. Конечно, ее пение не сравнишь с пением соловья. Но некоторые колена очень схожи.

Он старался увлечь ребят, открывал им тайны леса. Он вел их на звук птичьей песни, а ребятам хотелось бегать, перепрыгивать через ручьи и взбираться по склонам оврагов. И тех, кто шел рядом с учителем, становилось все меньше.

— Да, наши птицы, может быть, и скромней по расцветке, чем пернатые тропических стран, но разве какая-нибудь птица в мире сравнится по пению с соловьем или малиновкой?—Он оглянулся и заметил, что рядом с ним идет только одна девочка, курносенькая, в больших очках, которые закрывали часть ее щек.

— А где же остальные? — спросил Сергей Иванович.

— Ищут птенцов, выпавших из гнезд.

— Да, да,— рассеянно произнес учитель.— Иди и ты.

Девочка побежала. Учитель остался один. Теперь он прислушивался не к птицам, а к голосам ребят и силился разглядеть их среди деревьев. Ребята как бы затеяли с учителем веселую игру в прятки. Но не было в лесу палочки-выручалочки, которая помогла бы ему.

Однако это не огорчило учителя. Он выпустил на волю веселого, шумного джина и понимал, что загнать его обратно в сосуд, именуемый классом, было делом почти невозможным.

Сергей Иванович вышел из леса. Он медленно шел по мокрой траве через поле. Потом он услышал тихий шорох, и к его ногам опустился бумажный змей. Из травы смотрела смешная рожа, нарисованная лиловыми чернилами.

Сергей Иванович опустился на парту и стал ждать возвращения ребят. Он немного устал. И уперся подбородком в сложенные замком руки. О чем он думал, пожилой человек, с лицом, заросшим густой бородой? Может быть, вспоминал то далекое время, когда сам сидел за партой?

Неожиданно дверь отворилась, и вошел директор школы. Учитель встал, как встают ученики, когда входит старший.

— Где класс? — спросил директор, испытующе глядя на Сергея Ивановича.

Учитель стоял молча, опустив голову, как провинившийся.

— Сбежали?

— Я их отпустил. У нас было практическое занятие, на природе.

— Не выгораживайте вы их! Сбежали!— сказал директор, усаживаясь за учительский стол.— Не получается у вас, товарищ Серегин. Садитесь.

— Разве не получается? — спросил учитель, продолжая стоять.

— Вы же ведете себя с ребятами, как равный. Где ваш учительский авторитет? Бороду отрастили.

— Нельзя бороду? — спросил учитель.

— Это вам решать. У нас ни один учитель не носит бороду. И не съезжает на перилах с четвертого этажа... У вас в распоряжении целое лето. Подумайте. Может быть, вам стоит заняться другим делом?

— Может быть, — пробормотал учитель.

— Вот таким образом,—закончил директор и, шумно отодвинув стул, пошел прочь.

А Сергей Иванович все стоял за партой.

В класс начали возвращаться ребята. Они входили шумные, возбужденные неожиданной прогулкой по лесу. Они не заметили, что учитель расстроен чем-то.

В класс вбежал Марат. Ладони его были сложены корабликом, как складывают на ветру, чтобы не погасла спичка.

— Я нашел птенца!

Сергей Иванович подошел к нему. Марат приоткрыл ладони. В них, как в гнезде, сидел птенец.

— Я нашел его в ручье. Он чуть не утонул.

Учитель снял очки и приблизил лицо к маленькому пернатому существу.

— Это птенец зимородка.

При слове «зимородок» Марат оглянулся на своих друзей. У Зои Загородько заблестели глаза, а Василь раскрыл от удивления рот. В это время птенец приподнял одно крыло, привстал на слабые лапки и вдруг изо всех сил рванулся, замахал крыльями. Его нельзя уже было удержать. Он полетел. Сделал круг и вылетел в открытое окно.

— Улетел! Зимородок! — сказал Марат.

Все ребята стояли у окон и провожали летящего птенца. Учитель тоже наблюдал за полетом птенца, и в глазах его застыла печаль.

На другой день начались каникулы.

13

Доктор Стройло был длинный и худой и слегка сутулился, словно все время боялся удариться головой о притолоку. У него были наполовину седые, сизые волосы и глаза навыкате. А руки свисали, как опущенные крылья. Он стоял на крыльце и недружелюбно разглядывал незваных гостей. Дом у него был небольшой, рубленый, с палисадником — пригородный дом в конце городской улицы.

— Что вам надо? — спросил он ребят.

— Мы ищем человека,— неуверенно сказал Марат.

— У меня не адресный стол! — сердито отрезал негостеприимный хозяин. Было непонятно, сердится он или скрывает усмешку.

У Василя покраснели уши. И он почти крикнул:

— Его же расстреляли фашисты! Но мы верим, что он жив!

Доктор Стройло продолжал смотреть на ребят выпученными глазами.

— Меня не интересует, во что вы верите. С вашей фантазией во что угодно можно поверить... Боль можете терпеть?

Ребята удивленно переглянулись.

— Уколов боитесь?

— Не боимся мы уколов,— сказала Зоя Загородько.— Пошли, ребята.

Доктор Стройло выкатил на нее глаза и закричал:

— Вытирайте ноги! Почище! Я полы сам мою!

Это было приглашение войти в дом. Ребята зашаркали ногами на маленьком половичке. И доктор Стройло повел их в дом. Они очутились в небольшой комнате с низким потолком. На окнах, на столе, на тумбочках — всюду стояли большие и маленькие аквариумы, в которых плавали удивительные рыбы и рыбешки. Комната была скорее похожа на зоомагазин, чем на комнату, в которой живут люди. Ребята разбрелись и начали было рассматривать рыб, но хозяин сухо скомандовал:

— Садитесь! На диван!

Они послушно сели на диван.

— Что за новое поветрие — искать человека? — спросил доктор Стройло.— Сколько лет не искали, а вдруг... понадобился человек. Мода такая? Или неловко жить стало без человека?

— Он наш друг,—сказал Марат.

— Ба! — Доктор заходил по своей маленькой комнате, и от его шагов пол задрожал, а вода в аквариумах слегка заколыхалась.— Да вас тогда и на свете не было, когда фашисты... расстреляли вашего человека.

— Он наш друг,— упрямо повторил Марат.— Он нам нужен.

Доктор Стройло подсел к ребятам и, согнувшись почти вдвое, уперся локтями в колени.

— Что вам о нем известно, о человеке-то?

— 23 августа он взорвал Новый мост на станции Река. За это его в тот же день расстреляли.

Доктор Стройло поднялся и ушел в другую комнату. И вскоре вернулся с большой конторской книгой.

Он стал листать пожелтевшие страницы, и ребята видели какие-то записи, сделанные размашистым почерком. Потом узловатым пальцем, похожим на ветку с обрубленными сучками, доктор стал водить по странице.

— 24 августа в госпиталь поступил партизан с тремя пулевыми ранениями. Видимо, он... Состояние раненого крайне тяжелое. Как его звали?

— Зимородок,— ответили все трое.

Это имя прозвучало, как пароль, потому что в докторе Стройло что-то ожило, посветлело, и в его глазах появились какие-то точки, разгорающиеся, как искры. Пароль «Зимородок» открыл забытую дверь в прошлое, и из нее хлынули воспоминания.

Зимородок лежал за станционными путями, в овражке. В помятом пиджачке, застегнутом на оставшиеся две пуговицы.

И был он какой-то маленький и легкий. Голова упала к плечу. Глаза были закрыты, а нос торчал бугорком. Маленький, острый, похожий на клюв. На щеке запеклась штыковая рана. Одна рука сжала полу пиджака. Другая откинулась ладошкой вверх, и между пальцами протиснулись стебельки травы. И казалось, трава скоро поднимется еще выше и скроет его от глаз друзей и врагов.

На дне оврага стояли двое парней. А третий на краю оврага наблюдал, не придут ли фашисты.

Парень в кепке, надвинутой на глаза, копал могилу. Его напарник неотрывно смотрел на расстрелянного. И вдруг он сказал:

— Подожди... Он, кажется... дышит...

Стриженый опустился на колени и прильнул ухом к груди Зимородка. Потом поднялся и сказал:

— Бьется! Где-то далеко-далеко бьется!

Парень в кепке отбросил лопату, подошел к нему и опустился на колени.

— Бьется! — согласился он.— Здесь земля сырая... от крови.

— Что же будем делать?

Парни молча стояли на коленях и смотрели на незнакомца. Сверху, с края оврага, кто-то спросил:

— Закопали?

Ему не ответили.

— Надо отнести его подальше. Он ведь мою мать спас,— сказал парень в кепке.

— И двух моих сестренок расстреляли бы, но он...

Он был жив. Изо рта текла тонкая, высыхающая на ветру струйка крови. Это была живая кровь.

— Его надо переправить к доктору Стройло,— сказал стриженый.— Надо раздобыть подводу.

Два парня осторожно подняли на руки полуживого Зимородка.

— Закопали? — спросил сверху стоящий на посту.

— Да он жив! — наконец ответили ему снизу.

Потом по дороге ехала подвода, груженная прошлогодней соломой. Воз был большой, похожий на желтое облако. На возу сидел парень в кепке. Лошадь шла резво, и телега, подпрыгивая на камнях, громыхала коваными ободьями.

На переезде через ручей, когда лошадь пила воду, парень в кепке спросил:

— Как ты там? Пить хочешь? Ну подай же голос, дружище!

Со стороны казалось, что он говорит сам с собой, потому что вокруг никого не было.

— Может быть, он... кончился? — сам себя спросил парень и погнал лошадь.

Потом им повстречался немецкий патруль. Немец крикнул:

— Хальт! Абвейс!

Парень полез в карман и протянул немцу «абвейс» — пропуск. Немец надел очки, посмотрел. Вернул пропуск. И вдруг прошил воз дробной автоматной очередью. Возница вскрикнул. Лошадь рванула вправо, воз скатился на обочину и чуть не перевернулся.

Немец стоял на дороге и вытирал очки носовым платочком. Очень аккуратный немец: и службу знает и чистоту любит.

Воз выбрался на дорогу. И снова колеса запрыгали по камням.

Уже в лесу, в чащобе, парень в кепке соскользнул с воза и долго прислушивался, что происходит под соломой: попали немецкие пули в раненого или прошли мимо?

— Эй, парень, ты жив? А? Ну, отзовись! Отзовись!

Возница забыл о всякой предосторожности. Он кричал на весь лес. Он требовал, чтобы тот, кого он вез под ворохом соломы, был жив. Он кричал и прислушивался. Он обходил воз со всех сторон и прислушивался, пока до его слуха не донесся слабый стон.

— Жив! — обрадовался парень в кепке.— Жив! Держись... Но, но, пошла! — прикрикнул он на лошадь и побежал рядом с возом.

Дорога в лесу была мягкая, без камней, и телега не громыхала, а как бы плыла по ней бесшумно. И все вокруг было заполнено разноголосым щебетом птиц.

Наконец воз остановился. На небольшом пятачке, среди лапистых елок. Из-за деревьев вышли люди и молча принялись сбрасывать на землю солому. Воз таял. Становился все ниже. Наконец последние охапки соломы были сброшены — на дне телеги лежал Зимородок. В его лице не было ни кровинки. И только полоска засохшей крови, как шрам, тянулась от уголка рта до подбородка.

Парень в кепке склонился над Зимородком. И лошадь тоже потянулась к нему и коснулась его щеки мягкой губой.

И тут появился доктор Стройло. Он был таким же, как и в наши дни: те же глаза навыкате, те же сизые волосы. Только спина его не так заметно сутулилась. Доктор осмотрел раненого и спросил:

— Когда?

— Вчера на исходе дня.

— В бою?

— Нет, его немцы расстреляли,— ответил парень в кепке, и вдруг в его голосе появилась твердость.— Доктор, он должен жить!

— Это что же, приказ начальства? — насмешливо спросил доктор Стройло.

— Это по справедливости.

— Ба! Если бы смерть действовала по справедливости, сколько бы хороших людей ходило по земле.

— Может быть, нужна кровь? — спросил возница.

— Кровь понадобится,— сказал доктор и пошел прочь.

Люди осторожно подхватили Зимородка и бережно понесли его по тропинке, ведущей в чащу, а парень и лошадь пошли за ними.

— Значит, он жив! — радостно сказал Марат.

— Кто тебе сказал, что он жив? — отозвался доктор Стройло.— Разве я тебе говорил, что он жив? Три тяжелых ранения. И еще нога вывихнута. Я его оперировал, а потом отправил на Большую землю в очень тяжелом состоянии... Я не говорил, что он жив; я говорил только то, что знаю.

Доктор поднялся, подошел к большому аквариуму, стоящему на окне, и стал медленно подсыпать корм.

Ребята все сидели на диване. И молчали. Зимородок приблизился к ним и снова исчез. Он был неуловим. Он уходил из-под пуль. Он поднимался из земли. Он не давался смерти. Но он не был бессмертным.

А доктор Стройло кормил рыбок. И вдруг он сказал:

— Все, что люди сделали на войне, может былью порасти. Все зависит от вас. Забвение — это ржавчина памяти. Она разъедает самое дорогое. Нужны новые силы, чтобы бороться с забвением. И еще я хотел вам сказать, товарищи следопыты: ищите в себе человека; если найдете в себе хорошего, справедливого человека, жить будете интересно, с пользой.

— Доктор Стройло,— вдруг спросила Зоя Загородько, опустив глаза,— доктор Стройло, кто вас обидел?

— Меня? Обидел? Ба! — Доктор выкатил глаза на смуглую девочку.— Меня никто не обидел. Жизнью я не обижен. Друзья от меня не отвернулись. Людям я еще нужен. А если встречаются на дороге камни или колдобины, так на то она и дорога. Знаете что, давайте-ка я вас угощу яичницей. Я здорово умею ее жарить.

— Спасибо,— отозвались все трое.— Мы не хотим.

— Не рассуждать! — весело прикрикнул доктор, и сразу у него в руках появилась огромная сковородка и в глазах зажглись теплые точки. Не каждого молодого можно представить себе стариком, но еще труднее увидеть в старике молодого. Но когда доктор Стройло взялся за дело, нежданные гости увидели его таким, каким он был двадцать лет назад и тридцать лет назад. Каким остался навсегда...

14

Каникулы подходили к концу. В зеленом разливе листвы уже появились первые вестники осени — желтые листки. Дни стали короче. Звезды — крупнее. Вода в реке потемнела.

А трое следопытов все искали Зимородка. Они появлялись в домах у людей, давно сменивших оружие на молотки, кисти, бухгалтерские счеты или на постукивающую палочку пенсионера. Они заставляли бывших воинов вернуться в прошлое и в этом прошлом, на заросших бурьяном тропах, искать следы Зимородка.

Но эти следы не привели красных следопытов ни к живому, ни к мертвому: живой неожиданно оказывался мертвым, мертвый становился живым. И нельзя было поставить точку. Марат и его друзья спешили к Зимородку, как спешат в бою на помощь другу. Он был нужен им, а они были нужны ему. Они отвоевали его у забвения, собирали по крупицам развеянную по свету жизнь, и гордый образ бойца в штатском пиджаке с оторванной пуговицей все отчетливей и ярче возникал перед ними. Но он был недоступен.

В резерве у ребят оставался единственный день, когда на братской могиле в деревне Жуковке соберутся бывшие партизаны.

Ребята ждали этого дня и боялись его. Услышат ли они свист иволги?

Тетка Алевтина встретила их, как старых знакомых.

— Здравствуйте, странники! Может быть, молочка попьете с дороги?

Не хотелось им молока.

— Спасибо. Мы сыты,— за всех ответил Марат.— Не приезжали партизаны?

— Приехали. С вечера, человек пять. И с первым поездом трое.

— А Зимородок?

— Какой он из себя, ваш Зимородок?

Марат посмотрел на товарищей, но откуда им было знать, как выглядит молоденький партизан спустя двадцать пять лет... Они знали, как он выглядел тогда.

— В помятом пиджачке, застегнутом на две пуговицы. Нос торчит бугорком. Маленький, острый, похожий на клюв... На лице шрам. Умеет свистеть иволгой.

— Где им свистеть! — вздохнула тетка Алевтина.— Они все старые, седые.

— Может быть, и он стал старым,— сказала Зоя Загородько.

— Все стареют. Никто не остается молодым. Сколько лет-то прошло! — Тетка Алевтина снова вздохнула и покачала головой.— Вы идите к могиле. Может быть,

повезет вам с вашим Зимородком. Мне с моим Ваняткой никогда уж не повезет...

Они шли по раннему лесу, и ноги их до колен были в росе. Пронзительный, радостный холодок утра покалывал плечи и разливался по телу зарядом бодрости. Трое следопытов пересекали вырубки, перескакивали через ручей, ступали по мягкому мху. Они шли по земле, в глубине которой лежали осколки снарядов, пули, каски, стволы пулеметов — ржавые, увядшие плоды войны. Родная земля все видела, все знала, она хранила тяжелую правду о каждом, кто был на войне. И как у матери нет безымянных сыновей, так и земля знала имя каждого бойца, упавшего к ней на грудь.

Ребята незаметно прибавляли шагу: им не терпелось встретить человека, заполнившего до краев их жизнь. Разве не ради него они опускались в глубины прошлого, как водолазы опускаются в пучину моря?

В лесу было тихо и безлюдно. От земли шел пар, и лес был не зеленым, а синим. Листья, трава, мох — все было синее. И фигуры бегущих ребят тоже казались синими в дымке рождающегося утра.

У партизанской могилы стояли бывшие бойцы отряда. Ребятам, выходящим из леса, они были видны со спины. Непокрытые головы — седые, стриженые, бритые и с чудом сохранившимися вихрами. Брезентовые куртки с капюшонами, откинутыми за плечи, городские пиджаки. Брюки, промокшие от росы до самых икр. Их было немного — восемь человек. Словно большой отряд понес в бою новые потери и уцелело только восемь.

Ребята медленно приближались к могиле. И когда наконец поравнялись с застывшими в молчании людьми, то стали жадно разглядывать их лица: есть ли у кого-нибудь на щеке шрам?

— Вам что тут нужно, молодцы?—спросил плечистый в брезентовой куртке.

Глаза у него были красные от недавно просохших слез.

— Мы ищем Зимородка,— за всех ответил Марат.

Он произнес это далекое военное имя, как произносят пароль, требуя условного ответа.

— Улетел Зимородок,— вздохнул старый боец.

— Не пришел? — спросил Марат.

— С того света не приходят,— сказал

стоявший рядом худой старик с палкой.

Остальные бойцы отряда молча прислушивались к разговору.

— Он жив! — твердо сказал Марат.

— Грамотный? Читать умеешь? Тогда читай! — Плечистый в брезентовой куртке кивнул на обелиск.

— Его нет в этой могиле,— стоял на своем мальчик.

— Знаю. В этой могиле нет. Но не одна же могила на свете.

— И в другой могиле его нет,— убежденно сказала Зоя Загородько.

— Ишь, как вы легко воскрешаете из мертвых,— отозвался кто-то из стоявших поодаль.

— Мы трудно воскрешаем,— вставил слово Василь.

— Может быть, вы помните его имя и фамилию? — Марат пристально посмотрел в глаза старого бойца в брезентовой куртке.

Тот потер лоб и сказал:

— То ли его звали Серегой, то ли фамилия его была Серегин.

И тут стоявший в стороне, с усами, которые топорщились сердитой светлой щетиной, сказал:

— Его звали Сергей Иванович Серегин.

Старые бойцы закивали головами, а ребята удивленно переглянулись.

— Так это наш учитель зоологии,— вырвалось у Зои Загородько.— Сергей Иванович Серегин.

— Может быть, однофамилец? — сказал плечистый в брезентовой куртке.

Даже боевые друзья не верили в живого Зимородка, хотя никто из них не видел его мертвым. Но Марат не сдавался. Его глаза наполнились тревожной радостью. И образ бесстрашного Зимородка стал в его сознании упрямо сливаться с чудаковатым бородатым учителем зоологии. Его искали по свету, а он был рядом. Он шел на верную смерть ради жизни людей, а ребята играли с ним в «кукушку». Может быть, Зимородок прикинулся учителем, чтобы быть неуловимым, а борода нужна ему, чтобы скрыть шрам?

— Это правда, что его звали Сергей Иванович Серегин? — переспросил Марат.

— Наш начальник штаба никогда не ошибается,— сказал старик с палкой.

Сам же начальник штаба молчал, словно уточнял в памяти события далеких лет. И все вдруг притихли, чтобы не мешать работать его памяти. И он вспомнил:

— За взрыв моста Зимородок был представлен к ордену.— Начальник штаба говорил сухо и отрывисто, словно по бумаге читал реляцию.— И был награжден... посмертно.

— А он, выходит, жив,— сказал кто-то из старых бойцов.

И все маленькое, оставшееся в живых войско повеселело, словно узнав о том, что Зимородок жив.

15

Где же учитель зоологии? Бродит по лесам? Спит в шалаше? Плывет в плоскодонке по мелким извилистым протокам? Варит на костре ушицу? И зарос бородой, как медведь? Разве его найдешь в эту пору!

Но дайте срок. Он сам придет через несколько дней. Надо только дотянуть до первого сентября. Дверь в класс распахнется.

— Здравствуйте, люди-человеки! Начнем, пожалуй!

И тогда Марат встанет и скажет:

— Здравствуйте, Зимородок. Можете просвистеть иволгой?

Но ждать до первого сентября ребятам было не под силу. Слишком долго и упорно искали они Зимородка, чтобы ждать, зная, что он рядом. Сергей Иванович жил при школе. Ребята отправились к нему.

Постучались. Дверь открыл комендант.

— Здравствуйте, мы к Сергею Ивановичу.

— К бородатому? Его нет.

Ребята тревожно переглянулись.

— Он уехал с месяц назад.

— Как уехал? — вырвалось у Зои Загородько.

— Собрал вещи и уехал.— Комендант пожал плечами.— Меня тогда не было. Приезжаю — комната пустая.

Комендант толкнул крайнюю дверь. В комнате стояла кровать, стол, две табуретки, шкаф. Никаких вещей в ней не было. Только на полке стояли книги.

— Он вернется? — спросил Марат.

— Не знаю... Он с директором что-то не ладил. Поговаривал, что на Крайнем Севере не хватает учителей. В случае чего книги мы ему вышлем... Да вы не расстраивайтесь. Не вернется — пришлют другого. Без учителя не останетесь.

— Нам не надо другого! — крикнул Василь, и его верхняя губа недовольно поднялась домиком.

— Не кричи,— строго сказал комендант.— Я отвечаю только за порядок.

— Так нет порядка,— сказал Марат.— Какой же порядок, человек уезжает, и никто не знает, вернется он или нет.

— Грамотный? А не знаешь, что такое порядок.— Комендант нахмурился, и на его лбу образовалось три волнистых складки.— Порядок — когда чисто, не течет крыша, весь инвентарь в наличии.

— А если человека нет в наличии?— не выдержала Зоя Загородько.

— Идите к директору! — сказал комендант, выпроваживая непрошеных гостей.

— Улетел Зимородок,— сказала Зоя Загородько.

Марат молчал. Он смотрел куда-то вдаль. Он был занят своими мыслями.

Утром первого сентября Марат и Зоя Загородько стояли на мосту и, упершись локтями в перила, смотрели, как от ветра морщится гладь реки. По небу плыли барашки облаков, похожие на белые купола парашютов. Их несло куда-то вдаль, и было неизвестно, в каком месте они окончат полет и бесшумно лягут в траву.

Друзья ждали Василя.

— Ты мог бы прыгнуть с парашютом?— спросила девочка Марата.

— Не знаю,— ответил он.

— Смог бы, я знаю. И с тобой вместе я тоже бы смогла.

— Выдумываешь,— усмехнулся Марат.

— Нет, ищу человека. В себе и в тебе.

— Зачем же во мне?

Зоя Загородько помедлила с ответом, потом сказала:

— И в Василе.

— Если вернется Зимородок,— сказал Марат,— мы будем здорово жить! Но он может не вернуться.

Марат смотрел на воду, а Зоя Загородько со стороны посматривала на него и видела в друге какого-то нового человека, похожего на учителя зоологии.

Прозвенел звонок, а ребята еще галдели, спорили, стучали крышками парт.

Только трое друзей сидели на своих местах, не отрывая глаз от двери. Никто из ребят не был посвящен в их тайну. Никто не мог догадаться, что сейчас происходит у них на душе.

Прозвенел второй звонок. Класс стал затихать. Ребята расселись по местам. А дверь все не открывалась. Не появлялся учитель с массивной головой, в задымленных очках, с буйной растительностью на лице, которая прикрывала след вражеского штыка.

Не прилетал Зимородок.

— Он не придет,— тихо сказал Марат своим друзьям. Встал. Хлопнул крышкой парты и пошел к доске.

Ребята с веселым любопытством уставились на Марата.

— Расскажи про глухую кукушку! — крикнул кто-то с задней парты.

Марат поморщился, но ничего не ответил. Он сказал:

— Ребята, Сергей Иванович уехал. Теперь я хочу вам рассказать о нем.

Класс весело загудел. Кто-то тоненьким голоском крикнул: ку-ку!

— Я хочу рассказать вам о бесстрашном герое, которого в партизанском отряде называли Зимородком. Зимородок и Сергей Иванович — одно лицо.

Умолкли голоса. Перестали скрипеть парты. В классе установилась тишина. Все смотрели на Марата.

— Когда нужно было взорвать мост, он полетел в тыл врага. А сам до этого никогда не прыгал с парашютом. Даже не знал, за что надо дергать...

Марат рассказывал и не заметил, как дверь бесшумно отворилась и на пороге появился Сергей Иванович — обожженный солнцем, всклокоченный, в брезентовом плаще с капюшоном, с рюкзаком за спиной. Он стоял в дверях и сжимал в руке серенькую кепку. И никто не заметил, что он пришел. Все слушали Марата.

— Сергей Иванович добровольно пошел на расстрел, чтобы спасти людей. И его расстреляли.— В классе послышался приглушенный гул.— Но он остался жив.— Класс облегченно вздохнул.— И он умел свистеть иволгой.

И в это мгновение послышался тонкий, переливчатый свист — ребята повернулись и увидели Зимородка. И класс тихо встал.

— Здравствуйте, люди-человеки,— сказал учитель глуховатым голосом и закрыл за собой дверь.— Я немного опоздал и не успел умыться с дороги... Что же вы молчите?

Учитель огляделся и почувствовал ту знакомую неловкость, которая охватила его много лет назад в партизанской школе. И он снова засвистел иволгой.

Директор школы, проходя по коридору, услышал свист. Он остановился и недовольно потер лоб.

— Этого еще не хватало! Он свистит на уроке.

Но свист тут же оборвался. И директор, вздохнув, зашагал дальше.

Неподалеку от Нового моста по реке плыло странное суденышко, сбитое из неровных бревен. На нем были мачта и парус. Парус был не клиновидным, а круглым. Видно, его потрепала буря, потому что на полотнище выделялись цветные заплаты. Ветер наполнял его упругой силой, и он, выгнувшись куполом, увлекал за собой суденышко и его команду.

Так маленькие мальчишки со станции Река нашли применение старому военному парашюту, и он зажил новой жизнью. Мальчишки не знали, чей это парашют и как он очутился в лесу. Они были еще малы и не задумывались над случайными находками.

Но придет час, и они услышат о Зимородке.

КОНЕЦ

В НАШЕМ ЛЕНИНСКОМ КАБИНЕТЕ

СТРОИТЬ, СТРОИТЬ И СТРОИТЬ!

Сергей **СУТОЦКИЙ**

1

Так бывало теперь всегда: ранним утром шелест страниц свежих газет возвещал о начале рабочего дня Председателя Совета Народных Комиссаров. Владимир Ильич жадно вчитывался в сообщения о событиях, происходивших в жизни Советской России и других стран. Не пропускал ни одной информации, даже набранной самым мелким шрифтом и напечатанной где-то в дальнем углу последней газетной полосы...

В номере «Правды» от 17 мая 1919 года внимание Ленина привлек материал, озаглавленный «Работа по-революционному». Откинувшись на спинку кресла, Владимир Ильич долго думал о содержании прочитанного. С карандашом в руках делал на листке бумаги какие-то пометки, расчеты. Потом аккуратно сложив газету так, чтобы этот материал был на виду, положил номер «Правды» на этажерку-вертушку, стоящую возле письменного стола. Через два дня туда же лег номер «Правды» от 20 мая со статьей «Пример, достойный подражания». Несколькими днями позже—номера газеты от 6, 7, 8 июня.

Гражданская война в самом разгаре. Белогвардейские генералы и иностранные интервенты очертя голову рвутся к Петрограду и Москве. Хозяйничают в угольном Донбассе, в хлебном Поволжье.

А Ленин, вождь партии коммунистов, глава Советского правительства, ничуть не умаляя грозной опасности, нависшей над республикой, ни на секунду не прекращая энергичной работы по руководству фронтами, думает о будущем. Думает о том времени, когда все силы можно будет отдать главной задаче великой революции — строительству социализма и коммунизма. Поэтому Владимир Ильич с таким вниманием вникает в каждое газетное сообщение о работе по-новому, по-революционному — о первых коммунистических субботниках...

2

В шестнадцать объемистых томов собраны статьи, речи и письма, обдуманные и написанные Владимиром Ильичем в советское время.

Это теоретические труды, развивающие учение Маркса и Энгельса в новых исторических условиях, какие возникли в России — впервые в мире! — после победы Октября. Это произведения, в которых доказаны необходимость и возможность победы социализма и коммунизма в нашей стране, разработаны исключительно смелые планы решения этой гигантской задачи...

Ленин учил, что Советская власть станет могучей и несокрушимой, если она будет опираться на прочную социалистическую экономику. Основой этой экономики должна быть крупная машинная индуст-

рия. Такая индустрия даст толчок бурному развитию всех отраслей отечественной промышленности, которой царская Россия, по существу, не имела. А главный закон социализма — все для тех, кто трудится! — обеспечит такое распределение выработанных продуктов, что ими будут полностью удовлетворены запросы всех тружеников — и в городе и в деревне. Социалистическая экономика, говорил Владимир Ильич, выполнит эту задачу тем лучше, чем шире использует она высшие достижения современной науки и техники и в первую очередь богатырскую силу электричества — осуществит электрификацию. Поэтому Ленин так сформулировал свой гениальный вывод:

— Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны.

Второй основной опорой социалистического хозяйства стал разработанный Лениным кооперативный план.

Сразу же после победы Октябрьской революции Владимир Ильич заявил: жить по-старому, в нужде и нищете, крестьянам больше нельзя! Вдвое и втрое поднялась бы производительность труда, вдвое и втрое был бы сбережен человеческий труд для земледелия, говорил он, если бы от раздробленного крестьянского хозяйства совершился переход к хозяйству общественному.

Ленинский план предусматривал добровольное объединение крестьян в крупных кооперативах — коллективных хозяйствах. Здесь они будут совместно обрабатывать землю и разводить скот, получая из города помощь промышленными товарами, машинами, электроэнергией, «лекарствами» для полей — химикатами.

Создание новой промышленности, нового сельского хозяйства Владимир Ильич называл работой благодарнейшей и благороднейшей. И восклицал с радостью:

— Счастье наше, что, низвергнув буржуазию и подавив ее сопротивление, мы могли завоевать себе почву, на которой такая работа **стала возможной!..**

3

Вся многовековая история человечества не знала ничего подобного ленинской программе построения социализма. И мудрено ли, что некоторые люди, и среди них такие, кто ранее не раз поражал мир полетом дерзкой фантазии, теперь оказались не в силах понять и оценить значение планов, намеченных Владимиром Ильичем...

Осенью 1920 года в московском Кремле побывал автор «Человека-невидимки», «Машины времени» и других фантастических романов знаменитый английский писатель Герберт Уэллс. Беседуя с иностранным гостем, Ленин говорил о том, как большевики намереваются возродить разрушенное войнами хозяйство и коренным образом перестроить его, чтобы из невероятно отсталой, нищей страны Россия превратилась в передовую социалистическую державу.

Уэллс слушал, слушал и никак не мог поверить в реальность планов Ленина. А вернувшись домой, за границу, прославленный фантаст в беседах с друзьями, в своей книге о поездке в Советскую Россию признавался откровенно:

— Осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии. В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссейные дороги прорезают всю страну, как подымается обновленная и счастливая, индустриализированная коммунистическая держава...

4

Жизнь подтвердила ленинское предвидение. Социализм доказал свою силу.

Знаете, сколько лет понадобилось Соединенным Штатам Америки, чтобы объем производства своей промышленности увеличить примерно в тридцать раз? Восемьдесят лет! А Великобритания для решения такой же задачи потратила пятнадцать десятилетий — полтора столетия...

Советский Союз к своему сорокалетию — в 1957 году — выработал промышленной продукции в тридцать три с лишним раза больше, чем царская Россия в 1913 году. А в год советского пятидесятилетия — уже в шестьдесят четыре раза больше!

Америка в эти годы, конечно, тоже не стояла на месте. Однако темпы движения нашей Родины вперед были гораздо более быстрыми. Посудите сами: при царизме объем промышленности России составлял лишь двенадцать с половиной процентов от американского. Теперь этот процент почти достиг семидесяти...

Полностью сбылось предсказание Владимира Ильича о громадных преимуществах кооперативного сельского хозяйства. Сейчас колхозы и совхозы, как это и предвидел Владимир Ильич, дают продуктов почти втрое больше, чем царская Россия в 1913 году.

5

Представим себе снова кабинет Владимира Ильича в московском Кремле. Ран-

нее утро, весна 1919 года... Ленин читает сообщения о первых субботниках...

В этой народной инициативе Владимир Ильич видел великий почин, начало и залог успешного строительства коммунизма. Он писал:

«Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота **рядовых рабочих** об увеличении производительности труда, об охране **каждого пуда хлеба, угля, железа** и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», то есть всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик».

Эту мысль о личной заинтересованности и личной ответственности каждого за общее дело всего народа Владимир Ильич повторял потом не один раз. Говорил об этом и на III съезде комсомола, обращаясь к юным строителям коммунизма.

Теперь нашу Родину, Страну Советов, часто называют великой стройкой. На ее бескрайних просторах уже выросли и растут сотни новых городов, тысячи заводов-гигантов, множество шахт, рудников, жилых домов, школ...

На этой великой стройке славно потрудились ваши деды, а теперь работают ваши отцы, старшие братья и сестры. Многое они уже успели сделать, следуя ленинским советам и наставлениям. А стройка развертывается все шире, все выше возносятся ее леса. На прочном фундаменте победившего в нашей стране социализма день ото дня и год от года растет здание коммунистического общества.

Надо и вам, молодым гражданам Советской страны, готовиться продолжить дело дедов, отцов, старших братьев и сестер. У них учиться нужно, как следует выполнять заветы бессмертного Ленина.

Владимир Ильич ведь имел в виду и вас, пионеров, когда говорил о продолжении дела первых строителей социализма и коммунизма.

— Дело идет сейчас именно о том, чтобы со всех сторон приняться за практическое возведение того здания, план которого мы уже давно начертили, почву под которое мы достаточно энергично отвоевали и достаточно прочно отвоевали, материал для которого мы в достаточном количестве собрали и которое надо теперь,— окружив его подсобными лесами, одевшись в рабочую одежду, не боясь испачкать ее во всяких вспомогательных материалах, строго исполняя предписания руководящих практической работой лиц,— надо это здание строить, строить и строить...

Абдулхак ИГЕБАЕВ

Голубь

Над селеньем, над лугами,
Над развилками дорог
В синеву ушел кругами
Белокрылый голубок.

Это Зифа отпустила
В небо голубя чуть свет,
И немного загрустила,
И негромко шепчет вслед:

— Зиму я тебя кормила,
Берегла от холодов,
Ты лети, мой голубь мира,
В небо мирных городов.

Только там, в дали безбрежной,
Где простор для птичьих стай,
Голубок мой белоснежный,
Обо мне не забывай.

Перевел с башкирского
Юрий ПОЛУХИН.

Магомет СУЛАЕВ

Перемены

Быстрее время движется, быстрее,
Но соразмерен с жизнью этот бег:
Вот я — обыкновенный человек,
Я много лет живу — и не старею.

Хотя бы потому я так сужу,
Что День Грядущий — ближе, ближе,
ближе,
В самом себе я перемены вижу
И перемены в людях нахожу.

Все больше в нас добра и чистоты,
Серьезности, душевного горенья,
И Ленина глубокие черты
Все резче, резче в каждом поколенье!

И, не сбиваясь на трескучесть фраз,
Я говорю: мы сами строим счастье,
И в каждом деле партии для нас
Нужнее стало личное участье.

Перевел с чеченского
Ю. КУШАК.

Внутри виден дом, где Ленин родился.

НЕДЕЛЯ

Так выглядит Ленинский мемориал.

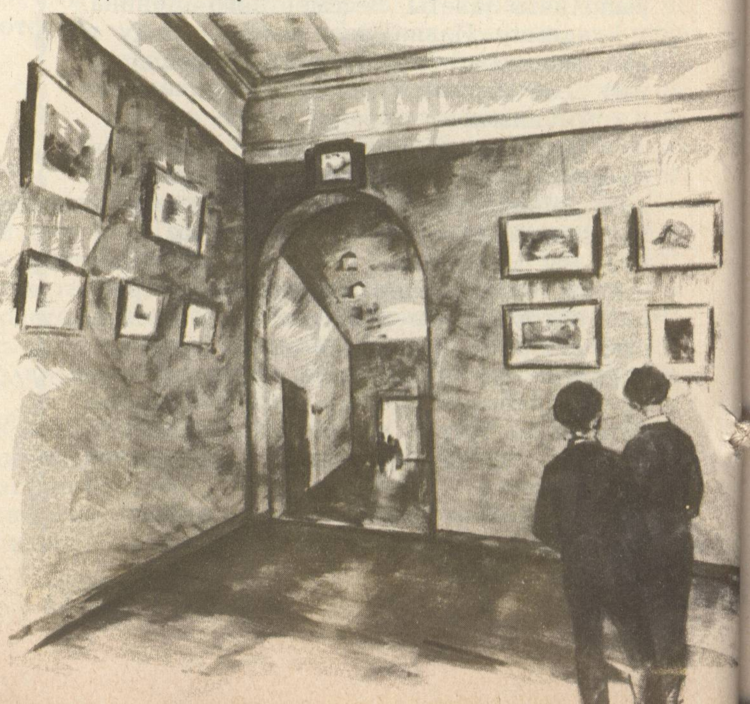

Старинный, большой и красивый город на высоком волжском берегу. Я здесь в первый раз, и мне все интересно, все нравится, а времени у меня мало, и много работы. Я в Ульяновске по заданию редакции—брожу, разглядываю, рисую и слушаю разговоры у себя за спиной. Можно и не оглядываться: если посапывают молча, значит, стоит один мальчишка. Во всех других случаях негромкие споры относительно моей работы, потом вопросы: откуда я и надолго ли?

Старый город — сама история: его парки и дома, памятники, церкви, улицы — все интересно, все останавливает взгляд и все настойчиво напоминает: тут родился, учился и долго жил Ленин. По этой улице он ходил в школу, отсюда он не мог не глядеть на Волгу с лодками и пароходами — уж очень

Парта, за которой сидел Володя Ульянов.

В вестибюле бывшей мужской гимназии постоянная выставка картин на сюжеты из жизни В. И. Ленина.

Вид с улицы Советской. Гостиница «Венец», а дом поменьше — новая школа.

В УЛЬЯНОВСКЕ

С. ТРОФИМОВ

хорош вид отсюда, с Венца! Но куда бы я ни заходил сегодня, гуляя по древнему городу, стоило лишь поискать глазами, и тут же непременно вставали за деревьями, за невысокими крышами бывшего Симбирска четкие контуры новейшей архитектуры.

Новый Ульяновск... Строится... Не то слово! Здесь возводится, здесь сооружается из бетона и мрамора, из алюминия и стекла грандиозное здание Мемориала, где внизу будут стоять настоящие дома, в которых жила когда-то семья Ульяновых, а наверху — дворец для съездов, для важнейших встреч и международных конференций.

Ульяновские ребята получат новую школу и новый, прекрасный Дом пионеров, а взрослые, кто приедет, чтобы побывать на родине Владимира Ильича, будут жить в гостинице «Венец» — в двадцатичетырехэтажном небоскребе.

А это Дом пионеров и рядом детская библиотека.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ

Жужа ТУРИ

РАССКАЗ

Наступило рождество 1944 года. Мишкина мать еще утром сказала, что как бы там ни было, а она непременно испечет сегодня праздничный пирог. И она стремительно взялась за дело. Не хватало то того, то другого, но мать махнула на все рукой, взяла да напекла пирогов.

Мишке нравилось, что мать у него такая быстрая и решительная, что задумает, сразу и сделает.

А мама напекла пирогов и, конечно, вспомнила про дедушку, который жил неподалеку, на горе Нап, но из-за непрерывных бомбежек не отваживался покинуть Буду и навестить дочь и внука, живших на пештской стороне. Вспомнила, мигом уложила в платок гостинцы и отправила к дедушке Мишку, приказав, чтоб к вечеру возвращался домой, — ведь от улицы Надор до горы Нап рукой подать.

— Помни, что я боюсь оставаться одна. Так что беги бегом! — добавила мать, когда мальчик уже открывал калитку.

Несомненно, это была мамина уловка: она говорила так лишь для того, чтоб заставить

ПОДАРОК

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Мишку поспешить. Мама и слыхом не слыхала, что бывает на свете страх. Мишка качнул узелком, уже промаслившимся в некоторых местах, хотел было выйти, но вдруг передумал.

— Нам бы надо завести собаку, — сказал он.

— Это зачем?

— Раз ты боишься одна...

— Я?! — с чувством собственного достоинства возразила мать и, готовая к отпору, выпрямилась во весь рост.

Высокая, статная, с твердо очерченными, но приятными чертами лица, Михайне Рац отнюдь не казалась пугливой овечкой. Она легонько подтолкнула Мишку, но, прежде чем войти в квартиру, взглянула на серое небо, низко нависшее над городом. Необычная выдалась погода на рождество — без снега. Зато в небе была тишина, не кружили над городом самолеты, и не грозила сынишке опасность на его коротком пути.

— Куда это отправился ваш мальчуган? — спросила соседка.

— К дедушке в Буду.

— В Буду? — испугалась соседка. — Да вы что, мадам Рац, с луны свалились? Ведь Буда в осаде, русские продвинулись уже до самого Хювёшвелдя.

На какую-то долю секунды бесстрашное сердце Михайне Рац замерло. Но она тут же, словно успокаивая саму себя, с запальчивостью сказала:

— Да он только на гору Нап пошел. Дотемна еще дома будет.

Мишка действительно шел на гору Нап. Там в одноэтажном доме у дедушки была крохотная сапожная мастерская.

Когда Мишка переступил порог, над дверью зазвенел колокольчик. На его мелодичную, уютную трель четыре старческих головы очень медленно повернулись к Мишке, но разговор, сопровождаемый частыми кивками, кряхтеньем и пыхтением трубок, не прервался. Дедушка сидел на низком стульчике и прибивал деревянными гвоздями подметку к поношенному солдатскому башмаку, а три других старика сидели на скамье, тесно прижавшись друг к дружке.

— О-о, Мишка! Поглядите, это Мишка! — закивали головами старики, и на их лицах затеплилась ласковая улыбка.

— Желаю приятных праздников! — сказал Мишка.

С румяным от мороза лицом, в коротенькой теплой бекешке и шапке, надвинутой до самых ушей, он выглядел очень забавно.

Мишка положил перед дедом пирог. Положил с таким видом, словно был страшно рад, что наконец-то избавился от него. А дедушка на стариков не смотрел: засветившаяся в глазах гордость могла причинить им боль.

Настроение в мастерской еще больше приподнялось, хотя и без того оно было праздничное. На полу лежали два тюфяка, на тюфяках — пальто и старые одеяла. На железной печурке, раскалившейся докрасна, что-то булькало, распространяя острый запах лука. От дыма курительных трубок в воздухе висела серо-голубая мгла. Старики расположились на скамье как-то особенно по-домашнему.

— Вы все здесь живете? — спросил Мишка.

Дедушка снял фартук, повесил его на гвоздь и принялся хлопотать у плиты.

— Я вытащил их из богадельни на праздники, — сказал он с достоинством.

Мишка наклонился над кастрюлей и потянул носом.

— Картошка с паприкой?

— Да-да. Жареную индейку мы отложили на будущий год.

Дребезжащий старческий смех, шевеление и притопывание сопроводили дедушкину остроту. И не было в том ничего удивительного, ибо на рождество 1944 года картофель с паприкой сам по себе был яством невиданным, а уж если в придачу оказался пирог с начинкой из мака, то вполне понятно волнение, которое охватило стариков.

— Моя дочь здорова? — осведомился дедушка.

Он всегда говорил «моя дочь», словно бы желал подчеркнуть свое исключительное право на нее. Для других она была Михайне Рац или мадам, а для него «моя дочь».

— Здорова, — ответил Мишка.

В мастерской было жарко. Мишка сперва расстегнул бекешку, потом застегнул, покосился на дверь, на стариков.

— Мне надо идти, — сказал он наконец. — Мама боится оставаться одна.

— Моя дочь? — вскинул брови дед.

Однако задерживать внука не стал: для ужина так было, наверное, безопасней, ведь этакий десятилетний крепыш мог один уплести кастрюлю, рассчитанную на четверых. Три старика, казалось, тоже вздохнули свободней и со щедрой заботливостью и благодушием снабдили Мишку советами на дорогу.

— Передай моей дочери, — сказал на прощание дедушка, — что мы встретимся после войны.

Мишка выскочил на улицу, и колокольчик над дверью прощально прозвенел ему вслед. Площадь Кристны выглядела куда оживленнее по сравнению с тихой горной улицей. Здесь было много людей, и все спешили. Грохоча, проезжали военные грузовики, и в частных автомобилях тоже сидели в основном солдаты. Почти все лавки и магазины были заперты, лишь у углового гастрономического магазина длинной змеей извивалась очередь, состоявшая из женщин.

На часах было ровно тридцать семь минут третьего. До сумерек мама не ждет, думал Мишка. А если так, да к тому же раз он в Буде, в двух шагах от Шани Кабока, то...

Мишка повис на ступеньке трамвая и, пока ехал до площади Кальмана Селла, обдумал свое дело. Мама о собаке и слышать не хочет, но если ей подарят щенка, не выгонит же она его на улицу. А у Шани Кабока с улицы Вадорзо целых четыре щенка от овчарки.

— Приходи, — сказал тогда Шани, — и возьми себе щенка.

На площади Кальмана Селла и прилегающих к ней улицах людей было невпроворот. Толпа осаждала 83-й трамвай, отправляющийся в Хювёшвелдь. Мишка едва вскочил на ступеньку, как трамвай тронулся.

Пассажиры вели себя странным образом: все стояли и с тревогой выглядывали на улицу. Мрачно звоня, вагон мчался вперед, чуть-чуть только замедляя ход у остановок. Но самым поразительным было то, что за госпиталем Нового Св. Яноша виднелись фигуры людей, прижавшихся к толстым стволам деревьев.

— Солдаты! — воскликнул кто-то.

— У них оружие. Они будут стрелять, — сказала женщина тонким, слегка визгливым голосом.

— Они, наверное, уже совсем близко, — заметил рабочий в потертом костюме, покрытом масляными пятнами. Он казался довольно спокойным и даже не прервал чтения газеты.

Пассажиров высадили у Будадёндя: трамвай дальше не шел. Кондуктор объявил, что от площади Кальмана Селла трамваев больше не будет.

Люди столпились и, говоря вразнобой, обсуждали положение. Женщина с тоненьким голоском заплакала и все вспоминала Йошку, мужа, который теперь застрянет в Пеште.

Мишка растерянно шнырял в толпе и, слушая взволнованный гул голосов, вдруг почувствовал себя страшно маленьким, одиноким. Мальчик с тоской подумал о маме, о дедушкиной мастерской с уютно гудящей железной печуркой, о ласковых стариках.

Люди, притаившиеся за стволами деревьев, застыли в ожидании. Оружие в их руках было неподвижно.

Мишка бросился по аллее, ведущей на Хювёшвельдь.

Вдруг, как будто на киноэкране, когда поезд мчится прямо в зрительный зал, дорогу загромоздила надвигающаяся громада грохочущих танков. Мишка отскочил назад, обхватил руками ствол придорожного дерева.

— Ступай домой, малыш, нечего здесь мотаться, — услышал он у самого уха чей-то голос.

Мишка побежал и свернул в боковую улицу.

У вилл, выстроившихся по обе стороны улицы, стояли грузовики, и вокруг царила невообразимая суета. Немецкие солдаты вытаскивали из домов узлы, мебель, заколоченные ящики и складывали все это в машины. Какая-то женщина, тяжело задыхаясь, будто кого-то проклинала:

— Идите, идите с богом... Идите, идите с богом, — приговаривала она.

Потом наступила тишина, и Мишка уже один бежал посередине улицы. Позади громыхала повозка. Вот она поравнялась с ним, и некоторое время он трусил рядом, махая руками вознице. Молодой парень с русыми усами, погонявший лошадь, не замедлил хода.

— Куда бежишь? — крикнул он Мишке.

— На улицу Вадорзо, — ответил Мишка.

— Мне останавливаться нельзя! Прыгай!

Мишка вскочил в повозку, а парень с русыми усами стал еще бешеней размахивать кнутом. По стенке повозки что-то вдруг застучало. Было очень похоже на град.

— Ложись! На дно! — заорал парень.

Мишка бросился на дно повозки и замер. Потом град пуль прекратился.

Они ехали уже по улице Вадорзо. Мишка спрыгнул, а повозка покатилась дальше.

*

Обо всем на свете позабудешь, когда четверо маленьких черных щенков, сбившись в кучу, барахтаются перед тобой на земле. То опрокинутся, то встанут на лапы, зальются лаем и опять копошатся тесной кучей.

Присев на корточки, Мишка возился со щенками. Он даже не заметил, как Шани оставил его одного, и опомнился, лишь когда услышал обрывки негромкого спора, долетевшие с крыльца:

— Сейчас же отошли его... Его мать могла бы быть поумнее...

— Как же можно его отослать! Такого маленького...

— Это не довод! Так и неделя может пройти и месяц... А нам самим нечего есть. Скажи ему, чтоб немедленно убирался домой! — Последние слова прозвучали уже истошным криком.

Мишка поднялся и стал смущенно снимать приставшие к бекешке травинки. От дома шел Шани, он подбрасывал ногой камешек и не решался взглянуть на Мишку.

— Отец... разбушевался...

Мишка двинулся через сад к выходу и словно бы только сейчас совсем близко услышал пальбу из автоматов.

— А щенка оставляешь? — сказал Шани вслед.

Ну как же! Щенок! Раз уж он до него добрался через столько опасностей, как его оставить! Мишка вернулся и нерешительно спросил:

— Любого?

— Любого, — ответил Шани и улыбнулся. — Один черт.

Какого же?.. Вот этого, с белой полоской, сбегающей по шее до груди?.. Или этого, широколапого, совсем глупенького звереныша?.. Все равно! Мишка схватил широколапого и побежал.

Щенок затих, и Мишка через бекешку почувствовал, как сильно колотится маленькое щенячье сердце.

Мишка бежал, держа щенка на руках, а зимние сумерки быстро сгущались. Откуда-то доносился запах ели, и Мишка вспомнил, что сегодня рождественский вечер и что мама ждет его дома с маковым пирогом...

В конце улицы мелькали бегущие тени, слышались выстрелы, потом наступила тишина. Мишка прыгнул за дерево, щенок тихо, жалобно заскулил. Шум снова усилился, потом застучали тяжелые солдатские сапоги.

Через некоторое время Мишка отважился наконец выйти из-за укрытия и отправился дальше. Советских солдат он увидел, когда оказался уже в конце улицы Вадорзо.

*

На какую-то долю секунды оглушенный, он не понял, кто это. Но немцы разговаривали

иначе... И вот его сердце бешено заколотилось: это же русские, советские солдаты! Если бы мама знала, что он уже встретился с ними!

Люди куда-то бежали, трещали моторы, раздавались крики. Потом звук бегущих шагов отдалился, блеснул луч света и высветил какие-то садовые ворота, а Мишка все стоял на одном месте.

Когда Мишкины глаза привыкли к темноте, он различил сидящих на кромке тротуара людей, огонек сигареты, потом услыхал тихий смех. Солдат — судя по голосу, молодой — что-то крикнул, и у Мишки задрожали коленки. Потом солдат наклонился к его лицу и сказал несколько коротких сердитых слов, но тут он увидел замершего на Мишкиных руках щенка и тихо присвистнул. Другой солдат погладил щенка по голове и произнес какое-то непонятное слово. Он повторил его дважды, трижды, щенок тявкнул и устроился поудобнее на руках у Мишки.

Трое русских солдат одновременно обратились к Мишке, а он, переводя взгляд с одного на другого, отрицательно качал головой и показывал в сторону Пешта.

— Пешт... Пешт... — умоляюще произнес он.

Молодой солдат, пожимая плечами, стал советоваться с товарищами.

Затем, прихватив с собой Мишку и щенка, солдаты куда-то пошли. Они подводили его к укрывшимся в садах домам. Мишка отрицательно качал головой.

— Пешт... Пешт! — повторял он и показывал туда, где река надвое рассекает город. Солдаты снова пожимали плечами и говорили на непонятном, чужом языке, и Мишка постепенно стал понимать: дорога закрыта, и в Пешт пройти нельзя.

Тот солдат, что погладил щенка, пошарил в кармане толстой шинели и наконец протянул Мишке горсть сигарет. Мишка втянул голову в плечи и засмеялся. Солдат засмеялся тоже и сунул сигареты назад в карман, очень странные сигареты, с длинными мундштуками.

— Василий, — сказал другой солдат, которому на вид было лет семнадцать. — Василий, — повторил он и ткнул себя в грудь.

— Мишка! — счастливым голосом закричал мальчик и тоже ткнул себя пальцем в грудь.

Солдаты засмеялись и повторили несколько раз:

— Мишка, Мишка.

*

Мишка сидел в просторной кухне, где было светло и тепло, где вкусно пахло и на полу лежала целая гора картошки. Ему сунули в руки нож и показали, как в два-три приема очистить картофелину. Но при таком способе вместе с кожурой срезалось очень много картошки. Мишка неодобрительно покачал головой и показал, как чистит его мама: старательно, бережливо. Но Василий отмахнулся и продолжал чистить по-своему.

Щенок тем временем пришел в какой-то глупый восторг, страшно развеселился и, повизгивая, носился по кухне среди множества солдатских сапог.

Солдаты открывали консервные банки, отбрасывали пустые, и щенок мчался стремглав за катившейся по полу жестянкой. Мишке захотелось его подозвать.

— Жига! — крикнул он строго, назвав щенка пришедшей вдруг в голову кличкой.

— Жига! Мишка! Жига! — сразу понеслось со всех сторон, и раздался дружный смех.

Мишка ел вместе со всеми из солдатского котелка. Кто-то ласково потрепал его по голове, показал фотографию, на которой был домик, а возле домика женщина и двое детей. А Василий вытащил из кармана яблоко и протянул Мишке.

*

Четырнадцатого февраля 1944 года парни, переправлявшие людей на лодке из Пешта в Буду и бравшие за это золотые часы и кольца, не посмели потребовать платы с Михайне Рац: она так решительно вошла в лодку и так грозно на них поглядела. Над Дунаем носился ледяной ветер. Куда ни посмотри, повсюду были руины, искалеченные крыши домов, обломки прекрасных дунайских мостов, взорванных и торчавших со дна реки.

Лодка подошла к Буде, и люди, чуть ли не топча друг друга, ринулись на берег. Спотыкаясь о воронки, исковерканное железо и камни, Михайне Рац пробиралась на гору Нап. С гулко бьющимся сердцем подошла она наконец к домику отца, нажала на ручку двери, и колокольчик залился знакомой трелью.

— Мишка! — крикнула она с порога, в странном оцепенении глядя на старика. — Где Мишка?

Старый сапожник топтался, не смея подойти к ней: дочь его была сама не своя.

— Мишка... — беспомощно лепетал старик. — Он приходил на рождество... Пирог на рождество принес Мишка...

— Куда он пошел?

— Куда же... домой.

Михайне Рац выскочила из мастерской и побежала по улице вниз.

Куда же теперь? Где искать сына? На широком проспекте из подвалов вылезали люди. Одни тащили ведра с водой, другие — узлы и с узлами направлялись к Дунаю; были просто зеваки, смотревшие на необозримую лавину советских танков, на крышах которых сидели солдаты. Как найти мальчика в этом чужом многолюдье? Страшная, неодолимая безнадежность придавила ее, и она покачнулась.

— Он умер... погиб... погиб мой сын, — обезумев, твердила несчастная мать.

А танки ползли медленно-медленно, останавливались, чтоб рассеять затор, и снова шли. Вот спрыгнул с танка молоденький солдат, а за ним — совсем крохотный солдатик. Пока они пили из ведра, на верху тяжело ползущего танка звонким лаем заливался черный щенок.

— Жига! — строго крикнул ему крохотный солдатик и вслед за старшим солдатом твердым шагом направился к танку.

Вдруг высокая женская фигура качнулась ему навстречу, и все поплыло перед Мишкиными глазами.

— Мамочка... Мама! — закричал он.

Молодой солдат, засунув руки в карманы, стоял позади и улыбался во весь рот. Заливисто лая, прыгал вокруг Жига. Мишка с пылающим лицом объяснял:

— Это мой друг, мама. Его зовут Василий... А это Жига... Я думал, мамочка, тебе в подарок на рождество.

Василий утвердительно кивнул головой, словно понял, о чем идет речь. А Мишка уже повернулся к нему и стал что-то объяснять на непонятном для матери чужом языке. Потом опять повернулся к матери.

К Михайне медленно возвращалась жизнь.

Василий что-то сказал на своем языке и побежал.

— Василий! Василий! — в отчаянии закричал Мишка.

Но Василий, махнув рукой, продолжал бежать. Он догнал свой танк и взобрался на него.

— Василий... — жалобно протянул Мишка.

И в это время щенячьи лапы часто-часто заскребли по его ботинкам.

Перевела с венгерского
Е. ТЕРНОВСКАЯ.

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

Здравствуйте, дорогая редакция! Меня зовут Таня. Я перешла в шестой класс. Когда я училась в пятом классе, писала стихи. Однажды я рискнула послать некоторые свои «произведения» в редакцию «Пионерской правды». Стихи мои не подошли. Ответ из «Пионерской правды» лежал у меня на письменном столе, и его прочитала моя подруга Лена. «Ты писала в редакцию?» — с круглыми глазами спросила она. На следующий день об этом знал весь наш класс. Лена рассказала об этом Гале, а Галя (она у нас ужасная сплетница) рассказала другим девочкам, а от девочек об этом узнали и мальчишки. Когда я вошла в класс, то увидела, что девчонки перешептываются между собой. Увидев меня, они сразу замолкли и как-то лукаво заулыбались, а Лена виновато опустила ресницы. Все перемены они донимали меня. Лишь один мальчик (я с ним дружу) утешал меня: «Плюнь на них, Таня». Видя, что это не помогает, он налупил Галку и оттаскал за косы Лену. Из-за этого Ленка дулась на меня целую неделю.

Дорогой «Пионер»! Ответь, пожалуйста, неужели это так позорно — писать в редакцию?

С пионерским приветом Таня!
г. Днепропетровск

МАЛЬЧИШКА с большой буквы

Альберт ЛИХАНОВ

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

Серьезное письмо. Очень серьезное. И круглые глаза Лены, и сарафанное радио Таниных подружек, и Ленины виновато опущенные ресницы, и лукавые улыбки — все это очень серьезно, ребята.

Серьезно потому, что происшествие в Танином классе — не просто забавное недоразумение, не просто пустячок.

В пятом классе случилось зло.

Есть такая привычка у людей: если знаешь что-нибудь любопытное, что-нибудь этакое, то удержать это становится очень трудно. И пошла сплетня из уха в ухо. Из уст в уста. Словом, сарафанное радио.

Вот поставьте такой опыт. Выдумайте небылицу из небылиц. Ну, к примеру, что Луна, оказывается, внутри пустая, как барабан. Не зря же она полчаса тряслась, когда американские космонавты бросили на Луну какую-то тяжелую штуковину.

Шепните эту небылицу где-нибудь в коридоре на переменке и наберите в рот воды. Ждите терпеливо. Через недельку примерно вам по секрету расскажут, что Луна скоро станет на Землю падать большими кусками, потому что из-за своей пустоты уже раскололась, но, чтобы не было паники, об этом пока не сообщают.

Нет, серьезно, сочините свою собственную чушь и проведите такой эксперимент. Может быть, он вас заставит подумать, чего стоят всякие слухи, которые, как микробы гриппа, — невидимые и злые — переползают от одного к другому, из класса в класс, из школы в школу.

Но хорошо, если сплетня — курьез, глупость, дурацкая выдумка. Но ведь сплетне подвластно многое другое — правдоподобное и просто правдивое. Как, например, было с Таней.

Она не хотела, чтобы о ее письме в «Пионерскую правду» знали другие, но письмо

ведь было, правда? И эта правда, этот Танин секрет, ее тайна, стала переходить от уха к уху, будто Таня совершила невесть какой тяжкий грех.

Я представляю: Таня в эти дни от этих шепотков была, наверное, словно бабочка из гербария под увеличительным стеклом. По одну сторону стекла — она одна, по другую — сто глаз. Любопытных. Ехидных. Глупо смеющихся.

Никто не подумал, зачем и к чему такое. Никто не остановил себя. Никто не остановил других.

Никто, кроме одного, Таниного товарища. И хотя не принято хвалить мальчишек, которые прибегают к помощи кулака, когда у них не хватает доказательств, я хочу похвалить этого мальчишку. И буду писать дальше это слово с большой буквы, потому что не знаю его имени, но очень уважаю его.

Я хочу сказать Тане, чтобы она очень дорожила своим товарищем. Это не так легко и не так просто — найти друга, верного друга, друга не на словах, а на деле.

Серьезным происшествие в пятом классе мне представляется не потому, что нашлись две девчонки, распустившие сплетню, а потому, что против сплетниц и против сплетни поднялся всего лишь один человек из целого класса — один Мальчишка.

И вот здесь-то я хочу поговорить о главном. О том, что быть лишь добродетельным в наше время — слишком мало. Наверное, в Танином классе не все ребята и не все девчонки под стать Галке и Лене — я даже уверен: не все. И, наверное, были люди в этом классе, которые в душе осуждали Галку и Лену и которые сплетню, пущенную Леной, другим не передавали. Иначе говоря, кроме тех, кто готов шушукаться и шептаться про любого своего товарища, кроме этой силы, злой, хоть,

может, и не очень раздумывающей над своими делами, есть другая сила — думающая, но нейтральная. Сила, которая знает, что болтовня эта, это промывание косточек, это трепачество — противное занятие, но раз речь идет не о ней, — сила нейтральная. Молчащая.

Так вот, я осуждаю не только Галю, и Лену, и им подобных, но и понимающих и нейтральных. Молчунов, тихонь, соглядатаев.

Представьте такую историю. Идет суд. Судят хулигана, который избил слабого. Или того страшней: пырнул его ножом. На суде выступают свидетели.

— Свидетель, — спрашивает судья, — где вы были во время преступления?

— Шел мимо.

— И не вмешались, не помогли слабому, не отняли нож у хулигана?

— Нет, — отвечает свидетель, — он же не на меня напал.

Все вы, конечно, в один голос возмутитесь таким свидетелем. И все Танины одноклассники — уверен — возмутятся. Но потом скажут: «Так это ж бандит!» Мол, вот там, в такой истории, любой из них не остался бы свидетелем, а вмешался и помог слабому.

Однако я бы «нейтральной» силе из Таниного класса не поверил.

Соврал человек помалу — так и знай, соврет в большом. Промолчал, когда Галка с Леной про Танины стихи и письмо в редакцию слухи распускали, — берегись, не останешься ли свидетелем, когда коснется важного. И еще одно: как шестеренки друг с другом крепко, но невидимо сцеплены, так намертво соединены в жизни человека детство со взрослой жизнью. Смелый и правдивый Мальчишка, Танин друг, я верю, и, взрослым став, таким же останется, и правдивость его и смелость станут не только ему помогать, но и всем, кто рядом с ним окажется.

Вот расскажу вам про своего одного товарища, взрослого человека. Каким он в детстве был, в пятом классе, например, я не знаю, но думаю, таким, как Мальчишка, потому что на человека ничто с неба не сваливается: ни зло, ни добро.

Так вот, зовут моего товарища Володей, и в то время, о котором я рассказываю, был Володя, инженер по образованию, комсомольским работником.

Однажды к нему пришел человек, незнакомый, посторонний совсем человек, и рассказал, что у него беда: в больнице умирает жена. У нее опухоль мозга, нужна сложнейшая операция, которую может сделать всего один профессор. Но он живет в Ленинграде, а в Сибирь — дело было там — прилететь сейчас не может. Нужно отправить больную в Ленинград, но вот беда. врач, который лечил больную тут, в Сибири, думает, что она умрет в дороге. И боится, что виноватым окажется он.

Представляете, это говорит врач, специалист. И, в общем-то, к нему стоит прислушаться, если быть просто благоразумным, если быть только свидетелем.

Но мой товарищ, инженер по профессии, а вовсе никакой не медик, решает по-другому.

Он срочно звонит в Ленинград и консультируется с профессором, который должен делать операцию.

Он связывается с Министерством здравоохранения и добивается, чтобы под его ответственность — прочтите это внимательно, — под его ответственность врач, который лечил больную, разрешил перевезти ее в Ленинград.

Он убедил двух комсомолок-медсестер, и они согласились сопровождать больную, он открыл сейф в небогатой комсомольской кассе и взял деньги на пять авиабилетов до Ленинграда — два медсестрам и три для лежачей больной. Наконец, он сел рядом с шофером «Скорой помощи», надев белый халат, и велел ему включить сирену, потому что они уже опаздывали к самолету.

Машина ворвалась на летное поле, когда самолет уже отруливал от стоянки. Володя задержал самолет, подогнал трап и внес вместе с шофером носилки с больной.

Когда самолет взлетел, у Володи не было никакой гарантии, что все кончится благополучно. Наоборот. Он теперь, только он, лишь он отвечал за все.

Все обошлось хорошо. Больную оперировали и спасли, сказав, что, опоздай Володя на сутки, было бы уже поздно.

Повезло? Пусть так, пусть повезло, но я уверен, что везение это, эта удача тоже не для всех. А для смелых. Для тех, кто не остается свидетелем, а умеет быть смелым, кто берет на себя ответственность, кто умеет драться против трусости, несправедливости, зла.

У поэта Станислава Куняева есть такие строчки:

Добро должно быть с кулаками,
Добро суровым быть должно,
Чтобы летела шерсть клоками,
Со всех, кто лезет на добро.

Кто-нибудь, может, и не согласится с таким категоричным судом поэта, но мне эти строчки очень нравятся. Потому что они выражают суть жизни.

А жить стоит лишь тогда, когда ты не ракушка, приставшая к дну быстроходного корабля, а матрос, который ставит паруса, или рулевой, который стоит у руля. Словом, когда ты вдыхаешь ветер полной грудью, когда ты живешь, а не приспосабливаешься, когда ты, если это нужно, дерешься со злом за добро.

Нет, я не за то, чтобы лупить Галок и таскать за косы Ленок, это прописная истина: с девчонками драться не стоит.

Я за драку по большому счету.

Вот почему мне нравится Мальчишка с большой буквы, Танин товарищ. Вот почему я уважаю его.

Джанни РОДАРИ

Мечта

Не сладко живется
Нам, римским ребятам.
(Ведь сладко живется
Одним лишь богатым.)
Еды не найдется
У нас иногда,
Но песня и шутка
Найдутся всегда.
А ну помечтаем,
Что Рим наш — съедобный!
Не каменный больше —
Пшеничный он, сдобный.
Ротонда теперь
Из голландского сыра.
А Капитолий?
Он весь из пломбира!
По Тибру струится
Поток лимонада —
Пей вволю, кто хочет,
Платить-то не надо!
А Колизей —
Это торт шоколадный,
Огромный!
И тоже, конечно, бесплатный!
К нам в гости приедешь —
Получишь и ты
Добротный кусок
Этой вкусной мечты.
Придумаем что-нибудь
И для веселья:
На куполах
Поместим карусели,
На монументах
Повесим качели —
Чтоб дети, как птицы,
Взлетали и пели...
Давай приезжай-ка —
Взовьешься и ты
На солнечных крыльях
Веселой мечты!

Капризный турист

Знаю я туриста одного,
В разных странах видели его.
Но в любой —
В какую ни направится,
Что-нибудь ему да не понравится.
В этой — землю сковывают льды.
В той — селенья затопляют реки.
А в пустыне душной —
Без воды
Пропадают люди-человеки.

Тут — не знает грамоты никто.
Там — больниц изрядная нехватка.
И турист наш морщится:
— Не то!..
Я ищу Страну Без Недостатков!

В самолет усядется опять
И помчится вдаль через границы...
— Молодец он! —
Могут мне сказать.—
Так и надо:
К лучшему стремиться!

Так-то так...
Но стоит ли спешить
На других неладное оставить?
Может, все же
Где-нибудь пожить
Да помочь
Хоть что-нибудь исправить?!

Пересказал
С. ПОГОРЕЛОВСКИЙ.

Рисунок А. ВОВИКОВОЙ.

С. РОМАНОВСКИЙ

КОЛОДЕЦ

РАССКАЗ

Что на кордоне попросит прохожий человек — грибник или охотник? Воду.

Алешины родители, а то и сам Алеша вынесут ему ковшик воды. Прохожий человек утолит жажду, заглянет на донышко и улыбнется.

— Где вы такую вкусную воду берете?

— Вон в огороде колодец с воротом. Из него и берем.

— В следующий раз обязательно к вам сверну за водицей,— скажет путник перед дорогой.

— Рады будем. Пейте на здоровье.

Близко подходить к колодцу Алеше возбранялось. Отец говорил:

— Там тягун живет. Он тебя в глубину утянет — света вольного не увидишь.

Родители с утра ушли в город, на базар, а Алешу оставили домовничать. Он дождался солнышка — оно обогрело весь кордон,— и осмелел Алеша: мимо цветущей картошки да прямо к колодцу.

Ни жив ни мертв заглянул вниз — ничего не увидел, зажмурился, отожмурился — кто-то снизу за ним подглядывает. Тягун? Нет, не тягун, а круглый Алешин лик отражается в темной воде...

— Эй! — крикнул он своему отражению.

И тотчас из колодца вылетели ласточки, да много, ветром плеснули Алеше в лицо. С глубины ответило басом, и мальчуган в страхе убежал из огорода.

Солнышко пропарило весь лес; тихо дышали и улыбались сосны вокруг Алеши; он расхрабрился и вернулся к срубу — рассмотреть, кто это посылает ласточек и басит из-под земли.

Рядом с Алешиным отражением плавала большая синяя звезда. Мальчуган закинул голову — ни звезды, ни облачка, ни самолета, одно теплое небо.

Склонился над срубом — горит звезда в колодце. Кто же ее зажег среди бела дня? Или уронил? Пока пил воду, положил звезду на сруб, а он скользкий, и она сама по себе или оттого, что ее нечаянно задели бадьей, сорвалась — и поминай как звали.

Как бы ее достать?

Алеша долго не рассуждал — столкнул бадью, и она, постукивая по дубовым стенкам, обрушилась в воду, натянула цепь и затонула — ни бадьи, ни звезды. Успокоилась вода, и синий огонь опять светится в глубине, прямо над утопленной бадьей. Потяни наверх — зачерпни звезду вместе с водой и бери ее в руки.

Он взялся за ручку ворота, потянул — не получается. Колесо ворота высокое, на полный оборот рук не хватает, да и бадья тяжелая — не стронуть с места.

Заплакал Алеша: влетит ему от отца с матерью, и пошел он веником подметать полы в доме.

А тут и отец с матерью подошли — от них издалека городом пахнет: конфетами, колбасой, новой Алешиной рубахой и еще чем-то.

Алеша принял гостинцы, померил новую рубаху на вырост и рассказал все, что с ним было:

— Я из колодца ласточек выпугнул...

— Что? Что?! — Мать собралась нарвать ему уши, но отец отвел ее руку.

Алеша спрятался за отца и продолжал:

— Я из колодца ласточек выпугнул, а там внизу звезда плавает. Я бы ее поймал, да у меня силы нет бадью вытянуть...

— Большая звезда-то? — Отец подмигнул матери.

— Большая...— Алеша обрадовался отцовскому интересу и поискал глазами, с чем бы ее сравнить.— С полпряника будет. А то и с мой кулак. А может, с оба кулака. С ней хорошо в подполье за огурцами ходить. Или ночью в хлевушок — скотину проверять...

— Ну да? — сказал отец.

А мать погрозила ему пальцем:

— Ты не подмаргивай. Чтобы я Алешу у колодца больше не видела — утонет еще.

— Со мной-то можно.— Отец встал и взял сына за руку.

— Пойдем твою звезду доставать. Только она, поди, горячая.

— Дотронуться нельзя?

Заскрипел ворот, и бадья, с золотыми швами, в черных обручах из железа, сплеснула воду и смирно встала у сруба. Алешиной звезды в ней не было.

— Ее так сразу не почерпнешь,— сказал отец.— Она просто в руки не дается.

После этого случая Алеше разрешалось вместе с отцом ходить к колодцу за водой — для питья, для супа, для стирки, для

Рисунок Е. МЕДВЕДЕВА.

коровы Добрыни, для поливки огорода и яблонь — для всего живого на кордоне.

Каждый раз из колодца вылетали ласточки, да так быстро — не уследить глазами. Набрав воды, мужчины склонялись над колодезной горловиной, и с замиранием прислушивался Алеша к подземному эху от отцовского голоса:

— За дубовой пластиной у них гнездо. А где — не видно. Там их ни один злодей не найдет...

— А нас они почему боятся? — спрашивал Алеша.

— Нас они не боятся. Нам они не мешают воду набирать.

От их разговора синяя Алешкина звезда слабо вздрагивала. Отец распрямился.

— Пошли, дома нас заждались...

В одно прекрасное утро ласточки не вылетели из колодца. Не вылетели они и через день и через неделю, и отец за ужином сказал:

— Рано они нынче легли на дно. Рано и стужа ляжет.

Мать загремела посудой.

— Зла моего не хватает. Чего попусту-то говорить? Где это видано, чтобы со звездой по огурцы ходили? Чтобы ласточки ложились на дно? Ты, может быть, их с лягушками спутал? И нечего ребенку голову забивать небылицами. Стужу напророчил, а у нас еще картошка не копана. Врет он, твой колодец.

Но колодец не врал: вскоре задышало холодом, забелило инеем, до срока ледком прохватило землю. Хорошо, что по совету отца удачно успели выкопать картошку, перебрать, ссыпать в подполье — теперь на всю зиму хватит.

Погасило синюю звезду в Алешином колодце, а от самого колодца оставило невысокий сруб зеленого льда с узким окошком наверху. Сквозь него едва-едва пролезала толстая бадья в ледовой шубе.

— Алеша,— звал отец,— пойдем по воду!

— Холодно больно,— отвечал Алеша с печки.— Чего там делать-то?

— Ну ладно.— Отец застегивал полушубок.— Сам будешь проситься — не возьму.

И Алеша скатывался с печки, попадал босыми ногами в валенки, влезал в шубенку, шапку — на глаза и за отцом по снежной тропке.

У колодца ничего интересного — ни ласточек, ни звезды, лед-гололед, да снежок — мелкая крупка, да ломкая картофельная ботва, да земля неровная...

Алеша посмотрел в ледовое окошко — темнота, послушал и сказал:

— А вода в колодце шевелится.

— Да ну?

— Я вот этим ухом слышал.

Отец снял шапку, склонился над оконцем и подтвердил:

— Похоже, как касатки купаются...

Он застегнул Алешкин шубняк на все пуговки и сказал:

— Зима, сынок, завернет на мороз и на ветер.

Теперь по ночам изба потрескивала от стужи. Алешу не выпускали даже на крыльцо, а мать не раз говорила отцу:

— Хорошо, что ты хлев утеплил загодя. Добрыня наша здорова.

До самого апреля трещали морозы, потом сразу отпустило.

Отец после обхода пригубил холодной воды из ковша и крякнул:

— Камой пахнет — к большому половодью. Луговой поселок нынче затопило.

Мать ахнула:

— Ты в эдакую даль нынче ходил?

— Да нет, я дальше Черного лога не был,— ответил отец.

— А про половодье кто тебе рассказал? — с ожиданием спросила мать.— У меня в Луговом троюродная тетка живет — не ее ли ты встретил?

— Мне про половодье колодец рассказал, воды в нем с верхом, по самый замок, так светлым столбом и стоит. Я по тем годам помню: когда водополье к Луговому к огородам подошло, воды в колодце было меньше, под седьмую пластину... а сейчас под пятую. Значит, до бань достало... А может, обманывает колодец,— заключил отец и подмигнул Алеше.

— Ну да, обманывает,— обиделась мать.— С чего бы ему обманывать-то? Что было бы, если бы мы Добрынюшке хлев не утеплили. Если бы картошку вовремя не выкопали. А прибылая вода избы в Луговом не тронет?

— Избы — ни в коем случае,— обещал отец.— Бани пошевелит, а избы — нет.

Широкий ветер гудел вершинами, уставал с дороги, и садился отдыхать на поляну, и приносил таловый запах паводка. В лесу прибывало тепла, по вечерам жук пробовал играть на золотой струне, вода в колодце опала, и рано утром Алеша с отцом нечаянно выпугнули из него двух ласточек — спереди шильце, сзади вильце, сверху сине, снизу бело.

Глаза у отца улыбнулись.

— Теперь просо можно сеять — не ошибешься. Теперь теплынь задний ход не даст. Нет ей нынче возвратного хода. Касатки со дна поднялись!

— Чего их только двое? — огорчился Алеша.— Раньше их вон сколько было.

Глаза у отца опять улыбнулись.

— Где двое — там и много.

А на дне колодца, там, где дубовые тесины сливались с темнотой, в неярком зеркальце воды горела звезда — большая, синяя Алешина добрая звезда...

Цветан ПЕШЕВ

ЗАДАЧА о двух трубах

РАССКАЗ

Есть такая задача в сборнике по арифметике. Я ужасно не люблю решать задачи, глаза бы мои на них не смотрели. Но нам ее задали на дом, и надо было решать ее. И Даниил пришел с тем же.

— Решил задачку про трубы? — спросил он.

— Нет,— ответил я.

— Эх ты! Отец дома, а ты не можешь заставить его решить.

— А ты почему своего не заставишь?

— Нет его, уехал в город. Если бы он был дома, он бы решил.

— И мой тоже может решить, только он спит, он в ночь работал.

— Ты все-таки пойди посмотри,— сказал Даниил.— Может, он уже проснулся.

Я взял задачник и пошел в другую комнату. Отец не спал — я очень хорошо знал, что еще полчаса назад он встал и пошел мотыжить грядки на заднем дворе.

— Папа! — свесился я через подоконник.— Можешь решить мне одну задачку?

— Какую задачку? — Отец оперся на мотыгу.

— Такую, про две трубы.

Отец подошел ко мне, взял задачник и долго читал и перечитывал условие.

— Нет,— сказал он,—не могу.

— А Даниил говорит, что его папа запросто решил бы.

— Он может, потому что учился больше меня. А я в твои годы уже работал в пекарне, ты ведь знаешь это...

— Ну да... Я так и думал, что ты не решишь, да сказал, что спрошу тебя.

— Запутался? — Отец погладил меня по голове.— Но ты попробуй сам. Нарисуй этот бассейн, подумай немножко и увидишь — получится!

Отец снова пошел мотыжить. Я постоял у окна, посмотрел, как он размеренными ударами бьет по сухой земле, и подумал, что ему бы надо еще поспать, потому что он всю ночь работал у себя в пекарне. Потом вспомнил, что Даниил ждет меня.

— Как дела? — встретил меня Даниил.

— Тихо ты, отец спит,— прошептал я.— Когда встанет, тогда решит.

Даниил принялся листать последний номер «Септемврийче», а я присел к столу и начал рисовать бассейн с двумя трубами. Представим себе — бассейн и трубы. По большой трубе вода втекает в бассейн, а по маленькой — вытекает. Бассейн был совсем пустой, и вдруг пустили воду. Вода течет в бассейн, люди ждут, пока он наполнится,— они совсем забыли, что с противоположной стороны вода вытекает. Втекает воды много, вытекает понемножку...

— Я пошел! — закричал я.

— Куда? — удивился Даниил.

— Пойду разбужу отца,— сказал я тихо.— Он быстро решит задачку и опять уснет.

Я вошел в комнату отца, сел на кровать и спокойно написал решение задачи. Выходит, отец был прав — совсем другое дело, когда нарисуешь бассейн и трубы. Да и задача показалась мне совсем не такой трудной, как вначале.

— Видишь, какой красивый почерк у твоего отца, совсем не то, что твои каракули,— сказал Даниил, когда я показал ему решение.

— А как он рисует! Посмотрит на тебя — и тебя нарисует... А такие задачи про трубы — он их по тысяче в день может решить!

Я пошел проводить Даниила, и тут случилось то, чего я больше всего боялся. Даниил увидел моего отца.

— Что он там делает?

— Как что? Видишь — мотыжит.

— А разве он не в комнате?

— Да он... он был там...— пробормотал я.

— Как же он вышел?

Я засмеялся.

— Знаешь, у моего отца такая привычка — лазить в окно. Вот и сейчас — через окно вылез!

— Какой у тебя интересный отец! — позавидовал мне Даниил.— А у меня обыкновенный, всегда через дверь ходит.

Перевел с болгарского
С. СОЛОВЕЙЧИК.

К. ИОСИФОВ

Рисунок П. БАГИНА.

«Малявочка»

Девять дней живу я на берегу озера Селигер, знакомлюсь с работой рыбачьих патрулей Первой школы подмосковного города Видное.

К своим походам видновцы готовятся заранее: проводят запись в отряд, зарабатывают деньги на поход.

Работа у них сложная и интересная, а чтобы вы сами могли убедиться в этом, я расскажу немного о тех операциях, которые проводят видновские ребята. Вот они.

«МАЛЯВОЧКА»

Спадают вешние воды, во многих местах остаются озерца, отшнуровавшиеся от реки сушей. Озерца эти обречены на высыхание, а рыбье население их — на верную гибель. Ребята прокапывают протоки к реке или вылавливают рыбешек, переносят их в большую воду, выпускают там и спасают тысячи тонн рыбы.

«МЕГАФОН»

Плывут ребята на лодке по реке или идут по берегу и, как увидят рыбацкий костер или туристскую палатку, громко говорят в мегафон: «Товарищи рыбаки! Товарищи туристы! Вы находитесь в заповедных местах. Здесь разрешается ловить рыбу только удочкой. Рубка леса запрещена. Если вы захотите разжечь костер, собирайте только то, что лежит на земле. И озеро и лес под нашей защитой».

«ПОДЛЕЩИК» И «ЛЕЩ»

Эти операции проводят ребята постарше и поопытнее. Увидят «подлещики» рыболовов, подходят к ним и просят показать снасти. Проверяют, не применяются ли запрещенные переметы или сети, не бросают ли в реку ядовитые шарики, рассчитывая на легкую добычу — снулую рыбу. Однако строгий разговор ведется только с ребятами. Если нарушителями окажутся взрослые, вежливо объясняют, какими орудиями лова разрешается пользоваться здесь, а какими нельзя.

«Лещи» плывут по заливу на нескольких лодках, траля дно кошками. Зацепит кошка сеть, или перемет, или вершу — и патрули вытащат снасть на борт. И сдадут свою добычу инспекторам рыбоохраны.

РЕКА ЛУХ

Начинали видновские патрули двенадцать лет назад. Проплыли на лодках по реке Лух, что течет по Ивановской области и впадает в Клязьму. Разбирали по пути бревенчатые язы или заколы, которыми местные браконьеры перегородили реку чуть ли не в пятидесяти местах, уничтожили более тысячи сетей и верш. И добились, что на реку назначили нового рыбинспектора. Потом они плавали по Оке, по Клязьме, по Верхней Волге и тоже уничтожали сети и верши и, увидев какую-нибудь загрязненную речушку, добирались по ней до фабрички или колхозной фермы, которые ее отравляли. Составляли акты и передавали их в санитарно-эпидемиологические станции и в рыбоохрану.

Десять лет они выезжают на славное озеро Селигер. Разбивают палаточный городок на острове Хачин и патрулируют воды Орловой луки. Любит это место рыба. Со всех концов Селигера приплывает она сюда. Некогда это место любили и браконьеры. Ну, а сейчас браконьеры знают: лучше не показывайся в Орловой луке.

и другие

«СОМ»

Но вот сегодня наши разведчики обнаружили на озере Белом хитроумную сеть. И мы плывем вдоль берега, расцвеченного палатками, добираемся до узкого пролива, соединяющего Белое с Селигером. В хорошую воду здесь есть протока, по которой нетрудно пройти на лодке. Сейчас все заросло камышами. Ага! Вот и след нашего «сома» — камыши примяты, поломаны, поперек дорожки лежат бревна. Видно, «сом» подкладывал их под лодку, когда волок ее в озерко.

Поперек озера вытянулась в цепочку линия шестов — сеть! У дальнего конца цепочки лодка. В ней двое. Браконьеры! Они передвигаются вдоль сети, собирают рыбу. А мы всего-навсего разведывательный отряд, которому запрещено начинать операцию.

Правда, в нашу группу входит «старичок» Володя Баранов. Он задержал немало браконьеров, и когда учился в Первой школе и теперь, когда стал студентом биолого-почвенного факультета Московского университета. У него есть удостоверение инспектора Общества охраны природы. Только с таким удостоверением можно действовать. Но два остальных члена нашей тройки, в том числе и я, — люди неопытные, и мы решаем ждать прихода главных сил. Но ведь наши «сомы» могут уйти, прихватив сеть. Ищи их тогда! А мы пока сфотографируем их «за работой». Снимки — вещественное доказательство.

Легко сказать — «сфотографируем». А как? Для этого надо подобраться поближе к браконьерам, чтобы можно было снять крупным планом. И вот ни с того ни с сего Володя проявляет невиданный интерес к белой кувшинке:

— Смотрите, какая красавица! Саша, греби вон к той!

Он срывает кувшинку, долго любуется ею, потом находит еще одну, еще, еще. Мы рвем кувшинки и оказываемся совсем рядом с браконьерами. Фотография сделана!

МОЛОДЦЫ РЕБЯТА ИЗ ВИДНОВСКОЙ ШКОЛЫ! ОНИ ЗАНЯТЫ ДЕЛОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ.

Я ЗНАЮ, ЧТО И В ДРУГИХ МЕСТАХ — НА ВОЛГЕ И НА АМУРЕ, НА ДОНУ И НА ДВИНЕ, НА САХАЛИНЕ И В ПРИБАЛТИКЕ — РЕБЯТА СПАСАЮТ ТЫСЯЧИ ТОНН РЫБЫ.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЗАВЕЩАЛ НАМ БЕРЕЧЬ РОДНУЮ ПРИРОДУ. ВЫСТУПАЯ ЕЕ ЗАЩИТНИКАМИ, ВЫ ВЫПОЛНЯЕТЕ ЭТОТ ЕГО ЗАВЕТ.

ВСТУПАЙТЕ В ОТРЯДЫ ЗАЩИТНИКОВ РЫБНЫХ БОГАТСТВ! И ДАВАЙТЕ НАЧНЕМ ОДНУ БОЛЬШУЮ ОПЕРАЦИЮ ПО СПАСЕНИЮ РЫБЫ — НАЗОВЕМ ЕЕ, СКАЖЕМ, «ЖИВОЕ СЕРЕБРО».

КАЖДЫЙ ГОД СТРАНА ПРОВОДИТ ДЕНЬ РЫБАКА. В ЭТОТ ДЕНЬ МЫ И ПОДВЕДЕМ ИТОГИ НАШЕЙ ОПЕРАЦИИ.

ЛУЧШИЕ ОТРЯДЫ ПОЛУЧАТ НАГРАДЫ: ЛОДКИ, МОТОРЫ, ПАЛАТКИ, ФОТОАППАРАТЫ.

Министр рыбного хозяйства СССР
А. А. ИШКОВ.

Строго говоря, операцию на этом можно было бы закончить — есть все данные для привлечения хищников к ответственности. Но нам так не хочется действовать хитростью, исподтишка! Не тратя лишних слов, мы загоняем лодку в протоку и там «застреваем». Другого выхода из озерка нет.

Мы посылаем связного в лагерь, и скоро приходят моторки. Они везут инспектора рыбоохраны Николая Михайловича Никанорова, ребят и Георгия Васильевича Шарова, преподавателя физкультуры Первой школы, инициатора всех походов.

Теперь мы, уже не таясь, идем на сближение с противником. И хотя браконьеры угрожают нам всяческими бедами и неприятностями, мы узнаем и их имена и место работы.

Операция «Живое серебро» объявлена.

«Пионер» ждет ваших сообщений.

Рассказ о вашем участии в операции присылайте не позже 15 июля.

ЭКСПЕДИЦИЯ «ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА ВЕРНЫ»

Радиостанция «ЗДРАВСТВУЙ!» передает сообщения от звеньев, отрядов, дружин...

из Забайкалья

Мартеновский цех Петровско-Забайкальского металлургического завода празднично украшен. Со всей Читинской области съехались на завод ребята — представители пионерских дружин. Сегодня здесь пионерская плавка.

Плавку начинает бригада сталеваров комсомольско-молодежной печи. Пионеры Забайкалья собрали больше семи тысяч тонн металлолома. Из него можно изготовить 600 тракторов!

из города Волжского

С нашим городом мы почти одногодки. Сейчас нам даже не верится, что на этом месте была ковыльная степь. В городе очень много зелени. Но нам хочется, чтобы город был еще красивее.

Мы закладываем большой пионерский парк, сажаем на улицах деревья. Ленинский сад, который создают ребята всей страны, увеличится на четыре тысячи деревьев. У Дворца пионеров будет клумба с многолетними цветами.

Ребята 17-й школы выращивают комнатные цветы и подарят их детским садам и яслям, а ребята 19-й школы собрали семена акации, ясеня, клена, березы и отдадут их лесосовхозу «Ахтубинский».

Пионеры г. Волжского.

из Сухуми

Экспедиция «Заветам Ленина верны» для нас — это еще и походы по родному краю. Мы хотим как следует знать нашу республику.

В одном из походов с нами произошел такой случай. Дорога проходила недалеко от табачных полей. Вдруг ребята заметили дым. Подбежали — оказывается, горит сарай. А в нем колхозный табак и сено лежат. Взломали ребята у сарая дверь и начали быстро сено и табак выносить, за водой бегать и заливать пламя.

Дул сильный ветер, и пожар никак не утихал. Рядом стоял дом, где жили люди. В это время все взрослые были на работе, и в доме остались только дети и старики. Их увели в глубину сада, подальше от пожара. Скоро ребята огонь потушили, и можно было продолжать поход.

Туристы 4-й средней школы.

Рисунки А. БОРИСОВА.

из Молдавии

Мы прочитали в газете об операции «Чукотка» и стали думать, что можно сделать.

— Идемте на завод договариваться! — сказал кто-то из ребят.

Мы составили бригаду в сорок пять человек, пришли на завод «Электроприбор» и начали работать: убирали во дворе мусор, вывозили бумагу и металлолом.

Деньги, которые мы все вместе заработали, перевели на счет № 70008. Мы хотим, чтобы интересно и весело отдыхали ребята на Чукотке.

Вася ЧИБИСОВ, Виталий ГУЦУ, Валя ГРАБОВСКАЯ,
члены клуба «Красная гвоздика», г. Сороки.

НУЖНА ТВОЯ ПОМОЩЬ

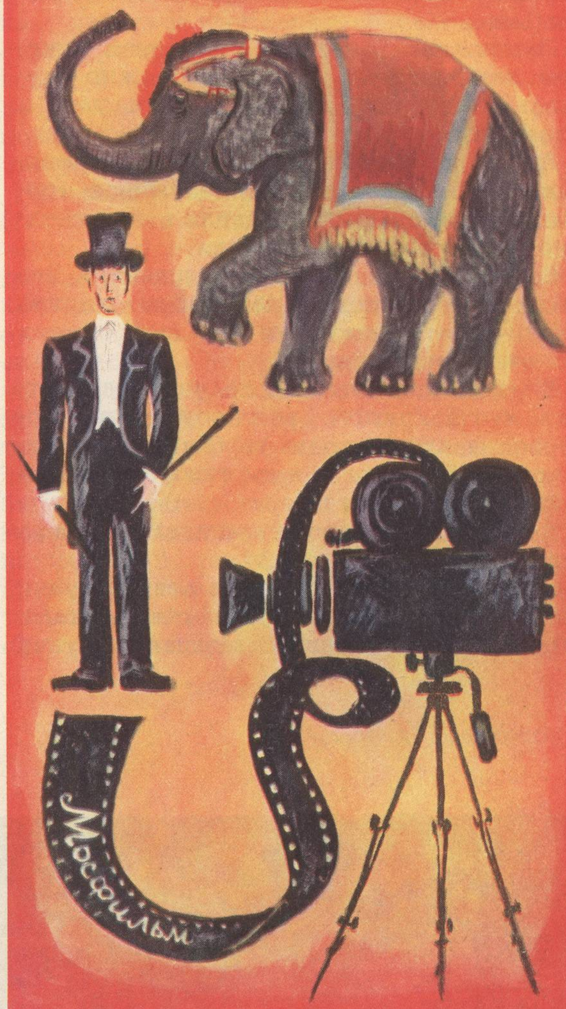
Дорогие друзья!

Совет Ленинского зала нашей школы поручил нам написать это письмо. Наверное, и в вашем городе есть площадь или улица имени В. И. Ленина. Пожалуйста, расскажите нам о ней и, если можно, пришлите фотографии. В день рождения В. И. Ленина мы сделаем выставку в Ленинском зале.

Нам хочется, чтобы наша выставка рассказала и о вашей улице Ленина.

Ждем писем.

Пионеры отряда имени Гайдара,
Курганская область, г. Шумиха, школа-интернат.

В какие времена, какому слону выпало еще такое счастье: быть приглашенным на съемку? Так вот, такая удача выпала на долю слонихи Пунчи из Московского уголка Дурова. Ее пригласили сниматься в картине «Гуттаперчевый мальчик».

Целый день Пунчи чистили металлическими щетками. Дрессировщик, стоя на стремянке, хорошо продраил ее спину, хобот и ноги. Потом зачистил оставшиеся темные пятна и положил на спину красивую попонку. Пунчи была готова к съемке. Но как ее доставить, целую и невредимую, на студию «Мосфильм» к назначенному дню и часу? Это оказалось, как вы увидите, совсем непросто.

Расстояние от уголка Дурова до «Мосфильма» — двадцать километров, и эти двадцать километров — центральные улицы, площади, вокзалы. Везти Пунчи? На чем? Пунчи весит четыре тонны. И решено было, что она пойдет пешком. Эта мысль пришла потому, что у Пунчи был уже небольшой опыт. Прогулки по глухим переулкам, окружающим уголок Дурова, Пунчи очень любила. У нее были даже излюбленные места остановок. Справа от центрального входа в уголок Дурова находится киоск с газированной водой, и работала там тетя Даша, очень любившая Пунчи. Пунчи обычно начинала прогулку именно с визита к тете Даше, очень хорошо зная, как все произойдет: она вытянет хобот, и тетя Даша вольет в него стакан газированной воды, да еще обязательно со сладким сиропом. И так один стакан, другой, а то и третий. Пунчи была благодарна и никогда не забывала навестить тетю Дашу. Когда киоск был закрыт, она обходила его кругом, проверяла хоботом замок и, только убедившись, что там действительно нет хозяйки, шла дальше. А дальше были ребятишки, которые сразу же окружали ее и шли рядом. Дети хорошо знали привычки Пунчи — подбегали к уличной колонке, нажимали рычаг, вода лилась и сразу же вводила Пунчи в соблазн выкупаться. Она втягивала воду в хобот и поливала себя, как из шланга.

А теперь вернемся к нашей истории. Значит, опыт прогулок у Пунчи был. Но одно дело — прогулки, и совсем другое — расстояние в двадцать километров по центральным магистралям такого большого, многолюдного города, как Москва. Решили идти ночью. Ночью люди спят, а движение транспорта резко сокращается.

Значит, если Пунчи вывести в двенадцать часов ночи, то к восьми часам утра она будет на месте. Дрессировщик вывел Пунчи на улицу. Кроме него, Пунчи сопровождали еще два милицейских мотоцикла. Все было правильно. Но осторожная Пунчи, как только вышла за пределы своих привычных маршрутов, остановилась. У нее не было никакого желания пускаться в неизведанное.

И тут вспомнили о Рачо — двугорбом верблюде, с которым Пунчи дружила и которому абсолютно доверяла. Заставить же верблюда Рачо идти будет куда легче. Пунчи сразу же пошла за Рачо. Раз друг рядом — не страшно любое путешествие.

Время «старта» опоздало всего на тридцать минут. Маршрут начался. Процессия

выглядела так: впереди дрессировщик вел верблюда, за верблюдом шла Пунчи, а по бокам ехали милиционеры на своих мотоциклах. Путь лежал от уголка Дурова до Самотечной площади, а дальше — по широкому Садовому кольцу: через площадь Маяковского, площадь Восстания, мимо Киевского вокзала, по Бережковской набережной и, наконец, «финиш» — «Мосфильм».

Пунчи медленно поднимала свои тяжелые, застоявшиеся ноги и осторожно опускала их на асфальт московских улиц и площадей.

Людей на улицах было мало, и все они, удивленно посмотрев на необычное торжественное шествие, спешили в этот поздний час по своим маршрутам.

Город, видимо, слонихе понравился. Все было по ее слоновым масштабам: ширина улиц, высота домов,— и она шла охотно, но очень медленно.

Ей, конечно, хотелось получше рассмотреть все вокруг. А дрессировщик все поторапливал и подгонял верблюда. Но Рачо понимал, что Пунчи идти тяжелее, и приноравливался к ее шагу.

В шесть часов утра миновали только площадь Маяковского.

Появилась новая забота: в девять Пунчи должна была завтракать. Она очень устала, выдохлась, а грузовик с завтраком Пунчи был заблаговременно отправлен на «Мосфильм».

Пока, казалось, она об этом не думает, она была увлечена зрелищем проснувшегося города. Такого количества людей Пунчи еще никогда не видела. Машины, конечно, сильно бы ее пугали, если бы не ощущение «чувства горба» преданного друга Рачо. Пунчи нравилось, что она производит впечатление на людей. Она это понимала по одобрительным возгласам и вниманию к себе, которое все время чувствовала.

Но мы немного отвлеклись от главного. Итак, Пунчи на площади Восстания. Она уже несколько раз мотнула головой — вверх-вниз, вверх-вниз, что означало: не пора ли завтракать? Но, пока Пунчи шла от площади Маяковского до площади Восстания, грузовик с ее завтраком удалось перехватить. Так что завтрак Пунчи и Рачо получили вовремя.

А что делается на «Мосфильме»? Съемка, конечно, началась и шла пока без Пунчи. Вот на арене цирка Беккер и «гуттаперчевый мальчик». Мальчик работает на верхнем конце длинного перша, а нижний конец этого перша — на подбородке у Беккера. Сняли уже, как мальчик срывается и падает вниз. Так увидят зрители в кино, а на самом деле мальчика все время поддерживает страховка — тонкий, но

очень прочный стальной тросик — лонжа. Гудит цирк—это участники массовых сцен (сейчас они играют публику) изображают негодование. Мальчика уносят.

Уже установили съемочную камеру за кулисами арены: на первом плане, совсем близко от объектива, лежит мальчик. Вот тут-то и нужно, чтобы мимо него прошли ноги слона. Общий план: слон на арене — представление продолжается. Все готово. Поставлен свет, отрепетирована сцена с мальчиком и клоуном Эдвардсом, но нет слона, нет Пунчи! И никто не знает, где она в данную минуту. Объявили перерыв.

Пообедав, все снова заняли свои рабочие места. Снова лежит мальчик на полу у камеры, а над ним склонился Эдвардс. Снова включен и проверен оператором свет. Еще раз все отрепетировано. А слона все нет! Потеряться он, конечно, не мог. Но где же он? Ждем. Пунчи возле Киевского вокзала — докладывают в группу. Все оживились: наконец-то появилась надежда. Снова ждем. Час дня. Новое сообщение: ваш слон возле «Дорхимзавода»! Почему же Пунчи за два часа так мало продвинулась?

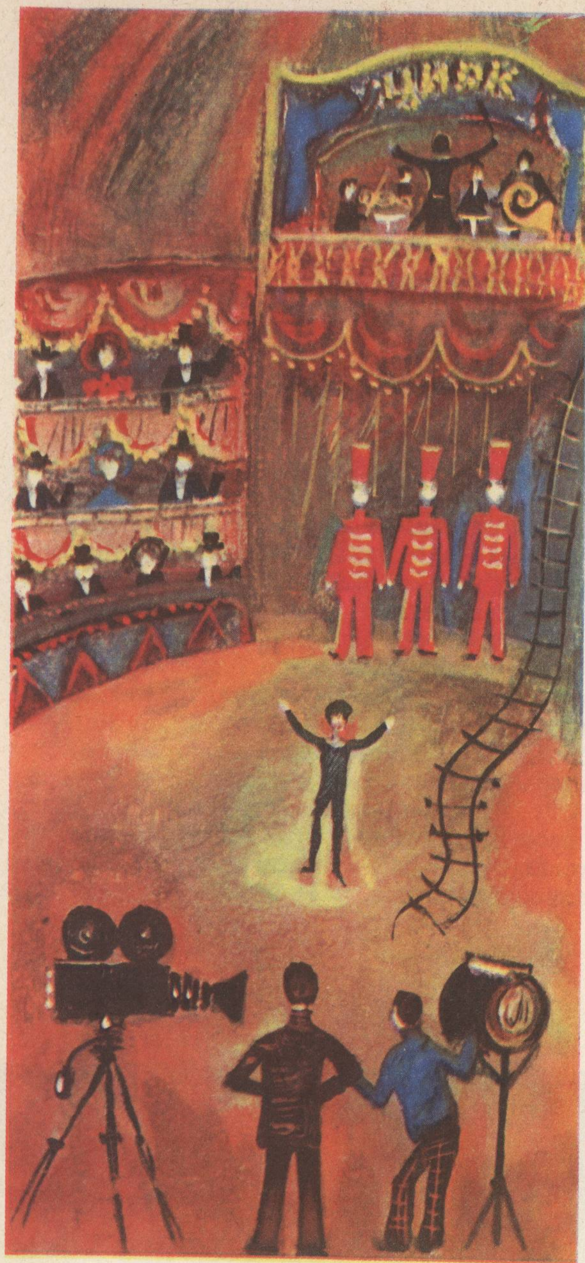
А случилось вот что: когда Пунчи подошла в Окружному мосту, по нему прогромыхал товарный состав. Осторожная Пунчи остановилась, затрубила, предупреждая Рачо об опасности, и пройти под аркой моста ни за что не хотела. И только после двухчасовой ходьбы Рачо под мостом удалось убедить Пунчи в безопасности и провести ее под мостом.

«Мосфильм» уже близко, совсем близко! Работники группы выбегают посмотреть, где слон и как он идет. Ура! В 15.00 Пунчи прошла центральную проходную «Мосфильма», не предъявляя никакого пропуска,— уж такое здесь доверие к слонам. Постояла, осмотрелась и... неожиданно смело вошла в помещение студии. Наверное, на нее начинала действовать атмосфера кино, появились бесстрашие и творческий азарт актера.

Команда: «По местам! Слона не трогать! Не раздражать! Не занятые возле кинокамеры, отойдите в сторону!» Камера смонтирована на самом низком штативе «лягушка», возле нее лежит уже очень уставший от ожидания «гуттаперчевый мальчик», склонился над ним клоун Эдвардс, и нужно, чтобы мимо прошли наконец тяжелые ноги слона. Но не тут-то было! Пунчи остановилась недалеко от мальчика, а пройти мимо него на арену не захотела. Может быть, она почувствовала свою незаменимость и начала капризничать? А может, поняла, что при такой низкой позиции съемочной камеры в кадр могут попасть только ее ноги? А это ведь не самое красивое во внешности Пунчи! И так уже лю-

Рисунки **А. ВОВИКОВОЙ.**

ди говорят: ноги, как у слона. Не ноги ей надо демонстрировать. Хобот! Вот в чем красота и гордость каждого слона. А хобот явно в кадр не попадал.

Все по очереди: осветители, гримеры, механики,— буквально все начали уговаривать Пунчи пройти так, как требовалось по кадру. Каждому хотелось, чтобы она послушалась именно его. Пунчи благосклонно все это принимала, слушала, что ей говорят, и от удовольствия покачивала хоботом. Но идти не собиралась. Наоборот, начала показывать режиссеру все, что она умеет делать. Она сделала стойку на передних ногах, потом подняла и, сколько могла, вытянула заднюю — сделала «ласточку». Потом начала их попеременно переставлять, так что не хватало только музыки для полного впечатления вальса. Затем она затрубила, и голос ее был такой мощности, что мы стали опасаться за целость нашей декорации. Затем Пунчи села, подняв передние ноги. В общем, делала все, кроме того, что нужно было нам.

Сначала это всем как будто понравилось, и напряженность немного разрядилась, послышался даже смех, но был он все же каким-то нервным. Впереди все равно оставалась необходимость съемки.

Пунчи же так увлеклась, что не слушала даже дрессировщика. Решили дать ей образумиться и снова объявили общий перерыв. Но в буфет никто не пошел. А Пунчи все показывала и показывала свое мастерство.

Вызвали на съемку диспетчера студии для совета: что дальше делать? Всем происходящим он был крайне недоволен. Продлить смену? Но ведь все невероятно устали, измучились. А Пунчи? У нее, казалось, пришло второе дыхание: она никак не хотела остановиться.

Съемочный день стоит больших денег, и раздражение диспетчера вполне можно было понять: если никто не умеет обращаться со слонами, нечего было затевать такую сложную съемку. Но в конце концов продлили смену на час. Всего только на час! А если у Пунчи так и не появится настроение делать то, что от нее требуется?

Какая досада! Так выразительно был задуман этот кадр: маленький, худенький мальчик, упавший с перша, а сзади идут огромные, тяжелые ноги слона — значит, представление продолжается. До судьбы мальчика никому нет дела. Так и работали в царское время в цирке — без страховки-лонжи, и опасность падения каждую минуту подстерегала артистов.

Когда, казалось, все надежды были потеряны, снова вспомнили о Рачо. Его увели на арену так, чтобы он не был виден Пунчи. Для двугорбого верблюда степная гиена — страшнейший враг. Так вот, на машине срочно съездили в зоопарк и в выездной клетке привезли полосатую гиену. Неожиданно ее показали Рачо. Рачо истошно закричал. Это звучало как тревожный сигнал — мольба о помощи. Пунчи услышала, поняла и, ни секунды не медля, бросилась на выручку своего друга! А для съемки только это и надо было. Хорошо режиссер не растерялся, успел крикнуть:

«Мотор!»

...И дубль был снят. Если вы захотите когда-нибудь увидеть Пунчи на экране, посмотрите еще раз картину «Гуттаперчевый мальчик». Там вы и увидите героиню этого рассказа во всей ее слоновьей неповторимости.

Ребята такие как ты

В. ГУСЕВ

Про человека влюбленного

Про Надю Козлову взрослые сказали:

— Она землю слышит.

Ребята сказали:

— Мы ее Мичурин зовем.

А еще сказали:

— Выдумщица она.

— Любит прихвастнуть?

— Ну что вы! У нас таких нет. Задорная. С ней весело. Сама никогда не унывает и каждого развеселит. С ней живется хорошо. Она всех рассудит. Справедливая она. Ее все любят.

— Она упорная.

— Упрямая?

— Можно и так сказать. Только упрямые капризные бывают, а она упорная. Терпеливая и упорная. Что захочет, добьется.

— Работает хватко. Весело смотреть.

— Все за ней тянутся.

Все Надины подружки помнят про ее первую грядку. В семь или даже, пожалуй, в шесть лет была у нее в огороде своя собственная грядка. Мама помогала только вскопать ее. А потом Надя сама бралась за дело. Разбивала комья большими граблями, сгребала в сторонку камешки и стекляшки, чтобы не мешали расти молодым корешкам, проводила прутиком бороздки и сеяла лук, репу, редиску, горох, морковку.

Прослышав про Надину затею, ее подружка Катя тоже свою грядку завела. А за нею и Нина, и Лена, и даже толстый Петька не устоял. И все бегали друг к дружке смотреть, у кого что взошло и как что растет. Но получалось почему-то, что у Нади и всходило все быстрее, и поднималось дружнее, и даже поспевало раньше.

Как-то с самого раннего детства так повелось: что Надя ни надумает — все ребятам кажется интересным. Раз по осени посадила Надя в ящик помидорные семечки. В октябре высадила рассаду в горшки и всем, кто захотел, тоже посоветовала так сделать. К Новому году на окошках у ребят созревали помидоры. Только у Нади урожай получился богаче. Что-то она такое в горшки подсыпала, какие-то растворы подливала, какие-то особые секреты знала.

Летом соберутся ребята в лес по грибы или по ягоды, все норовят за Надей. Она заветные местечки знает. С ней пойдешь — пустым не воротишься. А главное, с ней весело, с Надей. Она все время смешное рассказывает. Почему это с ней столько смешного приключается?

В третьем классе Наде Козловой поручили вести календарь погоды. Надя повела-повела его с полгода, а потом придумала: что толку отмечать в календаре, какая погода была вчера? Лучше угадывать, какая будет завтра.

И представьте себе, Надины предсказания стали все чаще и чаще сбываться. Чуть ли не весь третий класс принялся вызнавать, выспрашивать у старых людей приметы погоды и составлять свои прогнозы. У кого-то получалось получше, у кого-то похуже. Но, казалось, нет дела интереснее.

В кружок опытников принимали с пятого класса. А Надю приняли в четвертом. Просилась, пока не взяли. И вскоре увидели — не напрасно. В лагерь труда и отдыха ездили только старшеклассники. А Надю Козлову зачислили в бригаду овощеводов, когда она кончила шестой.

— Ты кем хочешь быть, Надя?

— Я буду агрономом.

— А раньше кем собиралась стать?

— Агрономом.

— Со скольких же лет агрономом?

— Как только узнала, что такая профессия существует.

— А какая у тебя самая главная мечта?

— Чтобы земля давала больше. Она может, если ее понять.

Село Ильинское, Калужской обл.

Дорогая редакция!

У нас, на Урале, июнь был в прошлом году очень холодный, поэтому не было ни грибов, ни ягод. В одно июньское воскресенье мы ездили в лес. Мой маленький братик собирал шишки и, потянув одну из них, увидел, что это не шишка, а шляпка гриба. Это оказался сморчок. Он выглядел так задорно, что я невольно решила написать стихи. Вот они:

Первый грибок

В лесу, у старого пенька,
Он вырос темной ночью.
И хочет он наверняка
Казаться вкусным очень.
И он не низок, не высок,
Как в детской русской сказке,
Он просто маленький грибок
И рад весенней ласке!

Марина ШАФРАН, 12 лет,
г. Свердловск.

МОЙ ЛЮБИМЕЦ. **Хейкки КАСЕСАЛУ**, 7 лет.

Большие уши

На лужайке ослик пел,
Но ему сказала муха:
«Как же всем ты надоел!
У тебя нет слуха».
Ослик крикнул ей в ответ:
«Ты молчи да слушай,
Как же это слуха нет,
Вон какие уши».

Юра ВЕЛИКАНОВ, 11 лет,
г. Шахты-4, Ростовская обл.

Осеннее

Дождь ночной проплакал в тополях,
В окна шелестел листвой замерзшей.
В эту ночь впервые у крыльца
Лужей ледяной застыла осень.

Весеннее

На мосту весеннем задержалась,
Так легко и ярко глянула река!
Высветлила дно угрюмое весна
Синими, зелеными камнями.

Арюхан АЮРЖАНОВА, 15 лет,
Бурятская АССР, г. Кижинга.

4

АИСТЫ. Эда **МЕГС,** 7 лет.

5

СОБАЧКА. Эста **МЯЕКАЛЛЕ,** 6 лет.

В последнем номере прошлого года, где подводились итоги «Конкурса начинающих волшебников», был помещен рассказ за подписью «Зинка + Вовка». Напечатав рассказ, «Пионер» попросил «Зинку + Вовку» назвать свое настоящее имя. И вот пришло письмо.

«Зинка + Вовка» — это я.

Мне уже шестнадцать лет. Наверно, я «стар» для «Пионера», но я читаю его пять лет, буду читать и в будущем году, потому что я этот журнал люблю. Я хочу научиться по-настоящему писать для ребят.

Юра ТОКАРЕВ,
г. Луцк, ул. Артема, 3, кв. 4.

Эти два стихотворения написал **Коля ХАБАРОВ,** ему 13 лет, он живет на станции Ильино, Горьковской области.

Рябина

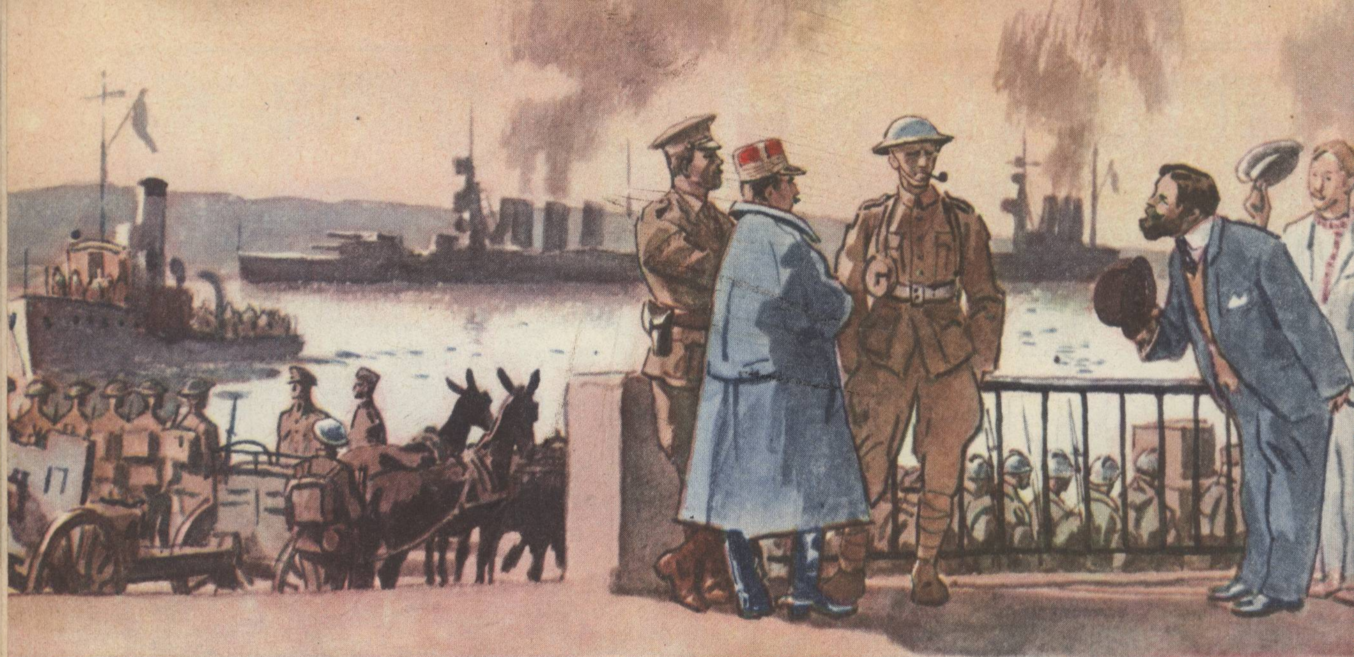
Словно сквозь сито из облаков
Сыплется мелкий дождь,
А на ветке висит перед самым окном
Рябины алая гроздь.

Скоро зима

Время. Его на пути
Остановить невозможно.
Вороны, почуяв дыханье зимы,
Каркают как-то тревожно.
Какая-то чудом живая муха
Гудит в темноте угла.
Зима пронзает осень морозом,
Как вату пронзает игла.
На месте луж только лед слоеный
Лежит по утрам, как стекло,
И, чтобы опять превратиться в воду,
Ждет, чтобы днем припекло.

ВО ДВОРЕ. Энела **ДАНИЭЛ,** 7 лет.

Мария
ПРИЛЕЖАЕВА

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

Тяжелый урок

Четырехлетняя война разорила страну. В Петрограде все лютее был голод. По карточкам давали четверть фунта хлеба — и все. А это кусочек величиной с пол-ладони. Будешь ли сыт таким кусочком? На завтрак не хватит, не то, что на целый день. Да варили на обед селедочный суп. Так в рабочих семьях, так в Совнаркоме.

И Владимир Ильич так же жил. И получал такой же скудный паек. На заседаниях Совнаркома иной раз темнело в глазах.

Ленин собирал Совнарком ежедневно, уж очень дел было много. Все неотложные. Как бороться с голодом — первое неотложное дело. Не один Питер, все города голодали. А хлеб в России был. В Сибири был и в Поволжье. Надо из деревень раздобыть хлеб и по голодающим городам развезти,— кажется, просто? Ох, не просто! Железнодорожный транспорт расстроен. Значит, надо в первую очередь налаживать транспорт. Ведь и топиться городам нечем: дров нет, угля нет. Так давайте скорее налаживать транспорт! Не тут-то было! Всюду полно саботажников, спекулянтов. Спекулянты на народном бедствии хотели нажиться, саботажники — подорвать революцию. За ними буржуазия стояла. Буржуазия боялась и ненавидела Советскую власть. И все они — буржуи, царские чиновники, спекулянты, торговцы — портили, вредили, мешали. Буржуи надеялись: вот придут немцы, свергнут Советы, тогда заживем. Мечтали о немецкой победе.

Было о чем задуматься Ленину!

У немцев сохранилась еще довольно сильная армия. А русская разваливалась. Царские офицеры бросали позиции, уходили. Солдаты рвались домой. Страшная опасность нависла над Родиной.

«Что делать?» — думал Ленин. Днем и ночью собирались члены ЦК, народные комиссары. Обсуждали, решали, как быть.

— Товарищи! Мы подписали декрет о мире, надо кончать войну с немцами,— говорил Ленин.

И Совнарком послал немецкому командованию предложение о мире. Немецкие власти согласились. Условие немецкое было: все земли, которые немцы захватили у нас во время войны, переходят к ним.

— Примем условия, другого выхода нет,— сказал Ленин.

Да, другого выхода не было. Народ был измучен войной. Измучен разрухой. Народ хотел мирно жить, трудиться, накапливать силы.

На заседаниях Центрального Комитета партии много раз обсуждался вопрос о заключении мира с Германией. Ленин доказывал: надо непременно закончить войну. И скорее, скорее. Пусть на самых тяжелых условиях. На всякие жертвы надо пойти во имя спасения Советской республики. Надо укрепить Советскую власть, создать новую рабоче-крестьянскую армию, восстанавливать надо хозяйство.

Если бы все Владимира Ильича поддержали! Нет. Острые разногласия начались. Нетвердые, нестойкие люди спорили с Лениным. Высказывались против заключения мира.

— Грабительский мир. Не хотим подписывать грабительский мир,— говорили они.

Не понимали, какая страшная беда подкрадывается к Советской России.

А Ленин понимал. Тяжело ему было. Очень тяжело.

— Товарищи! У нас разруха и голод. Нет у нас сил. Хоть на время надо получить передышку, чтобы сохранить Республику Советов!

Так убеждал Владимир Ильич. Ленин был твердо уверен в своей правоте. И потому так непоколебимо и горячо убеждал. И убедил.

Советское правительство вновь направило к немецким генералам делегацию. Главой делегации был Троцкий.

Что же он сделал? Предательски нарушил указания Ленина. Центральный Комитет партии и Советское правительство вынесли решение подписать с германским командованием мир. Империалисты рвутся задушить Советскую страну. Необходимо сорвать вражеские планы. Любой ценой мир!

Троцкий мира не подписал, а войну с нашей стороны объявил прекращенной.

Солдаты наши хлынули по домам, бросили фронт. Фронта не стало.

И немецкие генералы без препятствий двинули свои армии по русским дорогам. Глубже, глубже в Россию. Ближе, ближе к столице. Совсем близко. Петроград под угрозой. Неужели немецкие генералы захватят столицу? Неужели конец революции?

Буржуи, спекулянты, торговцы притаились и ждали. И уже готовили черные списки, с кем расправиться. Готовили списки большевиков и рабочих.

На руку вражеским войскам и буржуазии было поведение Троцкого.

Он и раньше не раз мешал создавать в России боевую партию. Не раз сколачивал всякие группировки против партии, против Ленина.

Снова непрестанно собирался ЦК. Ленин срочно созывал Совнарком. В Смольном не было дров. Печи не топились. Члены ЦК и наркомы сидели за длинным столом в пальто и шубах, подняв воротники. От дыхания изо рта у всех шел белый пар. Лица были суровы. Февральская метель свистела и кружилась за окнами.

— Горький, обидный, тяжелый урок! — сказал Ленин.

Теперь все знали и видели, как Ленин был прав! Зачем сразу не послушались Ленина?

«Социалистическое отечество в опасности!» — выпустил воззвание Совнарком.

Рабочие, крестьяне, товарищи! Вставайте на защиту Отечества.

Это воззвание написал Ленин.

Тысячи добровольцев в городах, деревнях и рабочих поселках откликнулись на воззвание Ленина.

И создалась новая армия. Красная Армия. Советская Армия. Вступила против немецких захватчиков в бой. Не пустила их дальше.

Это было в феврале 1918 года. С тех пор каждый год мы празднуем 23 февраля, день рождения нашей Советской Армии. Она не раз защищала нас от врагов. И всегда защитит.

Немецкие генералы, когда новая Красная Армия против них выступила, решили соглашаться на мир. Теперь это был договор еще более грабительский. Еще больше земель отхватили у нас немецкие генералы. Огромную контрибуцию на нас наложили.

Ленин согласился на все.

«Этот зверь прыгает хорошо... Он прыгнет еще раз... Поэтому надо быть готовым... брать даже один день передышки»,— так Ленин сказал на седьмом экстренном съезде партии.

Седьмой съезд выслушал доклад Председателя Совнаркома о войне и мире и признал политику Ленина верной.

А через несколько месяцев в Германии произошла революция. И грабительский договор стал недействителен.

— Далеко наш Ильич смотрит! — одобрительно говорили рабочие.

Рабочие все больше верили своему Ильичу.

Москва, Москва...

Был поздний мартовский вечер. На платформе под названием «Цветочная площадка» по Николаевской железной дороге на окраине Питера стоял состав с темными окнами. Платформу охранял караул. Вдоль всего поезда виднелись винтовки латышских стрелков. Пулемет глядел черным дулом в сумрак ночи с паровозного тендера. Какие-то люди перебегали по платформе, прикрывая тусклый свет ручных фонарей. Кого-то пропускали в вагоны. Паровоз разводил пары. Поезд с темными окнами ждал отправления. Куда?

Не очень высокий человек в пенсне, в кожаной куртке тихо разговаривал у вагона с другим, худощавым, очень прямым, в длинной шинели.

— Вы уверены, что контрреволюция не знает о сегодняшнем поезде? — спрашивал Дзержинского Яков Михайлович Свердлов.

— Возможно, знает. Но откуда отправление, не знает.

— Ловко придумано, что не с главного вокзала, а с тихонькой «Цветочной площадки»,— сказал Свердлов.

— Контрреволюция готовила взрыв. Каждый день открываем планы диверсий,— ответил Дзержинский.

На платформе показалась группа людей. Владимир Ильич быстро шагал впереди, с портфелем. Надежда Константиновна едва поспевала за ним, перевесив через руку клетчатый плед. Кто-то хотел взять у Надежды Константиновны плед.

— Спасибо, спасибо, я сама, — отказалась она.

Все поднялись в вагон. Зажгли свечку в купе. Плотно завесили окно. Послышался свисток. Латышские стрелки вспрыгнули на подножки вагонов. Паровоз тронулся. Поезд с погашенными огнями отошел от платформы.

— Меняем местожительство, но в арифметике известно: от перемены мест слагаемых сумма не меняется,— сказал Владимир Ильич.

И тут же пристроился к откидному столику у окна, вытащил из портфеля бумаги.

— Побойтесь бога, Владимир Ильич, хоть в дороге отдохните! — воскликнул Свердлов.

— Если бы мы бога боялись, не бывать бы на матушке Руси революции,— усмехнулся Владимир Ильич.

И принялся перечитывать и править только что написанную статью. Владимир Ильич писал, что мы сделаем нашу революционную Русь могучей, обильной.

Россию окружали враги. Контрреволюция всюду готовила заговоры. А Ленин верил: мы сделаем великой, могучей, обильной нашу страну. Надо собрать все силы, добиваться, идти...

Весь поезд спал. Только машинист, зорко вглядываясь в ночную весеннюю темень, осторожно вел паровоз. Только красные латышские стрелки на площадках вагонов несли караул. Да Владимир Ильич при неровном свете свечи дописывал для завтрашней газеты статью.

Напротив, на нижней полке, неслышно спала Надежда Константиновна, подложив под щеку ладонь. Владимир Ильич осторожно накрыл ее клетчатым пледом. Этот плед подарила мама, когда приезжала с Маняшей в Стокгольм. Мамина память — клетчатый плед...

Вечером двенадцатого марта 1918 года специальный поезд с Советским правительством благополучно прибыл в Москву. Не удалось контрреволюционерам устроить диверсию. Ленин, ВЦИК, Совнарком переехали из Петрограда. Теперь столицей нашей Родины будет Москва. Москва — центр страны. И от границ подальше.

Сначала Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной поселились в гостинице «Националь», против Кремля. Скоро весь Совнарком будет жить и работать в Кремле.

На другой день после приезда Владимир Ильич с Надеждой Константиновной решили прогуляться, поглядеть Кремль. Поехал с ними старый друг Бонч-Бруевич. Он управлял делами Совнаркома, заботился, как в Кремле разместить Совнарком.

Там в Октябрьские дни засели царские юнкера, забаррикадировались, стреляли по нашим из пушек. И наши стреляли по ним, пока не вышибли навек белогвардейцев и царских прислужников из древних кремлевских стен.

Запущенным был Кремль после тех боев в ту весну 1918 года! Многие здания стояли разбитые, черные от пожарищ. Кучи битого кирпича и стекла навалены всю-

ду. Площади покрыты грязными лужами талой воды. Раскиданы бревна: тут возводили юнкера баррикады. Всюду мусор и хлам...

Владимир Ильич и Надежда Константиновна пересекли площадь. Вот знаменитый Царь-колокол, стоит как гора. В давние-давние времена умелые рабочие руки отлили эту красу — медный колокол. И Царь-пушку отлили рабочие мастеровитые руки!

А древние зубчатые кремлевские стены! А прекрасные кремлевские башни! Каждая похожа на сказку. Отовсюду веет стариной и историей.

Владимир Ильич задумчиво глядел вдаль. Широко, вольно виделась Москва с кремлевского холма.

«...Как часто в горестной разлуке
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!» — прочитала Пушкина Надежда Константиновна.

Владимир Ильич улыбнулся.

— Ну вот и здравствуй, Москва.

Шаги революции

Седьмой съезд партии большевиков принял решение о мире с Германией. Тогда, на седьмом съезде, Ленин поставил еще вопрос: предложил назвать партию большевиков Коммунистической. Наша цель — строить коммунизм. Значит, и название дадим нашей партии: Коммунистическая.

Все большевики согласились.

Центральный Комитет партии вместе с Лениным обсуждал все вопросы и задачи нового устройства нашего общества.

На многих встречах с рабочими и в своем кремлевском кабинете Ленин обдумывал, как идти к коммунизму. Первые шаги труднее всего! Самые начальные, первые, важные. Ленин думал, думал об этом. Советовался с членами правительства.

Часто Владимир Ильич совещался о государственных делах с Яковом Михайловичем Свердловым. Яков Михайлович Свердлов был Председателем ВЦИК — Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Это был боевой большевик, с громовым голосом и твердой душой, который весь свой ум и талант, все свои знания отдавал делу Коммунистической партии. Он был близким товарищем Ленина.

Ленин хотел за то время, пока Советская власть добилась передышки в войне, лучше, прочнее наладить для народа новую жизнь.

В первую очередь он искал помощи у рабочего класса. «Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата»,— написал Владимир Ильич в своей замечательной статье «Очередные задачи Советской власти».

Центральный Комитет одобрил мысли и планы Ленина. Статью напечатали в газетах «Правда» и «Известия». Огромные цели и планы открывались народу. Коммунисты, крестьяне и рабочие шли за Лениным, верили Ленину.

В ленинском кабинете в Кремле у письменного стола стояло кресло с плетеным сиденьем и спинкой. Владимир Ильич любил это простое кресло. Может быть, потому, что в давние детские годы в симбирском доме Ульяновых были похожие плетеные стулья. Владимир Ильич помнил зимние вечера в уютной столовой под висячей лампой с белым абажуром. И чудесные книги. Счастливое детство!

Ленин хотел, чтобы у всех рабочих и крестьянских детей в Советской стране было тоже счастливое и радостное детство.

При царе рабочим и крестьянам не приходилось учиться. Редко кому удавалось окончить гимназию. А институт — и того реже. Теперь для детей трудящихся были открыты все школы, все высшие учебные заведения. Учитесь! Читайте книги — библиотеки для вас!

Война разорила Россию — голодно, холодно! Но лучшие пайки, лучшее питание, дети, для вас! Никогда, ни в одном буржуазном государстве не было такой любовной заботы о детях трудящихся. Такой заботы о людях труда.

Сначала в Смольном, потом в Кремле Председатель Совнаркома Ленин почти каждый день создавал новые, справедливые законы.

При царе и буржуях рабочие работали двенадцать часов в сутки, а то и пятнадцать! Пришла Советская власть. Председатель Совнаркома Ленин подписал декрет: рабочий день для всех восемь часов.

Раньше лучшая земля была у кулаков и помещиков. Заводы и фабрики, железные дороги, шахты и копи, нефтяные промыслы, банки — все переходит государству. Все народное, все советское, все государственное. А помещиков и буржуев долой! Хотите — работайте. Кто не работает, тот не ест.

Вот какой небывалый переворот произошел в нашей стране! Смело шагала Революция дальше и дальше. И во главе всего нового, небывалого стоял Владимир Ильич.

К Председателю Совнаркома постоянно шли посетители.

По деревням и селам

Когда задолго до революции Владимир Ильич вместе с другими товарищами жил эмигрантом в Женеве, однажды приехала из России молодая революционерка Лидия Александровна Фотиева. Сразу стала горячей помощницей Ленина. Всю душу отдавала революционной работе, все время. Только одна была у нее страсть, кроме революционного дела. Она была музыкантша. Иногда свободным вечером большевики собирались в столовой Лепешинских, где вроде был у них клуб. Лидия Александровна садилась за пианино. Если приходил Владимир Ильич, Лидия Александровна играла Патетическую сонату Бетховена. Владимир Ильич любил эту сонату. Он необыкновенно слушал, с нежностью, с глубокой задумчивостью!

После революции Лидия Александровна Фотиева стала секретарем Совнаркома. Работа заполнила все. Она и жила в Кремле, чтобы поближе быть к Совнаркому.

Рано утром, очень рано, перед тем, как идти в Совнарком, Лидия Александровна непременно присаживалась к пианино. Весной и летом, когда окна открыты, в кремлевском еще пустом и безлюдном дворе лились звуки Патетической сонаты Бетховена, полные могучей силы, могучего чувства.

Потом Лидия Александровна Фотиева шла в Совнарком. Она знала все дневное расписание Ленина, все, что требовалось ему для работы. К Председателю Совнаркома постоянно шли посетители. Она знала, кого сразу к Ленину надо пустить, а кто и повременить может.

— Владимир Ильич, ходоки из деревни, из дальних губерний,— сказала в этот день Фотиева.

— Зовите! — ответил Владимир Ильич.

Он слышал утреннюю музыку. Ему нравилось, как начинала свои дни секретарь Совнаркома.

— Зовите, пожалуйста,— повторил Владимир Ильич.

Бородатые, до черноты обожженные солнцем и ветром, мужики садились за длинный стол под зеленым сукном. Сначала робость брала ходоков. Но Ленин был прост, и мужики незаметно смелели. От ленинской простоты мужикам будто смекалки и ума прибывало. А Ленину это и надо. Неинтересно Ленину, чтобы люди поддакивали ему, как попугаи. Ленину важно, чтобы каждый свои мысли и мнения напрямик говорил.

— Товарищ Владимир Ильич, ты над нами большой,— говорили ходоки,— знаний у тебя хошь отбавляй...

— Отбавлять, пожалуй, ни к чему,— возразил с улыбкой Владимир Ильич.— А насчет деревни так и вовсе знаний нехватка.

— Мы тебе про деревню всю, как есть, правду доложим.

— Ну-ка, ну-ка, давайте!

— Перво-наперво Советская власть по сердцу пришлась крестьянскому миру, что помещиков с земли согнала,— начал самый старый ходок, у которого борода закрыла полгруди и над выцветшими глазами нависли дремучие брови.

— Дальше,— говорит Ленин,— давайте выкладывайте.

— Дальше о кулаке речь пойдет. Задушит кулак новую жизнь. Не даст ходу. На бедноту надейся, Владимир Ильич. А кулак Советской власти не друг. Кулак—супротивник...

Это Ленин знал. Но слушал. Внимательно слушал ходоков-бедняков. Проверял свои знания. Выводы делал. И появлялся потом новый декрет, новый советский закон.

Так, летом 1918 года Ленин подписал декрет Совнаркома о комитетах бедноты в деревнях. Стали они называться комбедами. Комбеды — опора Советской власти в борьбе против кулачества.

Кто же такие были кулаки? Сейчас в нашей Советской стране кулаков давным-давно нет. И слыхом про них не слыхать.

Кулаки были крестьяне. Да только богатые, иной раз очень даже богатые. В старые времена правдой богатство мужику не нажить. Кулаки богатели неправдами, спекуляцией, чужим трудом богатели. Разживутся, земель накупят. Нагонят пахать батраков из бедноты деревенской. До весны хлеба у бедняка не хватало. Просит бедняк в долг у кулака ржи пудишко. За этот пудишко кулаку поле вспаши. Да осенью вместо одного два пуда отдай. Выхода нет. Идет бедняк в кабалу. Голодный. От ветерочка, словно пустой колос, качается. А кулацкие амбары, полные пшеницы и ржи, стоят под замками, как крепость. Рассчитывает кулак: вот еще вздорожает хлеб, вот еще. Кулак из-за прибыли горло другому готов перегрызть.

А голод в городах все страшней, все безысходней! Что делать? Чем кормить рабочих и служащих, ребятишек? Красную Армию? Как хлеб раздобыть?

Ведь есть же, есть хлеб в деревнях! От ходоков знал Владимир Ильич, что есть. Только кулаки отдавать не хотят, прячут, в землю закапывают.

Несправедливо! Нельзя допустить, чтобы люди в городах погибали от голода, а у кулаков амбары хлебом были набиты! Батраки кулацкий хлеб вырастили. Не кулацкий он, а народный.

Ленин так рассудил и позвал рабочих.

— Товарищи рабочие,— сказал Владимир Ильич,— составляйте на заводах и фабриках продовольственные отряды и разъезжайтесь по деревням. Там комбеды. Комбеды за нас. И середняк на нашу сторону клонится. Вы им подскажите, как укреплять в деревнях Советскую власть. А они вам подскажут, где кулаки прячут хлеб от голодных.

И Ленин подготовил декрет о том, что кулаки обязаны весь лишний хлеб сдавать комбедам и продовольственным рабочим отрядам.

Совнарком декрет утвердил. Так в первые годы революции Ленин и Советская власть спасали от голода рабочий народ.

Нашествие

На берегу Баренцева моря, за Полярным кругом, три года назад поднялся город Мурманск. Трехлетний город, самый молодой в те времена. Небольшой, а важный наш порт на Северном морском пути.

Однажды весной 1918 года, на рассвете, когда серый туман клубился над морем, бесшумно возникли из тумана черные очертания военного судна. Чужой флаг, обвисший от сырости, надвигался на Мурманск. Целились дула орудий. Английский крейсер вошел в Мурманский порт.

Вскоре так же внезапно появился из моря еще крейсер, стал рядом. Французский. За ним американский.

На советский берег высадились чужие войска.

Их прислала Антанта. Антантой назывался военный союз США, Англии и Франции. Союз капиталистов, буржуазных правительств.

Антанта хотела свергнуть в России революционную Советскую власть. Антанта боялась, как бы рабочие других государств не задумали по примеру русских сделать у себя революцию.

Грозная весна 1918 года! Грозное лето.

В разгаре лета целая эскадра Антанты вступила в Белое море.

Спешит, торопится к Белому морю суровая Северная Двина. Верстах в полусотне от устья, вдоль забитой плотами и судами многоводной реки, вытянулся узкий город с деревянными тротуарами, верфями, лесопильными заводами, складами леса. Бескрайняя мшистая тундра подошла к городу с другой стороны. Наш военный и торговый порт, наша северная крепость, Архангельск!

Антанта захватила Архангельск. Белогвардейцы с ликованием встретили наступление Антанты. Одна мечта была у белогвардейцев: свалить Советскую власть. В Архангельске поднялся белогвардейский мятеж. Сотни рабочих, красноармейцев, советских матросов пали в неравном бою.

И ожили притаившиеся торговцы, буржуи. Царские офицеры снова нацепили золотые погоны. Затрезвонили колокола, в церквах кадили ладаном, служили молебны попы.

Контрреволюция наступала на Севере.

Контрреволюция бушевала на Дальнем Востоке. В Сибири. На Урале. Подступала к Поволжью. Вражеские крейсеры сделали высадку во Владивостокском порту.

В Сибири воцарилась и злобствовала белогвардейская власть. В деревнях бунтовали кулаки. Громили комитеты бедноты, нещадно казнили коммунистов. Рекой лилась кровь.

Кровь лилась в донских и кубанских городах и станицах. Белые генералы захватили Дон и Кубань. На Украине хозяйничали немцы.

Все теснее сжималось кольцо вокруг Советской России.

Было раннее, очень раннее утро. Солнце еще не взошло, только слабо желтела полоска зари.

Владимир Ильич вышел из своей квартиры в Кремле. Всего несколько шагов отделяло квартиру от рабочего кабинета Предсовнаркома. Ближе,чем было в Смольном.

В конце короткого коридора, у входа в кабинет, стоял на посту часовой.

— Здравствуйте! — приветливо сказал Владимир Ильич.

Возможно, это было не совсем по уставу, но Владимир Ильич всегда приветствовал часовых. Часовой вытянулся при виде Ленина и с удивлением подумал: «Когда же он спит?»

Совсем недавно, почти на рассвете, Председатель Совнаркома ушел с работы домой. Солнце не поднялось — Ленин опять на работу. Часового даже не успели сменить. «Ведь эдак и с ног, того гляди, свалится»,— в беспокойстве подумал о Владимире Ильиче часовой.

Большая карта России висела в кабинете, в простенке между окнами. Владимир Ильич долго стоял у карты, заложив руки за спину, вглядываясь в линии фронта. Владимир Ильич знал все города и пункты, где сейчас шли бои. Знал командиров и комиссаров. Многих по именам и в лицо. Характеры старался узнать, подготовку, способности. От характеров и способностей командиров зависело, как пойдут наши дела на фронтах.

Много талантливых полководцев поднялось из народа, когда на советские земли ворвались враги!

Василий Иванович Чапаев! Настоящий народный герой. Об отваге и военной смекалке Чапаева уже ходили легенды. И Клима Ворошилова имя славным становилось в народе. Скоро запоется по всей стране боевая, зовущая песня:

«Ведь с нами Ворошилов, первый
красный офицер,
Сумеем кровь пролить за СССР...»

И с великим уважением, с великим доверием Ленин подумал о Фрунзе. В декабре 1905 года большевик Михаил Васильевич Фрунзе привел отряд иваново-вознесенских рабочих на помощь восставшей Пресне в Москве, а теперь командовал армией на очень тяжелом участке.

Владимир Ильич мысленно обошел все фронты. Куйбышев, Антонов-Овсеенко, Буденный, Пархоменко, Якир, Щорс, Егоров, Подвойский...

Северный фронт. Южный. Восточный.

На востоке Сибирь, Урал, Волга. На востоке хлеб.

С помощью Антанты белогвардейцы и кулачье захватили восточные хлебные области. Задушить голодом рабоче-крестьянское государство—вот к чему стремилась Антанта.

«На Восточный фронт и надо направить главный удар Красной Армии,— обдумывал Владимир Ильич.— Прогнать из Поволжья и Сибири белогвардейцев, беспощадно сломить в деревнях кулачье».

Владимир Ильич сел за стол и снова внимательно прочитал вчерашние донесения с фронтов. Нужно было написать ответы командирам, распоряжения и приказы на фронт. Владимир Ильич работал, пока желтизна зари посветлела и рассеялась в небе, выкатилось из-за крыш домов летнее солнце и Лидия Александровна Фотиева, постучав в дверь, сообщила, что посетители явились. Владимир Ильич взглянул на часы. Посетители явились как назначено, в срок.

«Сразу видно, военные», — заметил Владимир Ильич.

Вложил в папку бумаги и письма. Передал Фотиевой:

— Прошу вас, срочно!

И провел рукой по лицу. Будто смыл тревогу и морщины с лица. Чтоб не видели, как встревожен, как озабочен.

Вошли военные. Это были красные командиры, хорошо известные Ленину. И среди них один бывший генерал царской армии.

— Ну, докладывайте наш план наступления,— обратился к нему Владимир Ильич.

Не странно ли: Владимир Ильич советовался с царским генералом? Ведь Ленин

подписал декрет о том, что служба в Красной Армии — честь. И что эта честь дается беднякам, рабочим, всем трудящимся и их сыновьям. Что кулацких сынков нельзя пускать в рабоче-крестьянскую Красную Армию. Что командирами и военкомами в Красную Армию нужно посылать коммунистов.

И вдруг царский генерал! Может ли быть? Но это был опытный, образованный генерал, превосходно знающий военное дело. Он был честен. Душа его оскорбилась нашествием на Россию Антанты. И он поверил делу Ленина. Таких знающих и честных военных специалистов, которые верили нашему делу, Ленин звал помогать Красной Армии.

Генерал водил длинной указкой по карте и докладывал Владимиру Ильичу план наступления.

— Да, да,— кивал Владимир Ильич.

Владимир Ильич соглашался. Владимир Ильич одобрял суждения генерала, потому что вчера, позавчера и сегодня на заре обдумывал и взвешивал такой именно план. И сейчас себя проверял.

— Красивая должна получиться операция,— заключил генерал, удовлетворенно опуская указку.

— Красивая или нет, не имеет значения,— возразил Владимир Ильич.— Важно победить.

— Ваше мнение, товарищи! — обратился он к красным командирам.

Они долго и тщательно обсуждали все подробности плана.

И решение было общим и твердым.

— Трудное положение,— сказал Владимир Ильич.— Но Красная Армия должна победить.

Три подлые пули

Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной завтракали в кухне. У них была и столовая в их небольшой кремлевской квартирке. Но там они собирались, когда кто-нибудь зайдет на чашку чая поговорить о делах. А одни, когда чужих нет, обходились незатейливым столиком в кухне. Просто. Рядом плита. Протяни руку — чайник горячий.

Была пятница. В Москве был заведен порядок, что по пятницам члены ЦК и народные комиссары выступали на рабочих собраниях. Владимиру Ильичу Московский Комитет партии прислал заранее путевку.

Вдруг из Петрограда телеграмма. Правительственный телеграф в коридоре Совнаркома работал круглые сутки, так что телеграмму Владимиру Ильичу доставили в ту же секунду.

Из Петрограда сообщали, что убит председатель Петроградской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией товарищ Урицкий. Немного спустя из Московского Комитета телефонный звонок:

— Товарищ Ленин, МК не советует сегодня вам выступать!

— Что еще за новости? — нахмурился Владимир Ильич.

— Опасно, товарищ Ленин! Обнаглела контрреволюция.

— Э, батеньки мои, волков бояться — в лес не ходить.

И повесил телефонную трубку.

Надежда Константиновна переглянулась с Марией Ильиничной.

— Володя, не езди сегодня. Поберегись, милый Володя, пожалуйста!

— Там поглядим,— уклончиво ответил Владимир Ильич и заторопился в свой рабочий кабинет.

Урицкий убит. Еще раньше был убит другой видный большевик, Володарский. Контрреволюция выслеживала членов ЦК и правительства.

Но разве мог Владимир Ильич не ехать к рабочим? Рабочие ждут.

Под вечер пришла машина. Шофер Степан Казимирович Гиль всегда возил Ленина и сегодня повез. Сегодня у Владимира Ильича было два выступления в разных районах. А в девять вечера заседание Совнаркома.

— Перед рабочими выступлю, успею и на Совнарком,— сказал Владимир Ильич.

Гиль только головой покачал:

— И откуда у вас силушки берутся, Владимир Ильич?

Он привез Ленина на Серпуховскую улицу, на бывший завод Михельсона. Владимир Ильич бывал здесь и раньше. Знал некоторых рабочих.

Рабочие собрались в гранатном цехе, большом деревянном, недавно построенном здании. Люди сидели, стояли у станков и в проходах. Лица были строгие. Строгое внимание в глазах.

Ленин говорил о гражданской войне. О борьбе с белогвардейскими бандами.

А рабочие этого цеха против белогвардейцев гранаты готовили. Надо будет — и воевать пойдут.

Ленин видел: нет, ни за что рабочие не уступят свои заводы, свою власть буржуям.

Вот откуда, товарищ Гиль, силушки на-

ши берутся. Рабочий класс, как аккумулятор, заряжает энергией.

Митинг окончился. Окруженный рабочими, Ленин вышел из цеха. Гиль мигом завел машину, поставил на скорость. Шофер Гиль был осторожен. Вон какая уймища народу! Неспокойное время. Шофер Гиль знал про убийство Урицкого. Уж садился бы скорее в машину Владимир Ильич... Его не отпускали. Вопросы сыпались со всех сторон. Помолодевший, живой, Владимир Ильич говорил, говорил с рабочими. Вдруг... Вспышка, треск. Что это? Выстрел? Владимир Ильич не сразу понял. Толкнуло в левую руку. Он покачнулся. Еще выстрел. Резкая боль рванула шею. Владимир Ильич начал валиться, валиться на бок. Третья пуля чиркнула по пальто на спине.

Ленин упал.

— Ленина убили! — отчаянно закричали в толпе. Узколицая женщина, с темным взглядом, швырнула на землю браунинг, кинулась со двора. Люди бросились ловить контрреволюционерку-убийцу.

— Владимир Ильич! — звал Гиль.— Товарищ Ленин!

— Домой,— белыми губами выговорил Владимир Ильич.

Рабочие подняли его, помогли сесть в машину. Мертвая тишина наступила в толпе. Кажется, всем слышно было хриплое дыхание Ленина.

Гиль на полной скорости мчал машину к Кремлю.

— Владимир Ильич, мы вас внесем,— просил Гиль, когда подъехали к дому.

Владимир Ильич не хотел. Мучила боль, рубашка взмокла от крови. Но пошел сам, опираясь на Гиля и провожавших рабочих. Медленно, медленно, молча. На третий этаж. Какая длинная, трудная лестница! Крутые ступени...

В ужасе бежала навстречу Мария Ильинична.

— Володя! Володя!

— Немного ранен... пройдет,— с трудом сказал Владимир Ильич.— Успокойся, Маняша. Не пугайте Надю.

Надежды Константиновны не было дома. Она была на работе.

А в Совнаркоме все собрались. Ведь Владимир Ильич назначил заседание на девять часов.

Все знали — Ленин требовал точности. Первый раз, единственный раз Председатель Совнаркома опоздал...

Осторожно подвели Ленина к постели, покрытой клетчатым пледом. Надежда Константиновна берегла этот плед... Владимира Ильича положили. Он слабел. Желтизна поползла по лицу.

Двери в квартиру были распахнуты. В смятении и страхе толпились товарищи. Приехали врачи.

— Что? — спрашивали с надеждой товарищи.— Не тяжело ранен Владимир Ильич? Не очень опасно?

— Тяжело ранен. Очень опасно...

Томительно тянулись минуты. Вот вернулась с работы Надежда Константиновна. Отчего открыты двери? Отчего так много в доме людей?

Кто-то бережно погладил ее по плечу. Она поняла. Спросила коротко:

— Жив?

Стон донесся из комнаты Ленина. Она выпрямилась, подтянулась и с сухими глазами, без слез, вошла к Владимиру Ильичу. Он увидел ее, улыбнулся через силу.

— Ничего, Надя, с революционером это всегда может случиться. Пустяковая рана, поправлюсь...

И закрыл глаза. У него падал пульс. Ему было хуже и хуже.

Неужели Ленин умрет?

В эти трудные годы

В коридоре Совнаркома стрекотали телеграфные аппараты. Та-та, та-та, та-та. Передача — прием, передача — прием... Один телеграфист в солдатской шинели принял бегущую ленту. Вчитался. С какой-то особой поспешностью расшифровал и бегом понес в конец коридора на квартиру Ленина.

Дверь открыла Надежда Константиновна. Он протянул телеграмму.

— Скорей передайте Владимиру Ильичу,— сказала она.

«Володе будет приятно, что именно этот солдатик принесет такое известие»,— подумала Надежда Константиновна.

Они его знали со Смольного. В Октябрьские дни Советскому правительству понадобились свои верные телеграфисты. Солдатик выучился телеграфному делу. Из Петрограда с правительством переехал в Москву.

— Несите,—торопила Надежда Константиновна, и телеграфист, взволнованный таким поручением, вошел в маленькую комнату. Там стояла узкая кровать, покрытая клетчатым пледом. Рядом с кроватью у окна письменный стол. Владимир Ильич читал за столом. Левая рука его висела на перевязи. Он похудел и осунулся, а в остальном был прежним. Так же остры глаза, так же быстры движения.

Телеграмму прислали бойцы Красной Армии.

Рабочие подняли Ленина, помогли сесть в машину.

«Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую будет Самара!»

— Ну, молодцы! — воскликнул Владимир Ильич. — Ну, спасибо, спасибо! — растроганно повторял он. И снова перечитывал вслух телеграмму.

— «Взятие Вашего родного города...» На-

ши взяли Симбирск, слышите, товарищ телеграфист? Замечательная победа, слышишь, Надюша?

Владимир Ильич тут же написал ответную телеграмму. Поздравил красноармейцев с победой, благодарил. Писал, что взятие Симбирска — самая целебная на его раны повязка.

— Нет лучше для меня лекарства, чем эта весть! Теперь живо пойдет на поправку,— сказал Владимир Ильич.

И верно, через несколько дней в «Правде» был напечатан врачебный бюллетень о том, что здоровье Владимира Ильича поправилось. Врачи позволили Ленину вернуться к работе.

Времена наступали тяжелые, трудные. Антанта поняла, что с Красной Армией шутки плохи, и двинула на нас еще больше сил. Четырнадцать государств вторглись на советские земли. Белогвардейцы и кулаки хлебом-солью встречали чужие войска. Вступали под чужое командование. Свои, белогвардейские составляли полки. И шли на Советскую власть. Страна наша стала осажденной крепостью.

— В осажденной крепости вся жизнь должна идти по-военному,— сказал Ленин.

Постоянно к Ленину приезжали военные специалисты и красные командиры докладывать о положении на фронтах и советоваться.

Ленин сказал:

— Во время гражданской войны особенно нужен порядок.

И предложил ввести всеобщую трудовую повинность. Советские люди, все, все, все должны работать на заводах и фабриках, в учреждениях, на полях, на железных дорогах. Помогайте Красной Армии, советские люди!

Красной Армии нужно оружие. Товарищи рабочие, изготовляйте оружие. Больше оружия!

Красную Армию нужно обувать, одевать. Товарищи рабочие, больше шейте сапог, гимнастерок, шинелей!

Фабрики не успевали шить сколько надо. Не хватало кожи для сапог. Не хватало материи. Как быть? Как одеть народ и Красную Армию?

Правительство и партия объявили сбор у населения теплых вещей. Люди несли на сборные пункты полушубки, фуфайки, шерстяные шарфы и носки.

А буржуи не хотели расставаться со своими богатствами. Красная Армия была буржуям чуждой. Им не жалко красноармейцев, не жалко детишек. Пусть мерзнут.

— Надо отобрать у буржуазии лишние теплые вещи,— сказал Ленин Дзержинскому.— Трудящиеся последнее отдают, и богачи пусть делятся.

Дзержинский был председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, или, как тогда называли, Чека. Дзержинский послал своих чекистов в дома богачей. Насобирали чекисты добра! Потом раздетым, разутым рабочим по ордерам раздавали одежду без денег. И Красной Армии посылали подарки.

Но голод был самой страшной бедой. Давно продукты в городах выдавали по карточкам. Помалу, совсем крохотные были пайки. Впроголодь. И того негде взять.

Ленин ввел новый строжайший закон. Назывался новый закон продразверсткой. Это значит, крестьяне — кулаки и некулаки — обязаны были весь лишний хлеб и продукты сдавать государству. Муку, крупу, мясо, масло, картофель — все отдавали для Красной Армии, для рабочих и служащих.

Не всем такой порядок понравился. А что будешь делать?

Такой порядок, когда в Советской стране была продразверстка и всеобщая трудовая повинность, когда весь народ работал для фронта, когда продукты распределялись по карточкам, а одежду выдавали по ордерам, когда письма посылали бесплатно, в трамваях ездили бесплатно, а чтобы в поезде ехать, нужен был пропуск,— такой порядок Ленин назвал «военным коммунизмом». Трудные годы!

Счастье, что в эти трудные годы был у нас Ленин.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

В

СЛЕДУЮЩЕМ

НОМЕРЕ

Юрий СМИРНОВ

Голубые небеса.
Горы снежные.
Захотелось написать
Что-то нежное.

Безупречной чистоты,
Строгой линии,
Словно белые цветы,
Липы в инее.

А над крышами домов,
Как дыхание,
Бело-розовых дымов
Колыхание.

Духота в начале лета,
Тополиный пух в глаза.
В небе розового цвета
Притаилася гроза.

Это душное предгрозье,
Предоставлены судьбе,
Люди, звери и колосья
Ощущают на себе.

Потянул с востока холод.
Беспокоен птиц полет.
Блеск короткий — и расколот,
Словно чаша, небосвод.

Лишь какое-то мгновенье
На померкшем фоне дня
Жило страшное растенье
Смертоносного огня.

Это вырвалась на волю
Сила, скрытая дотоль.
Одинокий путник в поле,
Как шекспировский король.

Рисунок П. БАГИНА.

Привет из Сибири.
Дорогая редакция, меня волнует такой вопрос: почему каждый рождающийся человек должен снова учиться всему, чему учились родители? Мне очень хочется знать: почему? Жду ответа.

ВАДБОЛЬСКИЙ Александр,
Красноярский край.

ОГОРЧАТЬСЯ ТУТ НЕЧЕМУ

Это не такой уж смешной вопрос, как может показаться на первый взгляд. Существует наука генетика, которая как раз и изучает, что могут и чего не могут передать нам по наследству наши родители.

Ученые твердо установили, что по наследству передается практически только то, что твои папа и мама получили от своих родителей. Поэтому мы часто бываем похожи не только на папу и маму, но и на дедушку или бабушку. Все люди в общем-то похожи друг на друга: у всех у нас одна голова, две руки, две ноги. Каждый рождается со способностью мыслить и говорить. Значит, по наследству от своих предков мы получаем то, что является общим для всех людей.

От своих родителей мы чаще всего наследуем черты лица, цвет волос, особенности походки. Гораздо реже — черты характера и очень редко — некоторые творческие способности.

А вот те знания и умения, которым за свою жизнь научились наши родители, по наследству не передаются.

И огорчаться тут нечему, наоборот, даже радоваться надо. Ведь это значило бы, что и наши родители получили все свои знания от своих родителей, то есть от ваших дедушек и бабушек; а те, в свою очередь,— от своих. Представляешь, какая невероятная мешанина оказалась бы в твоей голове! Тут и Земля на трех китах, и Земля плоская, и Земля, какой мы ее видим сегодня на фотографиях, полученных из космоса.

На самом деле каждому из нас приходится всему учиться заново. И в этом есть большой смысл. Те знания, которые вы, ребята, получаете в школе, очищены от всего лишнего и ложного и дают вам современное представление об окружающем вас мире.

В. ЕВСЕЕВ,
кандидат физико-математических наук

Дорогой «Пионер»!
Меня очень интересует вопрос: когда, где и кем был открыт самый последний остров на земном шаре?

АБЫЗОВ Виктор,
г. Барнаул.

РОЖДЕНИЕ И ГИБЕЛЬ ОСТРОВА МЕТИС

Не так легко ответить тебе, Виктор. Конечно, все крупные острова в Мировом океане давно открыты. За последние годы к ним присоединилось несколько небольших островков, открытых в Северном Ледовитом океане и вокруг Антарктиды.

Можно ли считать их последними островами на земном шаре, как ты пишешь? Скорее всего нет, и вот почему.

Мы все знаем, что геологические процессы, меняющие облик Земли, продолжаются миллионы лет. Но оказывается, что мы можем быть свидетелями событий, преобразующих нашу планету.

Вот что рассказал нам о рождении и гибели острова Метис научный сотрудник Института океанологии Ивар Оскарович Мурдмаа.

Это произошло в районе архипелага Тонга, в южной части Тихого океана, где на морских картах обозначена мель под названием банка Метис. В декабре 1967 года весь мир облетела весть об извержении вулкана Метис и рождении нового острова.

Это было извержение одного из многочисленных вулканов «огненного кольца» Тихого океана — пояса самого активного на Земле вулканизма. Извержение продолжалось до середины января. В конце января на скалистом острове были заметны лишь слабые выбросы газа и пара. А когда наше исследовательское судно «Витязь» в феврале прибыло в район банки Метис, от острова осталось всего лишь несколько невысоких скал, торчащих выше уровня моря. Да и они существовали недолго. 19 февраля уже не было никаких надводных скал. Только образцы пемзы со дна говорили о существовавшем недавно острове. Таким недолговечным оказался родившийся из вулканического пепла, пемзы и шлака остров. Буруны над мелью — вот что осталось на месте размытого волнами кусочка суши.

Такой быстрый размыв острова объясняется тем, что при извержении вулкан Метис выбрасывал, кроме газов и паров, раскаленные обломки шлаков и пемзы. А жидкая лава, которая при застывании образует прочную вулканическую породу, не излилась. Легкую, пористую пемзу быстро унесли и развеяли по океану волны и течения.

Г. НАТАНОВА

Здравствуй, дорогой «Пионер»!
Я хочу обратиться с вопросами к тебе, которые очень меня интересуют. Пожалуйста, ответь на них.
1. Из чего состоят облака?
2. Почему они не «расплываются»? И все подробно о них (облаках).
С нетерпением жду ответа.

РАДЗИЕВСКАЯ Ирина,
г. Лениногорск.

«ОБЛАКА ХОРОШЕЙ ПОГОДЫ» И ДРУГИЕ

Рисунки А. БОРИСОВА.

Когда просыхает лужа, говорят, что вода «испарилась», то есть превратилась в пар. В воздухе всегда находится водяной пар, испарившийся с поверхности морей и рек, с листьев и трав. А не могут ли так испариться все моря и океаны?! Нет, конечно, потому что только ограниченное количество водяного пара удерживается в атмосфере. И чем холоднее, тем меньше его там. Если же его все-таки окажется в воздухе слишком много, избыток снова превратится в воду, иначе говоря, сконденсируется.

Теперь посмотри на картинку. Ясным погожим днем солнце греет землю. От земли нагреваются нижние слои воздуха, от воды поднимается пар. Воздух, нагретый и насыщенный паром, поднимается вверх и вытесняет холодный. Происходит перемешивание воздуха. Наверху — а в атмосфере, чем выше, тем холоднее — теплый воздух охлаждается, образуется излишек водяного пара, который собирается в микроскопические капельки. Вот и родилось облако! И тогда ты видишь одно из тех облачков, что так и называются «облака хорошей погоды». Облачко растет, пока оно находится в потоке воздуха, поднимающегося вверх. Оно не расплывается (помнишь, ты спрашивала об этом?), ведь рядом с восходящим потоком теплого воздуха всегда есть поток воздуха холодного, опускающегося вниз. Вот эти-то холодные потоки и не дают облаку «расплываться». Если облако или часть его попадает в этот нисходящий поток, капельки опускаются вниз, где тепло, и сразу испаряются.

Обрати внимание, что снизу облака довольно плоские. Нижняя граница облака находится на очень важном «уровне конденсации». Выше этого уровня капельки воды могут существовать, ниже они испаряются. Выше — облако, ниже — просто воздух, насыщенный паром. В верхней части крупных облаков, где температура намного ниже нуля, возникают даже кристаллики льда.

Там, где иссякает восходящий поток воздуха, ты видишь курчавую верхушку облака. Капельки и кристаллики, составляющие облако, столь малы — они во много раз меньше снежинок и капель дождя,— что просто плавают в воздухе, почти не опускаясь вниз. Откуда же тогда берется дождь и снег? Оказывается, лед может притягивать к себе влагу. И в нижней части облака на кристаллики льда намерзают капельки воды. Здесь, внизу облака, рождаются снежинки. Начинается снегопад. А как же летом? Но ведь и в самый жаркий день на высоте нескольких километров царит мороз, и дождь почти всегда начинается наверху как снег. Лишь в нижних слоях воздуха снежинки тают и превращаются в капли дождя.

А. ГИНЗБУРГ,
научный сотрудник Института физики атмосферы Земли

Олимпиада Трех Неизвестных

Внимание! Внимание!

Икс, Игрек и Зет открывают свою Первую Олимпиаду — всесоюзный турнир юных математиков.

Жюри предлагает вам 12 задач, интересных и разных.

Будьте настойчивыми и упорными: среди задач Олимпиады есть очень трудные. Не отчаивайтесь, если справитесь не со всеми. Жюри будет учитывать не только количество решенных задач, но и степень их трудности — можно решить всего одну задачу и получить за нее премию.

Не забывайте: одного ответа недостаточно, присылайте нам подробные решения.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРЕМИИ УЧРЕЖДЕНЫ ЗА РЕШЕНИЕ НАИБОЛЕЕ ТРУДНЫХ ЗАДАЧ И ЗА САМЫЕ КРАСИВЫЕ РЕШЕНИЯ.

Если же на этой Олимпиаде вы не добьетесь успеха, все равно время потрачено не зря: за битого, как говорится, двух небитых дают,— впереди еще много олимпиад, и ваши шишки вам пригодятся.

Решения присылайте нам до 15 апреля 1970 года. На конверте пометьте: «Олимпиада Трех Неизвестных».

ТРОЕ НЕИЗВЕСТНЫХ И ЖЮРИ (руководители Вечерней математической школы при МГУ) ПОЗДРАВЛЯЮТ ВСЕХ, КТО ПРИНИМАЕТСЯ ЗА РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ, С НАЧАЛОМ ОЛИМПИАДЫ.

Всем — находчивости и удачи!

Считаем ноги!

В комнате 10 человек, собак и мух. У каждого человека 2 ноги, у каждой собаки 4, и у мухи 6 ног. У всех, кто собрался в этой комнате, 46 ног. Как это могло получиться? НАЙТИ ВСЕ ВОЗМОЖНОСТИ.

Футбольный чемпионат

Золотой призер этого чемпионата набрал 7 очков, серебряный — 5, бронзовый — 3. Сколько очков набрала команда, занявшая последнее место?

ПРИМЕЧАНИЕ ДЛЯ ДЕВОЧЕК.

За выигрыш дается обычно 2 очка, за ничью — 1, за поражение — 0. Если две команды набрали одинаковое количество очков, места определяются по разности забитых и пропущенных мячей.

Потерянная спица

У Оли — 10 спиц, разных по длине. Если высчитать их общую длину, она будет равняться 4 метрам. Длина каждой спицы меньше 1 метра.

Оля разложила спицы на 3 кучки так, что общая длина спиц в каждой кучке больше 1 метра. Когда же она потеряла одну спицу длиной в 60 сантиметров, то не смогла так разложить оставшиеся спицы. Как это могло произойти?

Весы и монеты

Перед вами лежат шесть монет, две из которых фальшивые (фальшивая монета тяжелее настоящей на 0,1 г). Кроме того, у вас есть чашечные весы без стрелки и гирь. Весы эти, правда, не очень чувствительны и реагируют на разность грузов не менее 0,2 г.

Попробуйте за 4 взвешивания найти обе фальшивые монеты.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Каждое взвешивание состоит из трех действий: нужно положить монеты на чашки весов, посмотреть, какая из них перевесила или же обе находятся в равновесии, и затем снять монеты с чашек.

Загадки 6-го класса

В одной из московских школ есть удивительный шестой класс. Судите сами.

В классе 35 учеников, и все они либо играют на скрипке, либо разводят хомяков, либо плавают в бассейне «Москва».

Плавают или разводят хомяков 28 человек.

Разводят хомяков, но не играют на скрипке 22 ученика.

И тем, и другим, и третьим занимаются 3 человека.

Есть по крайней мере один ученик, который только плавает.

Есть один, который и плавает и играет на скрипке, но хомяков терпеть не может и поэтому не разводит их.

Есть и такой, который не плавает (просто не умеет), но зато прекрасный скрипач, а хомяков разводит еще с первого класса.

Может быть, таких не по одному, а много.

Сколько в классе скрипачей?

Сколько пловцов, которые не разводят хомяков?

Можно ли определить, сколько ребят разводят хомяков, а на скрипке не играют и не плавают? Если да, то сколько, если нельзя определить, то почему?

Кащей Бессмертный против Ивана Царевича

И сказал Кащей Ивану Царевичу:

— Жить тебе до завтрашнего утра. А утром, как явишься пред мои очи, задумаю три цифры — a, в, c. Ты же мне скажешь три целые числа — x, y, z. Выслушаю я тебя и отвечу, чему равно $ax + вy + cz$. Ты отгадывай тогда, какие я цифры задумал. Отгадаешь — полцарства подарю, не отгадаешь — голову с плеч долой!

Запечалился Иван Царевич, пошел думу думать. Помочь ему надо бы разгадать козни Кащея.

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

Какое наименьшее число королей можно расставить на шахматной доске размером 1970×1970 клеток так, чтобы они били всю доску?

Считаем, что король бьет также и то поле, на котором стоит.

Сосчитай-ка

● Доказать что

$$776^{776} + 777^{777} + 778^{778}$$

не делится на 3.

● Может ли быть точным квадратом число, сумма цифр которого 1970?

● Сколькими нулями оканчивается десятичная запись числа $9^{999} + 1$?

● Некоторое число дает при делении на 1967 в остатке 69, а при делении на 1968 — 68. Найти остаток от деления этого числа на 21.

● Что больше — 31^{11} или 17^{14}?

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ И ЖЮРИ.

Напоминаем еще раз — присылайте не ответы, а развернутые решения. Не забывайте указать свой адрес и класс.

А. МИТЯЕВ

СТАЛИНГРАДСКОЕ

Конец «Зимней грозы»

Итак, германская армия окружена. Но ведь даже бабочку, накрытую сачком, надо уметь взять: она может выпорхнуть из самых рук.

Двадцать две дивизии, попавшие в кольцо, напоминали не бабочку в сачке, а волка в капкане. Озлобленного, яростного, готового к смертельной схватке.

Гитлер подбадривал окруженных. По радио он передал Паулюсу приказ:

«6-я армия временно окружена русскими... Армия может поверить мне, что я сделаю все от меня зависящее для ее снабжения и своевременного деблокирования. Я знаю 6-ю храбрую армию и ее командующего и уверен, что она выполнит свой долг».

Окруженные со дня на день ждали помощи. Честолюбивые даже рисовали себе в мыслях тот день, когда их, героев, вышедших из кольца, наградят специальными медалями или нашивками.

Пока германское командование разрабатывало план прорыва кольца и готовило для этого войска, наши армии одновременно делали два дела: отодвигали как можно дальше внешний фронт окружения и сжимали как можно у́же само кольцо. За шесть дней ожесточенных боев его удалось уменьшить вдвое.

Наши сжимали кольцо, и внутри его все увеличивалась плотность немецких войск. Все больше орудий, танков, пехоты скапливалось на каждом километре внутреннего фронта. Такую оборону пробивать становилось все труднее. Вскоре наше наступление совсем прекратилось. Усилить войска было нечем. Новые дивизии потребовались в другом месте. Из Котельникова вдоль железной дороги к Сталинграду двинулись войска генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна. Они намеревались освободить фашистов из кольца.

Среди высокопоставленных гитлеровцев Манштейн занимал особое положение. Его военная слава вызывала зависть у многих генералов. Фельдмаршала называли человеком, «скрывающим свои чувства под маской ледяного спокойствия». Этому соответствовала и фамилия — человек-камень, так можно перевести ее на русский язык. Его-то и назначил Гитлер спасителем 6-й армии.

Казалось, что немцам было выгоднее наступать из района Нижне-Чирской: оттуда до кольца всего 40 километров. Но Манштейн выбрал путь втрое длиннее — от Котельникова. Объяснялось это тем, что у Нижне-Чирской немцам противостояло 15 наших дивизий, к тому же им надо было бы форсировать Дон, а длинную дорогу загораживали только 5 наших дивизий и небольшие речные преграды. Длинную дорогу, по расчету фельдмаршала Манштейна, можно было пройти быстрее, чем короткую.

В район Котельникова в спешном порядке прибыли новые немецкие части с Кавказа, из-под Воронежа и Орла, из Германии, Польши, Франции. Против 34 тысяч солдат нашей 51-й армии у немцев было 76 тысяч. Против наших 77 танков — 500, против 147 орудий и минометов — 340. С таким огромным перевесом в силах фашисты начали 12 декабря операцию «Зимняя гроза».

Гитлеровцы, окруженные у Сталинграда, ликовали. То, что обещал фюрер, сбывается. Они приготовились нанести удар по нашим войскам навстречу Манштейну. По сигналу «Удар грома» 6-я армия должна была перейти в наступление, когда ее избавители приблизятся к кольцу на 30 километров (только на такое расстояние хватало горючего у танков окруженных). Встреча Манштейна и Паулюса намечалась в районе станции Тундутово. (Найди станцию на карте, она почти у самой Волги. Карта, ты помнишь, напечатана в предыдущем номере журнала.)

На помощь советским войскам, принявшим первый удар «Зимней грозы», двигалась 2-я гвардейская армия генерал-лейтенанта (потом Маршала Советского Союза) Родиона Яковлевича Малиновского. Ей было приказано занять оборону на северном берегу реки Мышковы. Дальше врага пускать было нельзя. Иначе могла случиться огромная беда: противник мог бы вернуть все, что он потерял после нашего контрнаступления.

Гвардейцам требовалась неделя, чтобы прибыть в район боевых действий. Стужа была в степи, дула метелица. Солдаты шли почти без привалов, преодолевая за сутки по сорок — пятьдесят километров. А пока шли они, врага сдерживали бойцы 51-й армии генерал-майора Н. И. Труфанова. Этой армии были подчинены и знакомые нам корпуса — 4-й и 13-й механизированные и 4-й кавалерийский.

Вот ведь как бывает на войне: исход всей Сталинградской битвы, в которой с обеих сторон участвовало по миллиону человек, сейчас зависел от 34 тысяч советских бойцов. Если бы дрогнули они, если бы не продержались семь грозных дней, нам пришлось бы многое начинать заново. Но они не дрогнули.

Основное танковое сражение развернулось у хутора Верхне-Кумского, где перекрещивались степные дороги. Историками оно отнесено к самым ожесточенным во всей второй мировой войне. Много раз хутор переходил из рук в руки, и много полегло там наших героев. Но врага побили там крепко!

За двенадцать дней боев войска Манштейна потеряли 160 танков, 82 самолета, около 100 орудий и 8 ты-

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

сяч человек убитыми. Ценой таких потерь гитлеровцы продвинулись к кольцу на 40 километров. «Будьте уверены в нашей помощи»,— радировал Манштейн Паулюсу.

Только помощь запоздала. 2-я гвардейская армия на шесть часов опередила фашистов. Когда те подошли к Мышкове, там уже был поставлен нашими непреодолимый заслон.

Маршал Советского Союза Сергей Семенович Бирюзов был начальником штаба армии. Он писал о тех днях: «Зацепившись за северный берег реки Мышковы, 2-я гвардейская армия не только стойко держала оборону, но и готовилась к переходу в решительное наступление.

На рассвете 22 декабря Манштейн опять возобновил свои попытки прорваться к окруженной группировке Паулюса. Бои с самого начала приняли ожесточенный характер. Р. Я. Малиновский перебрался на командный пункт 98-й стрелковой дивизии, оборонявшей наиболее ответственный рубеж. Я находился в 24-й гвардейской стрелковой дивизии у генерала Кошевого.

Поднялась пурга. Мороз крепчал. В занесенных снегом окопах совсем не видно было солдат.

Особенно меня беспокоил полк полковника Кухарева, перед которым противник сосредоточил большие силы. Решил сам побывать там.

...Я неоднократно бывал в жарких боях, а такого еще не видел. Особенно героически действовали бывшие моряки-тихоокеанцы. Многие из них скинули бушлаты и в одних тельняшках, с гранатами в руках бросались на фашистские танки.

Отличились опять и артиллеристы 20-й истребительно-противотанковой бригады. Они приняли на себя удар основных сил противника. Бой затянулся до самой ночи. И, как ни старался враг, ему нигде не удалось прорвать наши позиции.

Когда я вернулся на КП армии, там находился уже и Родион Яковлевич Малиновский. Несмотря на усталость, настроение у него было приподнятое. Он кратко подытожил результаты нелегкого дня, а заключил все так:

— Сегодня мы окончательно остановили грозного противника. Теперь сами пойдем в наступление».

Наше наступление началось 24 декабря. Оно было очень успешным. Уже утром 29 декабря советские танки выбили врага из Котельникова. Потрепанные дивизии Манштейна, опасаясь окружения, поспешно отходили на юг. К последнему дню 1942 года, к 31 декабря, линия фронта отодвинулась от Сталинграда на 200—250 километров.

«Зимняя гроза» кончилась. Она не помогла 6-й армии.

Медаль «За оборону Сталинграда».

Как рухнул воздушный мост

Гитлер обещал Паулюсу наладить воздушное снабжение войск. По расчетам германского командования, армия, получив в достаточном количестве боеприпасы, горючее и продовольствие, могла продержаться в кольце до весны — до нового общего наступления немцев.

Посмотрим, что получилось с этим обещанием фюрера.

Основные базы снабжения немцев вначале располагались в районе Тацинской и Морозовского (они в левом нижнем углу карты). Там были сосредоточены сотни транспортных самолетов «юнкерс-52» (грузоподъемность — 2 тонны) и «хейнкель-111» (грузоподъемность — 1,5 тонны). Уничтожение транспортных самолетов стало главной задачей нашей авиации и войск противовоздушной обороны. Потом за это дело взялись и наземные войска.

Первый удар по скоплению «Ю-52» и «Хе-111» в Тацинской нанес отряд наших самолетов, состоявший из семи штурмовиков «Ил-2» и девяти пикирующих бомбардировщиков «Пе-2». Наши под прикрытием «яков» незаметно подошли к аэродрому и, вынырнув из облаков, сбросили бомбы. Во второй заход тоже были сброшены бомбы, а в последующие четыре захода транспортные самолеты уничтожались огнем из пушек и пулеметов, а также реактивными снарядами (у штурмовиков под крыльями были маленькие «катюши»). «Яки» вступили в бой с «мессершмиттами» и отвлекли их от наших тяжелых самолетов. В этот раз враг потерял около 40 «юнкерсов» и «хейнкелей».

А как же выполняли эту задачу наземные войска? Особое военное счастье в борьбе с воздушными базами немцев выпало на долю танкистов 24-го корпуса. Им командовал генерал-майор (ныне генерал-лейтенант танковых войск) Василий Михайлович Баданов. «Небольшого роста, энергичный, он носил простой овчинный полушубок, на голове — огромную папаху. Баданов когда-то был учителем, но теперь напоминал командира времен гражданской войны. За внешней его простотой таился глубокий ум, твердая воля крупного военачальника» — так описывает своего боевого товарища маршал авиации С. А. Красовский.

В то время наши войска начали новое наступление. Корпусу Баданова было приказано войти в прорыв и устремиться в глубь немецких тылов, чтобы внезапно выйти к Тацинской и уничтожить там самолеты и склады.

Легендарный рейд начался 17 декабря. Невозможно представить трудности, которые выпали танкистам. Был сильный мороз. Снег забивал смотровые щели, проникал в машины и висел там белой пылью. Бомбардировщики противника сторожили танки на марше. Но, маневрируя по степи, они ловко уклонялись от сброшенных бомб. Рядом взлетала земля, по броне били осколки.

Оберегаясь от вражеских бомбардировщиков, корпус двигался в основном ночами, с потушенными фарами. Днем же танки небольшими группами совершали броски-перекаты от одного укрытия к другому. Экипажи и десантники ели и спали на морозе, когда это удавалось. В таких тяжелых условиях шли непрерывные бои с противником. Танки громили штабы, резервы, захватывали склады с продовольствием и горючим, освобождали села и хутора. Следом двигались механизированные и стрелковые части. Танкисты передавали им трофеи и пленных.

За шесть дней корпус продвинулся вперед на 300 километров. Наступил день, когда танки далеко оторвались от своих тихоходных товарищей и остались в немецком тылу одни. Это было опасно. Однако ждать

отставших — значит потерять драгоценное время, упустить момент внезапности, дать возможность фашистам разгадать маршрут корпуса. До Тацинской оставалось всего лишь 30 километров.

Баданов решил действовать в одиночестве. Настала ночь. Только три часа получили экипажи на сон и ремонт машин перед решающим броском. Пока готовили они танки и дремали в своих железных домах, пешая разведка с помощью партизан обследовала подступы к Тацинской и обозначила вешками маршруты движения танковых отрядов.

О том, что было дальше, послушаем самого генерала Баданова.

«Утром 24 декабря был сильный, густой туман. Оправдалось наше предвидение: противник нас не ожидал. Личный состав зенитных частей, противотанковой артиллерии, прикрывавших аэродром и станцию, находился не у орудий. Гарнизон противника спал. В 7.30 по сигналу «Залп гвардейских минометов» наши танковые бригады неожиданно для врага перешли в атаку.

Танки 54-й танковой бригады с десантом стремительным броском ворвались на аэродром, начали уничтожать охрану аэродрома, расстреливать из автоматов и пулеметов бегущих к самолетам гитлеровских летчиков. Фашисты в панике бежали к самолетам кто в чем — в комбинезонах, в шинелях. Они пытались оказывать сопротивление, но попадали под гусеницы танков.

Одновременно 130-я танковая бригада овладела Тацинской, уничтожила несколько артиллерийских батарей, танки противника, ворвалась с востока на аэродром и совместно с 54-й танковой бригадой стала истреблять самолеты.

...Танкисты быстро усвоили технику «топтать хвосты самолетов», так как удары по шасси самолета не достигали цели, самолет, падая, накрывал танки и мог вывести их из строя... Танкисты вели машины по границе аэродрома, стреляя из пулеметов по моторам самолетов и поджигая их...»

В 1952 году в западногерманской газете «Ди дейче Зольдатенцейтунг» появилась статья: «О тех, кто вырвался из преисподней, или кровавая баня в Тацинской». Уцелевший летчик гитлеровских ВВС Курт Штрайт писал: «Утро 24 декабря 1942 года. На востоке брезжит слабый рассвет, освещающий серый горизонт. В этот момент советские танки, ведя огонь, внезапно врываются в деревню и на аэродром. Самолеты сразу вспыхивают, как факелы. Всюду бушует пламя. Рвутся снаряды, взлетают в воздух боеприпа-

сы. Мечутся грузовики, а между ними бегают отчаянно кричащие люди.

Кто же даст приказ, куда направиться пилотам, пытающимся вырваться из этого ада?

Стартовать в направлении Новочеркасска — вот все, что успел приказать генерал. Начинается безумие... Со всех сторон выезжают на стартовую площадку самолеты. Все это происходит под огнем и в свете пожаров. Небо распростерлось багровым колоколом над тысячами погибающих, лица которых выражают безумие. Вот один «Ю-52», не успев подняться, врезается в танк, и оба взрываются со страшным грохотом в огромное облако пламени. Вот уже в воздухе сталкиваются «юнкерс» и «хейнкель» и разлетаются на мелкие куски вместе со своими пассажирами. Рев танков и авиамоторов смешивается со взрывами орудийного огня и пулеметными очередями в чудовищную симфонию».

Орден Кутузова I степени с лентой.

Немецкое командование, чтобы спасти базу, взяло часть войск у Манштейна и бросило их против Баданова. Танкисты были окружены на аэродроме и пять суток вели тяжелые бои. 29 декабря командующий фронтом Ватутин приказал корпусу оставить Тацинскую и выйти из окружения. Глубокой ночью танки внезапно протаранили оборону немцев. Вскоре они с незначительными потерями перешли линию фронта и соединились со своими частями.

Было сделано огромное дело. Танкисты Баданова уничтожили большие склады горючего, снарядов, авиабомб, а главное — около 300 самолетов на аэродроме и около 50 в эшелонах на железной дороге. Предположим, что половина из них были «юнкерсы», а половина «хейнкели». Посчитай, сколько грузов они могли доставить Паулюсу? Всеми же войсками было уничтожено около 800 транспортных самолетов.

Вскоре были заняты Тацинская и Морозовск. Базы немцев отодвинулись от кольца на 300, а потом и на 450 километров. Так рухнул «воздушный мост».

Гитлеровцы в котле голодали. В середине декабря они израсходовали последние запасы мяса — забрали 8 тысяч лошадей румынской кавалерийской дивизии и съели их. Хлебный паек был урезан до 100 граммов на день, а потом — до 50. Началась охота за уцелевшими кошками, собаками, воронами.

К голоду прибавился холод. Армия осталась на зиму без теплой одежды, без топлива. Тебе, верно, приходилось видеть на рисунках гитлеровских солдат: головы замотаны женскими платками, на плечах одеяла, ноги укутаны мешками, тряпками. Это не карикатура. Так выглядели фашисты на самом деле. Мертвых гитлеровцы не хоронили: промерзшую землю копать труднее, а взрывчатку они берегли. Трупы складывали штабелями, как дрова.

Я пишу сейчас страшные слова и ловлю себя на мысли, что мне ничуть не жалко этих людей, хотя, кажется, я должен понять их страдания — я ведь сам и голодал и мерз на фронте. Но я не мерз бы, не голодал, не копал бы могил в промерзшей земле для убитых товарищей, если бы 6-я армия и другие германские армии не вторглись на нашу землю. Муки наших людей во время войны — святые муки. А муки фашистов — это кара за их преступление. И кара малая.

Чтобы она была полной, должен был наступить день 10 января.

Операция «Кольцо»

Армия Паулюса держала вокруг себя шесть наших армий: 21-ю, 24-ю, 57-ю, 62-ю, 64-ю, 66-ю.

А в это время на огромном фронте — от Воронежа до Черного моря — шло успешное наступление советских войск. Конечно, шесть армий были бы там не лишними.

Верховное Главнокомандование, чтобы высвободить эти армии к общему наступлению, намечало разгром врага в кольце еще на середину декабря. Однако наступление Манштейна заставило наметить более поздние сроки. Операция по уничтожению кольца началась 10 января нового, 1943 года. Она так и называлась — «Кольцо». Проводил ее Донской фронт, которым командовал Константин Константинович Рокоссовский.

Как же проходила операция?

Прежде чем начать уничтожение врага, наше командование предложило ему капитуляцию — добровольный отказ от сопротивления и сдачу войск в плен. Парламентеры майор Смыслов и капитан Дятленко с белым флагом прошли к немецким позициям и вручили неприятельским офицерам текст ультиматума. Вся окруженная армия знала об этом. У многих немцев появилась надежда на спасение. Вот что писал о том дне один из них — Гельмут Вельц:

«Сегодня 8 января. Этот день не такой, как все другие. Он требует от командования важного решения, самого важного, какое оно только может принять в данный момент. Каково будет это решение — никто из нас не знает. Нам известно одно: решающее слово может быть сказано только в течение двадцати четырех часов. Это знает каждый, кто принадлежит к 6-й армии. О том позаботились сотни тысяч русских листовок. Их целый день сбрасывают над нами медленно кружащие советские самолеты. На нас изливается ливень тоненьких листовок. Целыми пачками и врассыпную, подхваченные ветром, падают они на землю: красные, зеленые, голубые, желтые и белые — всех цветов. Они падают на снежные сугробы, на дороги, на деревни и позиции. Каждый видит листовку, каждый читает ее, каждый сберегает ее, и каждый высказывает свое мнение. Ультиматум. Капитуляция. Плен. Питание. Возвращение на родину после войны. Все это проносится в мозгу, сменяя друг друга, воспламеняет умы, вызывает острые споры».

Однако командование 6-й армии ультиматум отклонило и приказало своим солдатам впредь расстреливать русских парламентеров.

Чтобы потери наших войск были минимальными, советское командование дало наступающим много артиллерии и самолетов. Не случайно представителем Ставки здесь был начальник артиллерии Красной Армии Николай Николаевич Воронов. Численность же войск с обеих сторон была примерно одинаковой. Ты можешь спросить, как это получилось, если одной немецкой армии противостояло шесть наших? Дело в том, что армии, корпуса, дивизии не бывают одинаковыми, как килограммы. Они могут быть больше или меньше, особенно в военных условиях; их численность зависит от задач, которые им поручены.

Почти час семь тысяч наших орудий разрушали укрепления фашистов. По вражеским позициям нанесли удар бомбардировщики. Атака пехоты и танков началась успешно. Успешно она и развивалась. На другой день был занят аэродром недалеко от Воропонова, вскоре наша танковая разведка вышла к главному аэродрому противника около Питомника. Там началась паника. Вот как описывает этот случай адъютант Паулюса Адам: «Паника началась неожиданно и переросла в невообразимый хаос... Кто-то крикнул: «Русские идут!» В мгновение ока здоровые, больные и раненые — все выскочили из палаток и блиндажей. Каждый пытался выбраться как можно скорее наружу. Кое-кто в панике был растоптан... Ожесточенная борьба завязалась из-за мест на автомашинах. Наземный персонал аэродрома, санитары и легкораненые первыми бросились к уцелевшим легковым автомашинам, завели моторы и устремились на шоссе, ведущее в город. Вскоре целые гроздья людей висели на

Рисунки А. БОРИСОВА.

крыльях, подножках и радиаторах. Машины чуть не разваливались под такой тяжестью... Те, кто еще был способен передвигаться, удирали, остальные взывали о помощи. Действовал лишь один девиз: «Спасайся, кто может!» Но как можно было спастись в разбитом городе, в котором нас непрерывно атаковали русские?»

Однако на ряде участков фашисты оборонялись яростно. Солдат убедили, что в плену их ждут страшные пытки и мучения, а иным было проще расстаться с жизнью, чем видеть, как рушатся надежды стать властителями мира. Ну что ж, если враг не сдается, его уничтожают.

За две недели нашего наступления 6-я армия потеряла свыше ста тысяч убитыми, ранеными и пленными. Теперь и генерал-полковник Паулюс — любимец фюрера, один из авторов плана войны против СССР — увидел другую сторону войны. Паулюс осмелился просить у Гитлера разрешения на капитуляцию, он радировал фюреру:

«Докладываю обстановку на основе донесений корпусов и личного доклада тех командиров, с которыми я смог связаться: войска не имеют боеприпасов и продовольствия; связь поддерживается только с частями шести дивизий. На южном, северном и западном фронтах отмечены явления разложения дисциплины. Единое управление войсками невозможно. На восточном участке изменения незначительны. Восемнадцати тысячам раненых не оказывается даже самая элементарная помощь из-за отсутствия перевязочных средств и медикаментов. 44-я, 76-я, 100-я, 305-я, 384-я пехотные дивизии уничтожены. Ввиду вклинивания противника на многих участках фронт разорван. Опорные пункты и укрытия есть только в районе города, дальнейшая оборона бессмысленна. Катастрофа неизбежна. Для спасения еще оставшихся в живых людей прошу немедленно дать разрешение на капитуляцию. Паулюс».

В ответ пришло: «Запрещаю капитуляцию! Армия должна удерживать позиции до последнего человека и до последнего патрона».

Интересная подробность: когда сузившееся до предела кольцо было рассечено на две части, начальник штаба 6-й армии генерал-лейтенант Шмидт послал своих помощников установить «контакт» с советскими войсками. Приказ приказом, а собственная шкура была ему, видно, дороже.

«Контакт» установить оказалось нетрудно. Адъютант Паулюса Адам описывает этот момент так: «Было уже за полночь, когда Паулюс растянулся на своем матраце (в штабе, в подвале универмага). Я заглянул на минуту к Роске. «Что нового?» — спросил я входя. Роске был занят уничтожением последних ненужных вещей. Он попросил меня сесть, предложил сигарету и закурил сам.

— Совсем близко, в переулке,— сказал Роске,— стоит красный танк. Его орудие нацелено на наши развалины. Я сообщил об этом Шмидту. Он сказал, что надо во что бы то ни стало помешать тому, чтобы танк открыл огонь, так как для всех нас это означало бы верную гибель. Поэтому переводчик с белым флагом должен пойти к командиру танка и начать переговоры о капитуляции. «Я сам,— сказал он,— позабочусь об этом...»

Ты, мой товарищ, может быть, решил, что переговоры будут вестись о капитуляции всей армии? Нет. Речь шла о сдаче в плен только армейского штаба.

Прошла ночь. Адам снова зашел к своему приятелю — генералу Роске. И тот поведал ему, что было дальше: «Несколько часов назад я рассказывал вам, что Шмидт приказал переводчику пойти с белым флагом к командиру советского танка. Я вместе с переводчиком отправился наверх. Перед въездом во двор стоял советский танк, тем временем он придвинулся еще ближе. Входной люк был открыт, и из него выглядывал молодой офицер. Наш переводчик помахал белым флагом и подошел к танку. Я слышал, что он заговорил с русским. После он поведал мне, что сказал советскому офицеру следующее: «Прекратите огонь! У меня есть для вас чрезвычайно важное дело. Повышение и орден вам обеспечены. Вы можете пойти со мной и взять в плен командующего и весь штаб 6-й армии».

Итак, в 7 часов 31 января 1943 года генерал-фельдмаршал Паулюс был пленен. Почему фельдмаршал, ведь мы все время называли его генерал-полковником? За несколько часов до плена в штаб пришла радиограмма Гитлера. В ней сообщалось о повышении Паулюса в звании. Гитлер намеревался этим подтолкнуть командующего к самоубийству — герой-фельдмаршал умирает, но не сдается. Паулюс понял намек, но стреляться не стал. «Я не доставлю им этого удовольствия»,— сказал он, прочитав радиограмму.

Узнав о капитуляции штаба, начали сдаваться в плен войска, оказавшиеся в южной части кольца. Но северная часть кольца еще держалась.

Что делают, если враг не сдается? Его уничтожают. С южного участка, поскольку там уже была тишина, всю артиллерию перебросили на участок северный. Фашисты — 40 тысяч — оказались в кольце орудий. Точнее, в двойном кольце, потому что пушки невоз-

можно было разместить в один ряд, их разместили в два ряда — так тесно они стояли по фронту. В небо поднялись бомбардировщики и пошли на цель.

Теперь мы послушаем генерала армии Павла Ивановича Батова. В те дни он в звании генерал-лейтенанта командовал 65-й армией Донского фронта.

«1 февраля на НП нашей армии царило необычное оживление. Наблюдательный пункт был оборудован в основании насыпи окружной железной дороги. Стереотрубы выведены снизу между шпалами. Прибыли К. К. Рокоссовский, Н. Н. Воронов, К. Ф. Телегин, В. И. Казаков. Все хотели видеть артиллерию в действии: ведь только в 214-й дивизии имелось восемь артиллерийских полков усиления, свыше сотни орудий стояли на прямой наводке. И вот вся эта мощь загрохотала.

Через три — пять минут из блиндажей, из подвалов, из-под танков начали выскакивать, выползать гитлеровцы. Одни бежали, другие, обезумев, становились на колени, вздымая руки к небу. Всего пятнадцать минут продолжалась неистовая артподготовка. Затем началась атака. Но в Спартановке уже никто не оказывал сопротивления. Сотни, тысячи немецких солдат сдавались в плен.

Мы в свое время крепко спорили с представителями разведывательного и оперативного управлений штаба фронта, допускавших просчет в определении численности окруженных войск. Но и мы все-таки не ожидали такого количества пленных.

Комдивы доносили: «Направляю колонну пленных — шесть человек по фронту, километр в глубину». Колонны направлялись к железнодорожному виадуку, где велся точный подсчет.

С наблюдательного пункта командарма отчетливо было видно, как рекой, медленно извиваясь, текли черные бесконечные колонны. Пленные шли тысячами, а за ними, безразлично поглядывая по сторонам, шагали два-три автоматчика, вот и вся охрана».

Вот так, бесконечными вереницами пленных закончилась Сталинградская битва. Ни один из тех, кто попал в ноябрьские дни в кольцо, не ушел из него. Это была великая победа нашего оружия. Она вошла в историю разгрома фашизма вечной страницей.

Посчитаем трофеи

Закончилась Сталинградская битва. За 200 дней боев противник потерял:

убитыми, ранеными, пленными 1 500 000 человек;
танков и штурмовых орудий — около 3 500;
боевых и транспортных самолетов — больше 3 000;
орудий и минометов — больше 12 000.

Древние греки захваченное оружие и доспехи врага вешали на дерево, растущее на поле боя. Мы можем лишь представить себе такой гигантский дуб между Волгой и Доном, который смог бы выдержать этакую тяжесть — трофеи, взятые Донским фронтом в кольце.

Давай поставим под донским дубом еще 90 тысяч пленных солдат и офицеров, 23 генерала и 1 фельдмаршала.

А где-нибудь рядышком напишем слова бывшего гитлеровского военачальника: «Поражение под Сталинградом повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск. Генерал З. Вестфаль».

Я мысленно представляю себе этот богатырский дуб. Он стоит на степном просторе, под свежим ветром, со всех сторон открытый. И каждый может поглядеть на него. Подходят к нему люди и смотрят с гордостью. А потом печалятся и опускают головы, вспоминая тех, кто отдал за победу свою жизнь.

Богатырский дуб виден издалека. Пусть смотрят на него из-за океанов, из-за гор, из-за рек. Пусть смотрят на него и наши недруги. Для них и высказывание генерала Вестфаля. Нам-то оно и не так уж нужно, силу свою мы знаем, и незлопамятные мы. Но тем, кто замышляет новые походы против СССР, полезно всегда помнить эти слова — формулу закона, по которому кончаются войны с Советским Союзом.

Орден Суворова I степени с лентой.

ТЕРЕЗА ИЗ ПОРТУЕНСЕ. ГРАБЕЖ В ТУНДРЕ. ПРАВА ЛИ НАТАША? ПОЕЗД ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ. МУЗЕЙ НА УЛИЦЕ. КТО ПОСЛЕДНИМ УЗНАЕТ О ПОДВИГЕ.

РАЗГОВОР С ГЕРОЕМ

Герой Брестской крепости Самвел Минасович Матевосян — старый солдат. «Комсомольская правда» попросила его сказать, какое качество в солдате он ценит выше всего. Кроме того, Самвелу Минасовичу задали и другие вопросы. Но на этот он ответил особенно интересно. Казалось бы, всего нужнее солдату смелость. Но он сказал вот что:

— А так ли уж обязательно устанавливать табель, надо ли то или иное качество отделять друг от друга? Если надо, то, пожалуй, изо всех качеств выше всего ответственность. Это — начало солдата. Мелочей для него нет и быть не может.

Вот, скажем, солдата впервые посадили на кухне чистить картошку. От того, как он выполнит это простое поручение, казалось бы, не зависит по большому счету судьба его товарищей. Но если снимет чересчур толстую кожуру, картошки может и не хватить. А назавтра у них трудный поход. Плохо промоет картошку, еще хуже, опасней. Элементарная добросовестность перерастает постепенно в чувство ответственности, а это, как мы отметили уже,— главное качество солдата. Такому человеку сподручно любое поручение. И когда в нужный момент он совершает подвиг, то вовсе не кичится, не хвастает. Более того, он подчас даже не видит в своих действиях ничего героического. Не зря ведь говорили в войну, что позже всех узнает о подвиге тот, кто его совершил.

Самвел Минасович привел в пример летчика Петра Рябцева.

В первый день войны, точнее, в первые часы, Самвел Минасович увидел в брестском небе воздушный таран. Наши «чайки» вели бой с группой «мессершмиттов». Бой подходил к концу, когда один наш самолет, израсходовав, очевидно, патроны, ринулся навстречу вражеской машине и сильным ударом сбил ее. Много лет спустя писатель С. С. Смирнов установил имя героя — Петр Рябцев — и нашел его письмо родным, где весь этот героический эпизод уложился в одну строчку: «Я уже чокнулся в небе с одним гитлеровским молодчиком...»

— Если справедливо, что скромность украшает человека, то героя она украшает вдвойне,— заметил Самвел Минасович, рассказывая об этом.

Над его словами стоит задуматься. Они показывают нам, как возникает героизм.

ПОЕЗД ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Сейчас во всех газетах печатается много рассказов и воспоминаний о Владимире Ильиче. Журналисты из Омска Ф. Володарский и В. Логинов увидели у себя в краеведческом музее фотографию поезда. На тендере паровоза было написано: «Дорогому юбиляру Ильичу». Они разузнали историю этого поезда и написали о ней в «Советскую Россию».

ЭТО БЫЛО В 1920 ГОДУ. ТОЛЬКО ЧТО ИЗ ОМСКА БЫЛ ВЫГНАН БЕЛОГВАРДЕЙСКИЙ ГЕНЕРАЛ КОЛЧАК. ВРЕМЯ БЫЛО ТЯЖЕЛОЕ. РАЗРУХА, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, ГОЛОД. СИБИРЯКИ СТАРАЛИСЬ ПОМОЧЬ ГОЛОДАЮЩИМ РАБОЧИМ ПЕТРОГРАДА, МОСКВЫ, ПОСЫЛАЛИ ИМ ЭШЕЛОНЫ ХЛЕБА. НАКАНУНЕ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ ЛЕНИНА РЕШИЛИ СВЕРХ ЗАДАНИЯ ПОСЛАТЬ ЭШЕЛОН С ХЛЕБОМ В ПОДАРОК ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ.

МЕСТНЫЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ СВЕРХУРОЧНО ОТРЕМОНТИРОВАЛИ СОРОК ВАГОНОВ, НА КАЖДОМ НАПИСАЛИ: «ИЛЬИЧУ».

Две недели от станции к станции нелегким путем шел этот состав.

Не раз в пути охрана поезда вступала в бой с недобитыми кое-где бандами колчаковцев, разрушавших мосты и железнодорожное полотно.

Комиссаром поезда был большевик Сергей Герасимович Уралов. Его можно увидеть на одной из фотографий вместе с Лениным: после революции он охранял жизнь вождя. Это известная фотография: Ленин в кепке и накинутом на плечи пальто идет по Красной площади вдоль выстроившихся полков всевобуча. Рядом с ним, слева,— Сергей Герасимович Уралов.

Когда поезд с хлебом прибыл в Москву, Сергей Герасимович пришел к Ленину и поздравил его с пятидесятилетием.

— Хороший подарок прислали в Москву омские рабочие,— сказал Ильич.— Они ведь понимали, что такое количество хлеба одному человеку хватило бы, ну, скажем, на тысячу жизней...

ДА, СИБИРЯКИ ЗНАЛИ, КАК РАСПОРЯДИТСЯ ИХ ПОДАРКОМ ЛЕНИН. ХЛЕБ ПОШЕЛ СЕМЬЯМ РАБОЧИХ...

Такова история поезда.

Музей на улице

У ЭТОГО МУЗЕЯ НЕТ АДРЕСА, ОН — ВСЮДУ. И ОН ВСЕГДА ОТКРЫТ. Это сами улицы Ленинграда, прекрасные дворцы, дома, парки и целая коллекция уличных фонарей. Попав в Ленинград, обязательно присмотритесь к ним, каждый из них — настоящее произведение искусства.

Город дорожит своей редкой коллекцией. Ведь в современном городе скучно бы стало жить, исчезни вдруг его история, его прошлое. Поэтому архитекторы и строители берегут старину. Сейчас на мосту через Мойку установлены новые уличные фонари, а сделаны они по старинным чертежам.

ПРАВА ЛИ НАТАША?

После школы Наташа П. поступила в техническое училище. Полтора года училась, отметки были хорошие. Потом пошла на завод и не захотела там остаться. Все были заняты своим делом и Наташе, правда, помогали мало. А один раз, когда она, устав, присела отдохнуть на кучу стружек, ее увидел начальник цеха. Ему не понравилось, что в рабочее время она так устроилась.

— Чего расселась? — резко спросил он.— Не выспалась дома?

Наташа обиделась и заплакала.

Может быть, начальник цеха не хотел ее обидеть, просто так уж вышло у него сгоряча, а может быть, он подумал, что она ленится и с нею надо говорить порезче.

У Наташи и с работой плохо ладилось. Бывает так: пока человек учится — все идет хорошо, а возьмется за дело — да еще самостоятельно, без помощи,— и валится все из рук. Как-то к Наташе подошла ее подружка Юля и показала сломанный резец.

— Надо пойти в кладовую сменить,— посоветовала Наташа.

— Ходила. Не дают. Кричат: «На вас не напасешься!»

Решили девочки уйти с завода. «Работа мне не нравится, профессию свою я не люблю»,— написала Наташа в «Правду».

Специальный корреспондент «Правды» Р. Волкова поехала в Волгоград, где все это произошло, и убедилась, что на заводе молодых работниц встретили совсем не так, как надо бы. Не помогли им на первых порах, не дали обжиться в коллективе.

Но в этой истории вам, ребятам, важно подумать: а права ли и Наташа? Ну-ка, поставьте себя на ее место!.. Надо ли бросать начатое дело, если вдруг встретится грубый человек? Ведь такие существуют, их немало. Можно ли рассчитывать, что всегда и все обойдется в жизни без неудач? И как относиться к неудаче?

НОВАЯ МОДЕЛЬ

В прошлом номере «Пионера» мы рассказали, что предшествовало выпуску новой модели «Москвич-412» на заводе имени Ленинского комсомола. Там, не наняв новых рабочих, не смогли бы освоить производства этой модели. И рабочие нашлись — солдаты, демобилизованные из армии. Но их некуда было поселить. Строился всего один дом, квартиры в нем были заранее распределены. Тогда рабочие и их семьи, которые вот-вот должны были въехать в новый дом, узнав о положении на заводе, решили: отдать весь дом новичкам, а сами согласились еще подождать.

Благодаря их самоотверженности завод сумел взять новых рабочих, и «Москвич-412» уже появился на свет.

ГРАБЕЖ В ТУНДРЕ

Под вечной мерзлотой аляскинской тундры недавно обнаружены запасы нефти и газа. Случись такая находка в любой социалистической стране, народ от этого выиграл бы. Не то в капиталистическом обществе. Почуяв запах наживы, нефтяные монополии стали срочно скупать участки земли, не обращая внимания на то, что земли эти принадлежат местному населению — эскимосам, алеутам и индейцам. За крупные суммы с молотка идут участки, где испокон веков местные жители добывали себе средства к существованию,— их охотничьи угодья, оленьи пастбища, рыбные промыслы. Уже планируются работы по сносу поселений. Тысячи и тысячи людей будут разорены.

Местные жители требуют оставить им хотя бы сорок миллионов акров земли. Но ответа нет. Грабеж в тундре продолжается.

ТЕРЕЗА ИЗ ПОРТУЕНСЕ

Тереза — итальянская коммунистка. Она работница. Выросла Тереза в квартале Портуенсе, куда редко заглядывают туристы, приезжая в Рим. Этот квартал не блещет красотой — бараки, мастерские да склады. Свое боевое крещение в рабочей борьбе Тереза получила, когда ей было всего пятнадцать лет.

На швейной фабрике работало шестьдесят девушек в возрасте Терезы. Более пяти тысяч лир прибыли в день давала каждая хозяину. А получали за свою работу они гроши. Хозяин не хотел даже нанять уборщицу, и после смены девушки сами убирали цехи.

У одной работницы заболела мать, она не вышла на работу, и хозяин ее уволил. Тогда работницы объявили забастовку. Хозяин решил наказать их: закрыть эту фабрику, а открыть такую же, только в другом месте. В ответ девушки заняли всю фабрику. Три дня и три ночи они не уходили, ночевали здесь же, прямо на гладильных досках.

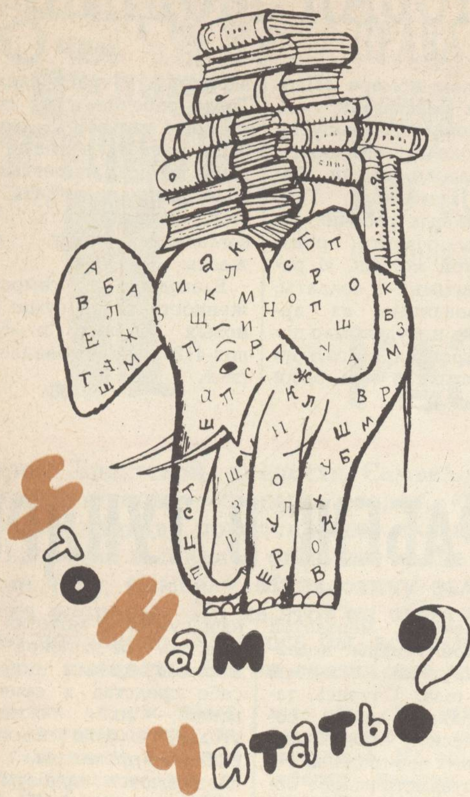
Многие матери, напуганные строптивостью дочерей, потянулись к фабрике, уговаривали девушек идти домой, не нарушать закона. Явилась полиция. Но девушки не разошлись по домам.

На помощь им пришли железнодорожники, римские трамвайщики, шоферы автобусов. Рабочие присылали забастовщицам свои сбережения. И девушки почувствовали, что они не одиноки. Они прошли по всему Риму с плакатами, распевая задорную песню: «Работницы, держитесь, не сдавайтесь».

Хозяин пообещал открыть фабрику. Открыл — и снова закрыл. Обманул работниц. Это было тяжкое поражение. И оно случилось именно тогда, когда победа, казалось, достигнута.

Тереза, молодая коммунистка, навсегда запомнила, как хозяин обманул их. Тереза не отказалась от борьбы. С болью поняла, как коварен враг. Если бы рабочие не оказывали сопротивления и не боролись за свои права, капиталисты готовы были бы обратить их в своих рабов. Нет, борьба и еще раз борьба.

Рассказал о Терезе в «Известиях» корреспондент газеты в Италии Л. Замойский.

Писатели рассказывают

Я заканчиваю сейчас работу над повестью, рассказывающей о том, как еще в далекие средневековые времена, в 1471 году, случай свел двух мальчишек, немецкого и русского, и как они подружились. Оказалось, что у героев повести Мартина и Николки, несмотря на различие в языках, обычаях и верованиях, нет никаких оснований для вражды и есть все основания для дружбы.

Но Мартин и Николка живут в мире, где хозяева не они, а корыстные и жестокие люди. Этим-то хозяевам жизни как раз очень выгодны такие вещи, как различия в языке и вере, поскольку они мешают простым, честным людям понять, что лучше им вместе играть в детстве, а потом вместе работать, чем, вырастая, убивать друг друга...

Повесть называется **«Юрьевская прорубь»**, а выйдет она в издательстве «Детская литература».

Ю. ВРОНСКИЙ

На радость всем

Бывает у вас такой день, когда ботинки почему-то не шнуруются, во время завтрака разбивается чашка, а в школе вдруг получается двойка? Про такой день говорят: «Все кувырком».

Английский писатель **Дональд Биссет** назвал целую книжку сказок **«Все кувырком»**. Но тут как раз ни у кого не бывает неудач, все замечательно кончается. Хотя действительно тут все кувырком.

Например, живет на Луне человек и вдруг видит: на Земле, в городе Лондоне, собака Булька гонится за кошкой. Человеку с Луны это не понравилось. Он заглянул в Африку, поздоровался со странным зверем, которого звали мистер Крококот (потому что одна половина его была котом, а другая крокодилом), и попросил его срочно отправиться в Лондон и встретиться с Булькой. И, конечно, Булька подумал, что имеет дело с простым котом, решил его погнать, и тут... Бедняга Булька!

— Нет уж, дудки! Больше я за кошками не гоняюсь! — заявил Булька после этой встречи.

А полисмен Артур... С ним приключилась самая удивительная история, очень жаль, что я не могу вам рассказать ее подробно. Но в двух словах: Артур обучил своего коня Гарри скакать за автобусом и дышать на заднее стекло, а на запотевшем стекле Артур рисовал пальцем смешные рожицы. Это так понравилось другим полицейским, что они стали делать то же самое. Все жулики города Лондона удивились, что их больше никто не ловит, и стали следить, чем же занимаются полицейские. Им такое занятие тоже понравилось, они тоже купили себе лошадей и тоже скакали за автобусами и рисовали рожицы. Воровать им уже было совершенно некогда. Начальник вызвал к себе Гарри и Артура и сказал им: «Молодцы».

...Да, я чуть не забыла спросить: если вы собрались в путешествие в лодке и решили взять с собой своего приятеля, живого тигренка, а он не влезает в лодку — знаете, что нужно сделать? Очень просто, его надо выстирать в горячей воде с мылом, и он сядет, как шерстяная кофта.

Так что видите сами: кувырком у Дональда Биссета идут всякие неприятности, вражда и ненужные сложности.

А некувырком остаются все хорошие вещи на свете: чтобы все друг друга любили, чтобы дружили и от всего получали радость и удовольствие.

Такие это сказки. И знаете, как они получились?

Дональд Биссет не только писатель, он еще и актер и художник. Он по телевидению для английских ребят делал передачи каждый вечер вроде «Спокойной ночи, малыши!». А для каждой передачи нужна, конечно, новая сказка. И он рисовал тут же к ней картинки.

Сейчас его замечательные сказки очень хорошо перевела на русский язык **Наталия Шерешевская**, а художник **В. Алексеев** нарисовал к ним свои смешные рисунки.

Прочитайте эту книгу. Если даже вы думаете, что вам уже поздно читать детские книжки, все равно прочтите. И вы не пожалеете об этом: такие сказки доставляют радость всем, даже взрослым.

И. УВАРОВА

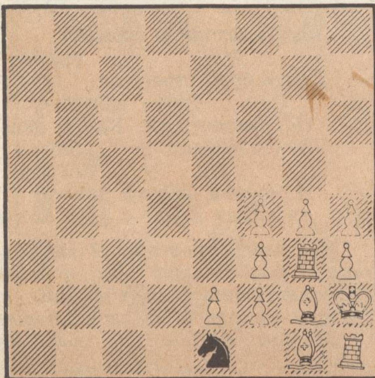
Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Приключения на шахматной доске

Какие тут приключения! Ход белых, ход черных — вот тебе и все приключения, могут сказать некоторые ребята. И, конечно, они ошибутся. И приключений и происшествий на шахматной доске хоть отбавляй. Даже ходят белые и черные не всегда по очереди.

Смотрите, как ловко Пешкин накинул лассо на черного мустанга. Стоит конь на e1 и шелохнуться не может.

Как забрать его белому королю? В этой фантастической головоломке ходы делают только белые, а черный конь e1 покорно ждет своей участи.

Определите наименьшее количество ходов, которое понадобится белому королю, чтобы подойти к коню и взять его. И еще одно условие: белые не имеют права двигать свои пешки.

Клуб

КАК ТАМ, НА «КАМЧАТКЕ»?

— Эх, сидите вы тут и ничего не знаете!

— А ты расскажи, мы и будем знать,— проворчала Белобока, сегодня у нее было плохое настроение.

— Ничего вы не знаете, а на «камчатке» такое творится!! Такое!!!

— Не понимаю, что там может твориться? Я бывала на Камчатке. Там очень приличный птичий базар,— сказала Путешественница.

— А чем там торгуют?

— То есть как чем? Как везде, новостями.

— Ну и какие новости?

— Да вы лучше меня послушайте,— затараторила Балаболка.

— Говорю же я вам, что я только-только с «камчатки». Там сейчас такое, такое! Настоящий морской бой!

— Это может быть,— сказала Путешественница.— Там с одной стороны Тихий океан, а с другой — Охотское море.

— Ничего подобного. Там с одной стороны стена, а с другой — окно. А сзади — тоже стена, а далеко-далеко впереди — такая специальная доска.

— И на этой доске бой?

— А вот и нет. Бой на «камчатке». Как раз на средней парте. Там наши люди.

— А разве люди бывают наши?

— Конечно, которые с хвостами. У одного адмирала — у Сережки — хвост по арифметике. А у другого — по пению. Это у Димки.

— А кто победил?

— Никто. Когда у Сережки осталась последняя подводная лодка, Димку вызвали к доске.

— Это которая далеко-далеко?

— Ну, не так уж и далеко... Но вернется он оттуда не скоро.

— Послушай-ка, а сороки там, на «камчатке», есть?

— А как же! Одна Зиночка, а другая Раечка. У одной на голове два хвостика, а у другой — ни одного. А в среднем, как у нас: по хвостику.

— А о чем они болтали?

— Да так, ни о чем. Вот как мы с тобой. Где были, что видели...

— Ну а базар там тоже бывает?

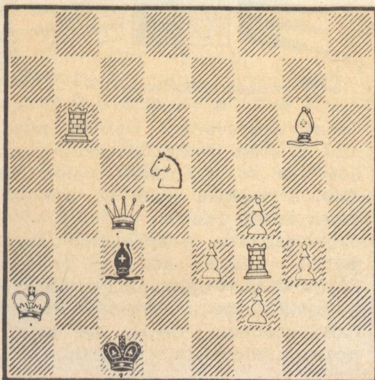
— Еще какой! Особенно в перемену.

— А что такое перемена?

— А это вроде птичьего базара. Все куда-то бегут, а куда — непонятно. И кричат, а что — не разобрать.

— Ну, полетела я. А то с вами все новости растеряешь!

Вот еще одно задание Пешкина. Сначала оно покажется некоторым из вас просто невыполнимым. Но какие же это приключения, в которых все ясно с самого начала?

У этой необычной задачи солидный возраст. Она была напечатана почти сто лет назад, в 1877 году, в журнале «Всемирная иллюстрация». Составил ее и вот такую стихотворную подпись придумал известный русский шахматист Илья Степанович Шумов:

Пусть шторм и грозный ураган,
Пусть буря страшная насмешек...
Но стихнет все. Как в океан
Ладья войдет, не сдвинув пешек,
И черной партии врагов
Даст шах и мат с пяти ходов.

Что здесь происходит? Начиная игру, белые дают мат черному королю обязательно ладьей, не двигая ни одной из своих пешек.

Задание хитрое, но выполнимое.

Своим друзьям, которых не испугают приключения на шахматной доске, Пешкин желает успеха. Точные и правильные решения он отметит «Грамотами ферзя и ладьи», а отважных искателей шахматных приключений включит в число оруженосцев шаха.

●

«Сейчас чемпионом мира среди юношей стал студент МГУ Анатолий Карпов. Прошу рассказать, сколько лет Анатолию, как он тренировался, как добился успеха?»

Такое письмо прислал нам Володя Чернов (Смоленская область). Отвечаем тебе, Володя.

Толе Карпову — восемнадцать лет. Детство свое он провел в Златоусте, там научился играть в шахматы, там добился первых успехов. Толя много работает над шахматной теорией, его всегда отличало упорство, стремление

Сорок сорок

Новости с сорочьего хвоста...

Как известно, в некоторых зарубежных школах «двойка» — отличная отметка, а «пятерка» соответствует нашей «двойке».

Исходя из этого, интернациональный клуб одной из подмосковных школ наладил активный обмен неудовлетворительными отметками.

Зарубежным друзьям посылаются «двойки», взамен которых те охотно присылают свои «пятерки».

●

Известный собиратель дверных ручек ученик Мика Голышев безнадежно опоздал на выставку оригинальных коллекций, и первый приз вопреки ожиданиям достался другому.

«Меня погубила увлеченность,— рассказал он на следующий день специальному корреспонденту газеты «Знай меру».— И как только мне раньше не пришло в голову, что сначала нужно было открыть дверь, а потом уж отвинтить ручку...»

Знаете ли вы, что...

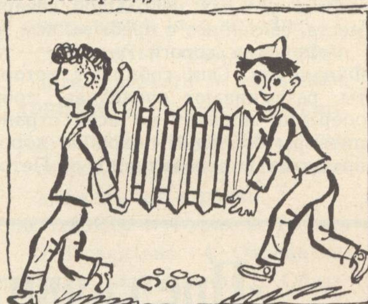
В квартире № 28 произошло радостное событие. Снова установлены два радиатора парового отопления, недавно сданные в металлолом жильцом этой квартиры Колей Бычковым.

●

...Среди тех, кто забывает дневники дома, двоечники составляют 76,3%, троечники — 24,1% четверочники — 2,3%, остальные — отличники.

●

...Когда ученик оправдывается перед учителем: «А что я делаю? Я ничего не делаю!» — то в большинстве случаев он говорит чистую правду.

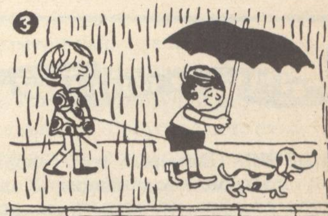

Выпуск подготовили М. ЛИБИН и Д. ШАЛОНОВ.

Сороки рисуют

Рисунки А. БОРИСОВА.

справиться с тем, что трудно дается.

Когда Толе было пятнадцать лет, он получил звание мастера. Недавно Толя выдержал экзамен в МГУ и стал студентом.

Этой осенью Толя Карпов на международных юношеских соревнованиях в Стокгольме завоевал золотую медаль чемпиона мира.

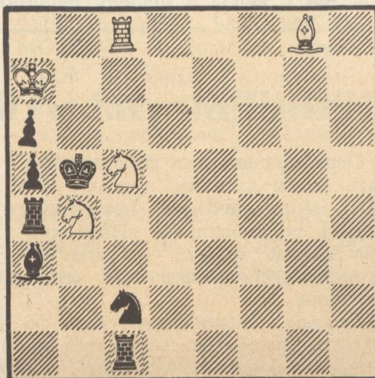
Интересно, что, готовясь к стокгольмскому первенству, Толя вел не только шахматные тренировки. Он занимался легкой атлетикой, плаванием, даже работал со штангой. Хороший пример для тех ребят, которые, увлекаясь шахматами, забывают о спортивной подготовке!

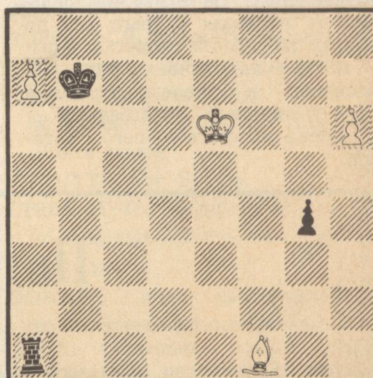
●

Заочный конкурс Пешкина продолжается.

На этой диаграмме — четвертое конкурсное задание. Начиная игру, белые дают мат в два хода черному королю.

А вот один из двух этюдов, которые Пешкин включил в свой конкурс.

Найдите, как белые добиваются победы в этой позиции. Хотя их пешки и прорвались далеко вперед, но ладья черных проявляет в обороне чудеса храбрости.

Пешкин ждет ваших решений, ребята!

За партами— мамы и папы

В класс вошел учитель.

— Сегодня у нас диктант,— сказал он.— Достаньте тетрадки.

Ученики зашуршали тетрадями и склонились над партами.

Обычный урок грамматики. Но если бы кто-нибудь посторонний зашел в класс, он немало бы подивился. Взрослые люди старательно выводили в тетрадях непослушные буквы, а за учительским столом, чуть возвышаясь над ним, стоял... одиннадцатилетний мальчик.

Республика Конго со столицей в Браззавиле еще очень молода. Колонизаторы оставили ей в наследство почти сплошную неграмотность. Государство построило много новых школ, позаботилось о том, чтобы все дети учились. Но как быть со взрослыми, которые родились и выросли еще при колонизаторском режиме? На помощь пришли пионеры. В каждой деревне возникли клубы «Учусь читать и писать». И вот по вечерам юные преподаватели, закончив свои собственные уроки, опять спешат в школу. За парты садятся их папы и мамы.

● УЧИТЕЛЬ ОДИННАДЦАТИ ЛЕТ ● ТАМ, ГДЕ БЫВАЛ ИЛЬИЧ ● ТЕАТР В ПЕЩЕРЕ ● МАСТЕРСКАЯ ИГРУШЕК ●

Французскому школьнику Жану Колле отец привез из Сирии дикого гепарда. Мальчик и маленький зверь стали неразлучными друзьями.

На снимке: гепард «помогает» Жану готовить уроки.

ТЕЛЕТАЙП СООБЩАЕТ:

РУМЫНИЯ. Пионеры из города Залэу построили одиннадцать автомобилей. Все их детали, за исключением моторов, сделаны руками ребят. Летние каникулы юные автостроители проведут в пионерском мотолагере.

ПОЛЬША. Из деревни Поронино, где жил и работал Владимир Ильич, взяла старт харцерская операция «Искра-70». Ребята изучают места, связанные с пребыванием Ленина в Польше, встречаются со старыми революционерами.

ПОЛЬША. Инна Урбасик, шестиклассница со станции Войовницы, спасла от катастрофы автобус и поезд. Заметив, что шлагбаум на переезде открыт, а по рельсам на полной скорости мчится поезд, находчивая харцерка бросилась к железнодорожной будке и опустила шлагбаум. Как раз перед носом ехавшего автобуса.

«Финские дороги Ленина»

Много раз дороги революционной борьбы приводили Владимира Ильича Ленина в Финляндию. В Хельсинки, в Тампере, в Турку, во многих уголках небольшой северной страны охраняются памятные места, связанные с пребыванием там Ленина.

«Финские дороги Ленина» — так назвали свою операцию пионеры Финляндии. Они собирают исторические материалы и фотодокументы, разыскивают очевидцев событий тех далеких лет. Маршруты операции пройдут по всей стране. А в канун ленинского юбилея пионеры совершат поход по дороге, которой в октябре 1917 года возвращался в революционный Петроград Владимир Ильич.

«Предъявите улыбку!»

Этот лагерь находится в горах штата Небраска. Несколько домиков, площадки для баскетбола и тенниса. Здесь отдыхают дети американских коммунистов. Взрослые купили ребятам маленькую ферму. Убранство в домах самое простое — брезентовые стулья, вместо кроватей — гамаки.

Спортивную площадку ребята сделали сами. Они ходят в походы, сражаются в баскетбол, по вечерам поют у костра. В одной из горных пещер у ребят открылся театр. Они сами — авторы пьес и исполнители. Три раза в неделю все население лагеря собирается на представление. Никакие билеты не нужны, но огромные буквы на камне у входа в пещеру напоминают: «Предъявите улыбку!»

«Потемкинцы» из Ашера

В маленьком французском городке Ашере действует отряд вайянов «Броненосец «Потемкин».

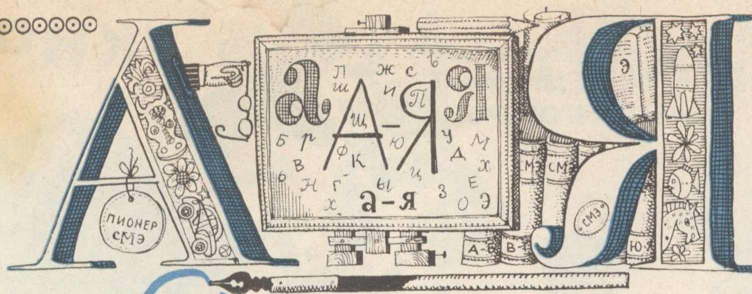
Недавно «потемкинцы» обошли почти все квартиры города. Они разносили обращение союза вайянов Франции «Поможем Вьетнаму!» и собрали около тысячи новых франков. Деньги они отправили вьетнамским ребятам.

Отряд решил и впредь помогать своим далеким друзьям. Но как? Не будешь же все время ходить по квартирам «Потемкинцы» нашли выход: открыли мастерскую. И стали в ней делать игрушки.

Каждое воскресенье над городской площадью раздаются веселые мальчишеские голоса:

— Спешите! Спешите! Вы можете стать обладателем самой забавной и самой дешевой игрушки!

Игрушки и вправду очень хороши. Их все с удовольствием покупают. А в адрес сражающегося Вьетнама уходят из маленького Ашера все новые и новые переводы.

Самая малая энциклопедия

объясняет значение терминов, понятий, имен и названий, говорит о происхождении слов, их родственных связях, их жизни и работе, которую они выполняют, помогает в произношении и правописании, а также сообщает многие другие сведения, как полезные, так и занимательные.

Эти слова тебе известны. Ты употребляешь их чаще других. Хотя другие, посмотри-ка, ничуть не хуже. И чтобы эти другие случайно не забылись, мы приводим их рядом с твоими любимцами.

АГА. Да, конечно, разумеется, несомненно, безусловно, бесспорно, естественно, наверняка, вестимо, без (или вне) всякого сомнения, не подлежит сомнению.

БЕГАТЬ (за кем-либо). Быть влюбленным, неравнодушным, любить, обожать, питать слабость к кому-либо, пылать любовью, вздыхать по ком-либо, страдать по ком-либо, души не чаять, быть без памяти (или без ума) от кого-либо.

БЛЕСК. Отлично, превосходно, изумительно, несравненно, блистательно, волшебно, упоительно, чудно, чудесно, дивно, бесподобно, исключительно, замечательно, сказочно, как нельзя лучше, на диво, на зависть, на удивление, на славу.

ВМАЗАТЬ. 1. Ответить (на нападки), парировать, показать, доказать.

2. Ударить, побить, прибить, дать (или задать) взбучку (или встрепку, выволочку)

ВЫДАТЬ. 1. Сказать, высказаться, произнести, проговорить, вымолвить, изречь, заметить, выразить или изложить свое мнение.

2. Заявить о себе, проявить, показать себя, продемонстрировать, изобразить, выкинуть номер (или коленце).

3 Удивить, поразить, подивить, привести в изумление.

ДРЕЙФИТЬ. Бояться, трусить, пугаться, страшиться, опасаться, робеть, побаиваться, дрожать (от страха).

ЖЕЛЕЗНО. 1. Точно 2. Твердо. 3. Правильно 4. Определенно. 5. Аккуратно 6. Обязательно 7. Наверняка.

ЖИЛА. 1. Скряга, жадина, скупец, Плюшкин, скопидом.

2. Ловкач, жук, хитрец, плут (тот, кто хитрит, жулит, лукавит, плутует ради своей выгоды)

ЗВОНИТЬ. Врать, лгать, привирать, завираться, болтать, городить околесицу

КОЛОССАЛЬНО. См. Блеск.

МОЩНЫЙ. 1. Большой, крупный, солидный, основательный, внушительный, выдающийся, огромный, громадный, гигантский, исполинский, неизмеримый, великий, величайший, титанический.

2. Сильный, могучий, могущественный, богатырский, атлетический, сокрушительный.

3. Хороший, красивый, прекрасный, великолепный. См. Блеск.

МУРА. Ерунда, чушь, вздор, пустяк, бред, бредни, дичь, нелепица, неурядица, околесица, бессмыслица.

ОТКОЛОТЬ. См. Выдать (2, 3).

ПРИКОЛ. 1. Событие, происшествие, случай, курьез.

2. Конфликт, инцидент, столкновение.

3. Удача, успех, счастье, везение.

СВИСТЕТЬ. См. Звонить.

СИЛА. См. Блеск. Мощный.

СОРВАТЬСЯ. Сбежать, бежать, совершить побег, спастись бегством, дать ходу, дать (или задать) стрекача, навострить лыжи.

СОХНУТЬ. См. Бегать.

СТРЕЛЬНУТЬ. Выпросить, вымолить, выклянчить, выканючить.

ФОНАРЬ. Синяк, кровоподтек (под глазом), шишка.

Редакция СМЭ обращается к своим читателям с просьбой присылать советы и предложения, касающиеся работы нашей энциклопедии. Просим на конвертах делать пометку СМЭ.

У нас в «Палате ума» появился новый герой. Знакомьтесь: его зовут Живживка. Он показал нам несколько интересных фотографий. Вот что было изображено на одной из них:

— Я сам высек на камне эти уравнения и думаю, что их никто и никогда не решит.

А потом Живживка запел:

Никому и никогда
Ни за что на свете
Не стереть и не решить
Уравненья эти!

А ну-ка! Докажите этому хвастунишке, что он ошибается! Только, когда будете решать уравнения Живживки, не забудьте, что в каждой строчке справа должно получиться слово, которое состоит изо всех букв, написанных слева. Изо всех до е-ди-ной!

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

ЛИСААА и ЖИИИРАФ

— Это что за чудеса,
Так не пишется «лиса».
И, по-моему, неправ
Тот, кто пишет так «жираф».

Старый способ слишком прост,
Так куда виднее,
Что у лисы огромный хвост,
А у жирафа — шея.

И если ты напишешь коот,—
То, присмотревшись к строчкам,
Легко понять, что кот идет,
А не лежит клубочком.

Прошу ответить поскорей:
А ты какого мненья,
И в имена каких зверей
Ты внес бы измененья?

Фокусы без фокусов

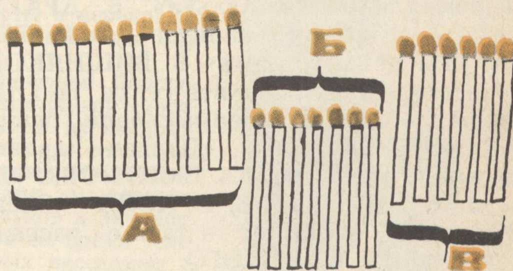

Сначала сделай из картона два маленьких кубика, таких же, какие бывают в настольных играх. На гранях напиши цифры: 1, 2, 3, 4, 5, 6.

Попроси своего товарища бросить кубики так, чтобы ты не видел, какие цифры окажутся на верхних гранях. Теперь пускай твой товарищ одно из чисел, которое выпало на кубике, умножит на пять, прибавит к получившемуся числу семь и сумму умножит на два, затем прибавит к общему результату число, которое выпало на втором кубике, и скажет тебе, что у него получилось, а ты уже быстро вычтешь из общего результата четырнадцать. Первая цифра разности и будет равна цифре на первом кубике, а вторая — цифре на втором.

Перед тем, как показывать этот фокус, потренируйся как следует, чтобы твердо запомнить, какие действия нужно производить с числами. А когда почувствуешь, что ты совершенно готов, можешь показывать этот фокус ребятам. Желаем удачи!

ОСТОРОЖНО! ИГРАЕМ СО СПИЧКАМИ!

Возьмите двадцать четыре спички и разделите их на три части так, чтобы в одной было одиннадцать штук (А), в другой — семь (Б), а в третьей — шесть (В).

Спички можно перекладывать из одной части в другую, но при этом брать из той части, из которой вы перекладываете лишь столько спичек, сколько лежит в той части, куда вы их перекладываете.

Можете взять семь спичек из части А и переложить их в Б; шесть спичек из А переложить в В или шесть спичек — из Б в В.

Поняли, в чем главное условие игры? Интересно, сколько ходов вам придется сделать, чтобы в каждой части получилось по восемь спичек? Мне удалось это сделать за четыре хода.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Ответы на задачи из № 2

ЧП В МАТЕМАТИЧЕСКОМ КЛУБЕ

Девятилетний математик схитрил. Он совсем не производил с числами никаких математических действий. Наш Дед Буквоед сразу догадался, как было дело.

Например, математики называли число «один», и мальчик считал, сколько в названии числа букв, и отвечал «четыре». Так он поступал и с другими числами.

ПРИМЕТЫ МИСТЕРА ФОССА

На эту загадку мы получили больше двухсот ответов. Чего только не придумали ребята! Но большинство отгадало загадку правильно. Мистер Фосс — широкоплечий боксер

ПОЛУЧИТЕ В НАГРАДУ БУТЫЛКУ ЛИМОНАДУ!

Нужно накинуть кольца на бутылки с числами: 25, 19, 6.

ЧЬЯ ЭТО СОБАКА?

Подумав и порассуждав как следует, вы и с этой задачей справились. Собака Арт принадлежит Борису.

Всем участникам марафонского забега

В последнем, двенадцатом номере прошлого года мы провели марафонский забег. Результаты забега мы обещали опубликовать во втором номере, но писем пришло так много и все они такие интересные, что судейская коллегия еще не закончила работу. Результаты забега мы опубликуем в ближайших номерах «Пионера».

анкета-69

Читатели прошлого года отвечали на вопросы «Пионера» (№ 12, 1969 года), а вопросы были такие: какие повести, рассказы, стихи, статьи и очерки тебе больше всего понравились, какую обложку ты считаешь самой лучшей, работу каких художников ты оцениваешь выше всего?

Ответов пришло много. Ребята отвечали на вопросы очень серьезно.

Авторам повестей особенно повезло. На их долю пришлось больше всего пятерок. Даже пятерок с плюсом. И с двумя плюсами. Вероятно, читатели «Пионера» предпочитают повести рассказам.

Впрочем, читателям пришлись по душе и многие рассказы. Лучшими ребята назвали рассказы

«Ответь за галстук» В. ТАРАСА, «Подарок ко дню рождения» Б. ЧУТ, «Моя знакомая слониха Лялька» В. ДРАГУНСКОГО, «Корабли с капитанами» В. ТУЗОВА, «Ты приходи, лось» В. ВИШНЯКОВА.

Читателям понравились стихи **Н. ГЛАЗКОВА «Легенда коромысловой башни», Э. МОШКОВСКОЙ «Первая двойка», «Крыши»** и другие, **Ю. СМИРНОВА «Баллада о смычке», В. ОРЛОВА «Осень»** и стихи **Н. АСЕЕВА,** а также рассказ о нем поэта **Б. СЛУЦКОГО.**

Большой успех выпал на долю сказок и особенно сказки **А. ШАРОВА «Человек-Горошина и Простак».**

Среди авторов статей и очерков больше всего отличных оценок у журналистов **В. ПЕСКОВА, В. ЗОРИНА, С. БОГАТЫРЕВОЙ, В. ГУБАРЕВА.** Ребята высоко оценили также **«Шуточную педагогику»** польского писателя и педагога **ЯНОША КОРЧАКА.**

Лучшие обложки, по оценкам читателей, у номеров «Пионера» — **№ 8 (художник С. ТРОФИМОВ), № 6 (художник Е. МЕДВЕДЕВ) и № 12 (художник Е. МЕДВЕДЕВ).**

Кроме этих художников, ребята отмечают еще работы **О. ВЕРЕЙСКОГО, И. ГАЛАНИНА, А. БОРИСОВА, П. БАГИНА.**

«Пионер» горячо поздравляет победителей конкурса и приглашает их работать для журнала и в этом году.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор **С. Ю. Сахарова.**

Редакционная коллегия:

Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Оформление **К. М. Высоцкой**

Адрес для писем: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон 251-04-27.

Рукописи не возвращаются.
Технический редактор **В. П. Назарова.**

Сдано в набор 31/XII 1969 г. А 00628. Подписано к печати 4/II 1970 г. Формат бумаги 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 370 000 экз. Изд. № 436. Заказ № 320.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

РЕБЯТА!

Вы знаете, что сразу за зимой следует весна и возвращаются из жарких стран птицы, вьют гнезда и выводят птенцов? Допустим, вы отвечаете: «Да,— и спрашиваете:— Ну, и что же дальше?»

Пожалуйста! Ученые говорят, что весна — сложная и важнейшая пора в птичьей жизни, а жить-то им зачастую просто негде!

Значит, ремонтируйте старые и стройте новые домики для птиц, и не только одни скворечники, не забывайте и про синичек, горихвосток, мухоловок, трясогузок.

Никому не давайте разрушать гнезда!

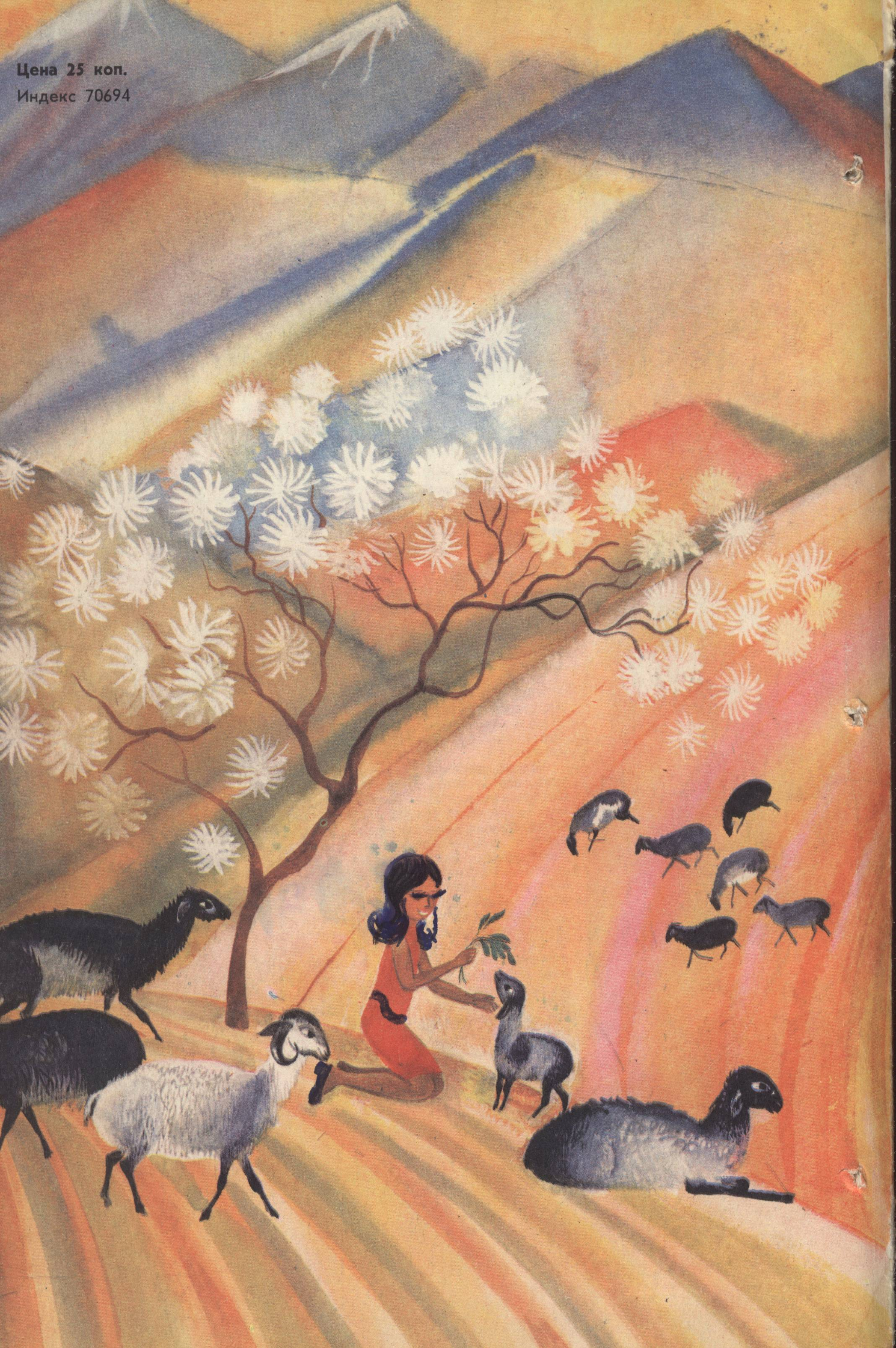
Хищные птицы уничтожают полевых грызунов, и ученые советуют ставить с краю поля высокие шесты с перекладиной — удобные наблюдательные для них пункты.

Теперь немного арифметики! Подсчитано, что десяток майских жуков способен уничтожить всю зелень на квадратном метре поля! Но зато одно семейство прожорливых весенних скворцов выискивает и съедает за время гнездования восемь тысяч майских жуков и личинок. А семейство синиц за это же время успевает переклевать вредных насекомых с сорока яблонь. Понятно?

И наконец, если все вам понятно и вы готовы действовать, то надо сделать так, чтобы как можно больше ребят узнали обо всем этом и стали помогать птицам. Устройте, к примеру, соревнование на самый простой, удобный и красивый домик. И еще не забудьте: надо заранее присмотреть места для развески птичьих жилищ.

Желаю успеха!

Цена 25 коп.
Индекс 70694